

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»**

НАВАСАРДЯН АРМАН ГАРНИКОВИЧ

**ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ
ДИПЛОМАТИИ**

Диссертация:

по специальности ГФ.00.02 – Политические институты и процессы, международные
отношения

Научный руководитель -
д.п.н., профессор Котанджян Г.С.

ЕРЕВАН – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	13
§1.1. Власть: соотношение политической деятельности и политической воли.....	14
§1.2. Императивы гуманизации и модернизации политической культуры.....	27
§1.3. Политическое поведение и специфика политической деятельности в структуре нового миропорядка.....	45
Глава 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	58
§2.1. Государство, государственная власть, суверенитет и политика.....	58
§2.2. Международное право как источник дополнительной власти для суверенного государства.....	73
Глава 3. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.....	84
§3.1. Дипломатическая служба и легитимация власти дипломата.....	84
§3.2. Посол как представитель государственных и национальных интересов	96
§3.3. Психологические особенности трансформации профессионального “Я” дипломата.....	112
Заключение.....	138
Библиография.....	141

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Процесс становления нового миропорядка выдвинул императиву переосмысления современных форм осуществления дипломатической деятельности. В этом контексте, основываясь на геополитических, цивилизационных, социально-психологических и политэкономических составляющих ценностного дуализма современной парадигмы международных отношений, обоснована необходимость изучения проблем развития и гуманизации политической культуры как ключевого фактора модернизации дипломатической деятельности XXI века. Данная необходимость продиктована фрагментарным, деструктивным, игровым и сетевым характером современных политических процессов на международной арене. Становление и развитие многополярного мира наряду со всеми положительными факторами несет с собой также новые симметричные и асимметричные вызовы, которые угрожают государственному суверенитету и национальному государству. В этой связи неуклонно растет интерес как к проблеме дипломатии как специфическому аспекту государственной деятельности и реализации государственной власти, так и к возможностям международного права как источнику дополнительной власти для суверенного государства.

Наряду с этим, эффективное функционирование многополярного мира, гуманизация и повышение транспарентности принятия и реализации политических решений, развитие цифровой дипломатии и института участия *homo politicus* как актора международной политики привели к необходимости гуманизации политического поведения как результата взаимодействия личности и среды. В данном контексте актуальным является системное изучение всего комплекса взаимоотношений между акторами и участниками международных отношений с целью адаптации дипломатической службы к реалиям формирующегося многополярного мира, а также решение проблем легитимации власти дипломатов в новых условиях. В противном случае дипломат становится основной мишенью информационно-коммуникационных манипуляций в условиях развития современной дипломатии.

Современные проблемы трансформации международных отношений, в частности, в Европе, на Ближнем Востоке и на Южном Кавказе свидетельствуют о том, что повышение эффективности дипломатии в условиях становления нового миропорядка выдвигает необходимость развития политической культуры посредством повышения роли

международного права, моральной эволюции и повышения роли эмпатии в деятельности дипломатов.

Следовательно изучение проблем политической воли, политического поведения, государственного суверенитета, легитимности власти дипломатов, а также выявление качеств профессионального дипломата в свете современной психологии стало императивой в современной дипломатии и политической науке.

Степень научной разработанности темы. Одним из определяющих факторов при выборе темы диссертационной работы стала недостаточная степень изученности проблем гуманизации и модернизации политической культуры в процессе становления новой системы международных отношений.

Многие исследователи обращались к проблеме политической культуры в контексте развития современных международных отношений. Так известные американские ученые Г. Алмонд и С. Верба определяют “политическую культуру” как “специфическое распределение моделей ориентации по отношению к политическим объектам у тех, кто принадлежит к населению данной страны”¹. Основополагающее значение в понимании политической культуры играет также труд К. Гирца². В изучение проблем политической культуры весомый вклад внесли также работы П.А. Цыганкова, В. И. Овчинникова, А. И. Пирогова, Т. А. Алексеевой и М. Рыхтика³.

Распад Советского Союза привел к многогранной трансформации устоявшейся системы международных отношений, заложив основы формирования нового миропорядка. Комплексное и системное изучение формирующейся современной системы мировой политики нашли отражение в трудах Г. Киссинджера, З. Бжезинского, С. Хантингтона,

¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба; пер. с англ. Е. Генделя. — Москва : Мысль, 2014; Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. Москва. «Аспект Пресс», 2002; Almond G.A. A functional approach to comparative politics. — In: G. A. Almond and J. S. Coleman (Eds.). The Politics of Developing Areas. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1960; Almond G.A. and Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston: Little and Brown, 1965.

² Гирц К. Интерпретация культур/ Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

³ Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Изд-во Московского университета, 2014; Овчинников В.И. Культура и политика. — В сб.: Политическая социология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. Овчинников В. И. Вебер. — В сб.: Политическая социология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997; Пирогов А. И. Политическая психология. — М. «Трикса», 2005; Алексеева Т. А. Стратегическая культура: эволюция концепции. — Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 130-147; Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США// Вестник Нижегород. гос. ун-та. Серия: История. 2003. Вып. 1. С. 196-212.

Ф. Фукуямы, Ф. Закария, Я. Хуэтонга, М. Лебедевой и др.⁴.

В данном контексте выдвигается императива гуманизации политической культуры как необходимого фактора безопасного развития человечества в условиях глобализации и глокализации. Проблема гуманизации обоснована, в частности, на основании труда профессора Э.С. Маргаряна, в которой предлагается совершить переход к гуманистически направленному типу развития цивилизации как условию самосохранения человечества⁵.

Гуманизация политической культуры приведет к трансформации политического поведения и социализации *homo politicus*⁶. Это даст возможность трансформировать деятельность дипломата для адекватного реагирования на вызовы и угрозы нового миропорядка, гармонизируя универсальные и национальные ценности и интересы. С этой точки зрения важно выделить работы Р. Парка и К. Лоренца⁷.

Важное значение в контексте развития современных международных отношений занимает изучение понятия “государственный суверенитет” и его трансформация под воздействием процессов глобализации и глокализации. В этом отношении необходимо выделить одного из основателей понятия “суверенитет” Ж. Бодена⁸. Сегодня в процессе становления нового миропорядка проблемы трансформации “суверенитета” рассматривают такие ученые, как Халипов В. Ф., Леонтьев А. Н., Хекхаузен Х., Моисеев А.А., Дандамаев

⁴ Киссинджер Г. Мировой порядок/ Пер. с англ. Желнинов В., Милюков А. AST Publishers, 2015; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? Пер. с англ. под ред. Иноземцева В.Л. – М.: Ладомир, 2002; Лебедева М.М. Современные тренды мирового развития: новое качество мира. // Метаморфозы мировой политики. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО (У), 2012; Bzeinski Z., Strategic vision: America and the Crisis of Global Power, New York: Basic Books, 2012; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Пер. с англ. Велимеева Т., Новикова Ю. – М.: ООО “АСТ”, 2003; Фукуяма Ф. Государственный порядок: научно-популярное издание/ Пер. с англ. В.Л. Гончарова. – М.: Изд-во АСТ, 2015; F. Zakaria, The Post-American World, NY London: W. W. Norton & Company, 2008; Yan Xue-Tong, Analysis of China’s national interests, 2008, http://cns.miis.edu/books/pdfs/china_national_interests.pdf

⁵ См.: Маргарян Э.С. Гуманизм XXI столетия. Идеология самосохранения человечества. – Ер.: Изд-во РАУ, 2008.

⁶ Налчаджян А. А. Социальная психология. Ереван: «Огебан», 2004; Политическая социология. Ответственный редактор Г. П. Сопов. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997; Смелзер Н. Социология. Москва: «Феникс», 1994; Dawson K. E., Prewitt K. and Dawson K. S., Political Socialization. 2nd Ed., Boston: Little and Brown, 1977; Greenstein F. J. Political Socialization. – In: D. Shils (Ed.). International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: Macmillan. Vol. 14, pp. 551 – 555; French, J.R.P. and Raven B. The bases of social power. – In: D. Cartwright (Ed.). Studies in Social Power. Ann Arbor (MI): Institute for Social Research, 1959, pp. 150 – 167; Schefflen A.E. Body Language and Social Order: Communication as Behavior Control. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1972; French J.R.P. and Raven B. The bases of social power. – In: D. Cartwright (Ed.). Studies in social power. Ann Arbor (MI). Institute for Social Research, 1959, pp. 150 – 167; Stone W.F. and Shaffner P.E. The Psychology of Politics. 2nd ed., New York: Springer Verlag, 1988; Пушкарев Г.В., Homo politicus: человек политический. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014.

⁷ Park R.E. Human Ecology // On Social Control and Collective Behavior. Selected Papers / Ed. R.H. Turner. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1967. p. 69-84; К. Лоренц Восемь смертных грехов цивилизованного человечества// в книге "Оборотная сторона зеркала", –М.: «Республика» 1998.

⁸ J. Boden, On Sovereignty: Four Chapters from Six Books of the Commonwealth. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Burdeau J. Traité de science politique. T.1, Paris, 1966.

М. А., Ушаков Н. А., Шевцов В. С., Хейвуд Дж., а также Тихомиров Ю. А.⁹. Наряду с данными авторами актуальные проблемы трансформации национального и государственного суверенитета изучены в трудах И. Валлерстайна, Дж. Аркера, Г. Ванга, В. Цымбурского и А.А. Кокошина, а также В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова и Н.Н. Федотовой¹⁰.

Формирование новой системы международных отношений обуславливает необходимость системного изучения дипломатической деятельности как фактора эволюционной модернизации государственной власти. В данном контексте необходимо выделить, в первую очередь, работы по проблемам власти и современной дипломатии Р. Даля (R.A. Dahl), Ж. Бурдые (Burdeau J.), М. Дюверже (Duverger M.), Р. Арона (Aron R.), М. Фуко, Ж. Камбона, Г.Н. Никольсона, Ф. Кальера, О.Ф. Сакуна, Н.В. Старикова и др.¹¹

Наряду с этим, психологические особенности трансформации профессионального “Я” дипломата представлены в работах таких исследователей, как П.П. Гайденок, Ю.Н. Давыдов, Л.Я. Гозмана, А.А. Деркача, Л.Г. Лаптева, Н.Й. Лавика, А.Н. Леонтьева, А.Г. Маклакова, А.А. Налчаджяна, Д.В. Ольшанского, А.И. Пирогова, С.Л. Рубинштейн, В.П. Шейнова, К. Барнер-Берри (Barner-Berry C.), Р. Розенвайна (Rosenwein R.), Дж.Р.П. Френча (French

⁹ Халипов В. Ф. Энциклопедия власти. –М.: «Академический проект», «Культура», 2005; Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. –М. 1975; Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В двух частях. –М.: «Педагогика», 1986; Моисеев А.А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. –М.: «Научная книга», 2006; Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. –М.: «Наука», 1985; Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. Москва: Изд-во ИМО, 1963; Шевцов В.С., Национальный суверенитет (проблема теории и методологии).– М.: «Юридическая литература», 1978; БСЭ, Том 25. –М.: Изд-во «Советская энциклопедия» 1976; Хейвуд Дж. Политология. –М.: «Юнити», 2005; Тихомиров Ю.А. Публичное право. –М.: «Юнити», 1995; Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет.– М.: «История и современность», №1, 2005.

¹⁰ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева, –М.: Логос, 2003; J. Archer, Globalisation and the alleged demise of the sovereign state, Journal of South Pacific Law, Volume 8, 2004 – Issue 2, <http://www.paclii.org/journals/fJSPL/vol08no2/1.shtml>; G. Wang, The impact of Globalization on State Sovereignty, Chinese Journal of International Law, 2004, 3(2), <http://chinesejil.oxfordjournals.org/content/3/2/473.full.pdf+html>; В. Цымбурский Игры суверенитета: Новый возраст России, http://www.intelros.ru/pdf/rus_magazin/02_2008/25.pdf; А.А. Кокошин, Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. –М.: Европа, 2006; В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова, Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008.

¹¹ Dahl R.A. The Concept of Power. – “Behavioral Sciences”, 2, 1957; Венская конвенция о дипломатических сношениях (принята 18 апреля 1961 года); Венская конвенция о консульских сношениях (принята 24 апреля 1963 года), Занова Т. В. Дипломатия. Модели, формы, методы. Учебник для вузов. –М.: «Аспект Пресс», 2013; Кальер Ф. Каким образом договариваться с государями. –М.: Издательство «МИА», 2001; Фуко М. Безопасность, Территория, Население/ Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / Пер. с франц. Н.В. Сулова, А. В. Шестакова, В.Ю. Быстрова, Hautes Etudes, Gallimard Seuil. –СПб.: «Наука», 2011 Камбон Ж. Дипломат. –М.: «ОГИЗ», 1946; Никольсон Г. Н. Дипломатическое искусство. –М.: Издательство Института международных отношений. 1962; Никольсон Г. Н. Дипломатия/ Перевод с англ. под ред. А. А., Трояновского. –М.: «ОГИЗ», 1941; Сакун О.Ф. Дипломатическое ремесло. –М.: Международные отношения, 2008; Самойленко В.В. Дипломатическая служба. –М.: Изд-во «Норма», 2011; Стариков Н.В. Геополитика: Как это делается. –СПб.: «Питер», 2014; Ա.Գ. Նավասարդյան, Դիվանագիտություն, Երևան, «Մուղնի», 2010; Ա.Գ. Նավասարդյան, Հերմետից մինչև մեր օրերը//Մատենաշար «Հետաքրքրաշարժ դիվանագիտություն», գիրք U, Երևան, «Գրական հայրենիք», 2011; Ա.Գ. Նավասարդյան, Հելլադայի դիվանագիտական որոգայթները: Հայացք XXI դարից//Մատենաշար «Հետաքրքրաշարժ դիվանագիտություն», գիրք Բ, Երևան, «Հայաստան», 2012; Aron R. Les institutions politiques de l'Occident dans le monde du XX siècle. La Démocratie à l'épreuve du XX siècle. Paris, 1960; Berridge G.R. Diplomacy. Theory and Practice. Third Edition. New York: Palgrave Macmillan; Burdeau J. Traité de science politique. T.1, Paris, 1966; Barston R.P. Modern Diplomacy. Third Edition. London, New York, Pearson, Longmann, 2006; Duverger M. Introduction à la politique. Paris, 1964; Duverger M. Institutions politique et droit constitutionnel. Paris, 1966.

J.R.P.), Б. Равена (Raven B.), А.Е. Шлефлена (Schefflen A.E.), Г.Д. Лассуэлла (Laswell H.D.), В.Ф. Стоуна (Stone W.F.) и П.Е. Шаффнера (Shaffner P.E.)¹².

Безусловный интерес в изучении проблем современного миропорядка и глобального управления представляют работы доктора политических наук, генерал-майора Г.С. Котанджяна, который на качественно новом уровне исследовал данные проблемы применительно к армянской действительности, выявив их стратегические аспекты¹³. В армянской действительности проблемами современных международных отношений, государственного суверенитета, политической культуры и гуманизма занимаются также такие отечественные ученые и исследователи, как М. Маргарян, В. Согомонян, А. Маркаров, В. Кардумян¹⁴ и др.

Однако, на сегодняшний день можно констатировать, что проблема гуманизации и модернизации политической культуры в условиях становления новой системы международных отношений, а также процесс внедрения политической культуры в сферу практической дипломатии остаются недостаточно исследованными.

Объектом диссертационного исследования является проблема развития политической культуры в условиях изменяющегося миропорядка.

Предметом исследования являются проблемы гуманизации политической культуры в контексте развития современных международных отношений.

¹²Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. –М., 1991; Гозман Л.Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. –Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996; Гуревич П.С. Политическая психология. –М.: «Юрайт», 2013; Деркач А.А., Лаптев Л.Г. Политическая психология. 2-е изд. –М.: «Юрайт», 2013; Кальер Ф. Каким образом договариваться с государями. –М.: Издательство «МИА», 2001; Лавик Н.Й. Политическая психология. Москва: «РОССПЭН», 2013; Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. –М.: 1975; Маклаков А.Г. Общая психология. –СПб.: «Питер», 2003; Налчаджян А.А. Социальная психология. –Ер.: «Огебан», 2004; Налчаджян А.А. Психика, сознание, самосознание. –Ер., 2011; Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. –М.: «Академический проект», Екатеринбург: «Деловая книга», 2002; Пирогов А.И. Политическая психология. –М.: Трикса, 2005; Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. –М., 1945; Шейнов В.П. Психология лидерства, влияния и власти. –Минск: «Харвест», 2008; Barber-Berry C. And Rosenwein R. Psychological Perspectives on Politics. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice – Hall, 1985; French, J.R.P. and Raven B. The bases of social power. – In: D. Cartwright (Ed.). Studies in Social Power. Ann Arbor (MI): Institute for Social Research, 1959; Schefflen A.E. Body Language and Social Order: Communication as Behavior Control. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1972; Laswell H.D. Power and Personality. New York: W.W. Norton, 1948; Stone W.F. and Shaffner P.E. The Psychology of Politics. 2nd ed., New York: Springer Verlag, 1988.

¹³Котанджян Г.С. Этнополитология конфликта. Основы военной политики и национальной безопасности Армении. –Ер.: ИНСИ МО РА, 2010; Котанджян Г.С. Основные направления разработки стратегии национальной безопасности Армении в контексте архитектуры региональной безопасности, –Ер.: Институт национальных и стратегических исследований им. Драстамата Канаяна МО РА, 2008.

¹⁴Մ.Մ. Մարգարյան, Քաղաքական ընտրանին և ժողովրդավարականացման հիմնախնդիրները Հայաստանի Հանրապետությունում, Երևան, Պետական ծառայություն, 2006; Մ.Մ. Մարգարյան, Քաղաքական գաղափարների և արդիականացման հիմնահարցեր, Երևան, Պետական ծառայություն, 2004; В. Согомонян, Пресс-секретарь президента. – М.: АСТ, 2009; Маркаров А.А. Безопасностные дилеммы и перспективы разрешения конфликтов на Южном Кавказе// Աշխարհաքաղաքական տեսություն. – Ер., 2011, № 1-2. – С. 214-225; Кардумян В.Г. Некоторые проблемы современной системы международных отношений. –Ер.: Изд-во РАУ, 2013.

Основная цель и задачи исследования. Основная цель диссертационной работы заключается в том, чтобы раскрыть основные проблемы гуманизации политической культуры, выявляя механизмы его модернизации и адаптации к вызовам современной международной политики.

Реализация поставленной цели предусматривает решение следующих исследовательских задач:

1. Определение фундаментальных проблем исследования понятия и типологии политической культуры, которые связаны с ее местом и значением в современной международной политике;

2. Выявление новых аспектов и проблем развития теории политической культуры в условиях сетевых международных отношений, а также раскрытие основных характеристик культуры общества и сущности политической социализации;

3. Изучение политической коммуникации и выявление механизмов формирования убеждений и изменения установок людей;

4. Выявление закономерностей гуманизации политического поведения и раскрытие легальных и нелегальных форм политической активности;

5. Анализ проблем обеспечения государственного суверенитета в условиях как глобализации, так и глокализации;

6. Оценка принципов международного права как источника дополнительной власти для суверенного государства;

7. Обобщение и определение проблем легитимизации власти дипломата, связанных с несением дипломатической службы;

8. Выработка направлений гуманизации и модернизации качеств профессионального дипломата в свете развития современной психологии.

Методологическая основа диссертационного исследования. При выборе методологии для изучения актуальных проблем гуманизации и модернизации политической культуры определяющую роль сыграли требования настоящего этапа развития политической науки в процессе развития современных международных отношений. Изучение проблем политической культуры осуществлено в рамках динамики развития международных отношений, политической глобалистики, политической глокалистики, политической

психологии и психологии, нетологии (netology), а также политической антропологии и культурологии. В обозначенных в диссертации научных направлениях был применен диалектический метод, с учетом динамики влияния трансформации международных отношений, цивилизационных и правовых аспектов на гуманизацию и модернизацию политической культуры. С помощью системного и синергетического методов осуществлен структурно-функциональный анализ, позволивший раскрыть необходимость процесса трансформации политического поведения дипломата как результата взаимодействия личности и среды.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе основных актуальных проблем гуманизации и модернизации политической культуры в условиях развития современных международных отношений. В работе совершена попытка системного анализа политической культуры с целью ее внедрения в область практической дипломатии.

Таким образом, были зафиксированы следующие результаты, содержащие научную новизну:

1. Разработан авторский подход к определению понятия «политическая культура». С этой точки зрения гуманизация политической культуры рассматривается в качестве базовой ценности для сближения интересов «центр-периферия»;
2. Обоснована необходимость включения политической культуры в сферу осуществления практической дипломатии;
3. Выявлено решающее значение взаимодействия личности и среды в формировании политического поведения дипломата;
4. Аргументирована решающая роль дипломатии как специфической формы деятельности по реализации государственной власти и формы государственной службы;
5. Для эффективного выполнения полномочий дипломата, разработана формула зависимости особенностей власти дипломата от характера формы правления в государстве пребывания;
6. Выявлены основные проблемы эффективного применения принципов эмпатии и альтруизма в современной дипломатии, аргументировав необходимость рационализации

поведения дипломата в контексте модернизации государственных и национальных интересов.

Новизной характеризуются следующие теоретические и практические положения, выносимых на защиту:

1. Процесс реализации политических решений, связанный с риском и ответственностью, предполагает такие виды социальных поступков, которые требуют от человека политической воли, т. е. решительности и способности концептуально использовать власть, и на основе собственной конкурентоспособности модернизировать ценностные установки внешней политики страны.

2. Согласно Г. Алмонду и С. Вербе «политическая культура» отсылает конкретно к политическим ориентациям — установкам по отношению к политической системе и различным ее частям, а также к установкам по отношению к роли собственного «я» в политической системе. Однако современные особенности развития международных отношений дают возможность обосновать необходимость гуманизации политической культуры. Это дает возможность расширить социальное пространство политической системы «я», основываясь на политическом диалоге и развитии сотруднической культуры.

3. Взаимодействие личности и среды представляет собой сложную и динамичную систему, в рамках которого не только личность и внешняя среда детерминируют политическое поведение дипломата, но также сами ценностные установки политического поведения и их трансформация диктуют векторы развития как среды, так и личности дипломата.

4. При подготовке решения о вступлении в какую-либо международную организацию субъектам государственной власти необходимо учитывать соотношение модернизации государственной власти и уровень делегирования определенной части государственного суверенитета на наднациональный уровень. Это даст возможность государственным структурам не только быть представленными, но также принимать участие в принятии решений в рамках глобального управления. Участие в глобальном управлении будет способствовать гуманизации политической культуры посредством диалога и развития сотруднической культуры.

5. Деятельность дипломата обусловлена не механической идентификацией с партнером, а рациональной эмпатией, которая дает возможность, объективно анализируя политическую действительность, становится актором гуманизации и модернизации политической культуры в современных международных отношениях. Это позволит обеспечить эффективное и безопасное функционирование нового миропорядка.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что результаты многогранного анализа актуальных проблем политической культуры в современной дипломатии могут послужить теоретической базой для дальнейших исследований и разработок в области изучения политической деятельности, проблем политической воли и политической коммуникации. Также основные выводы и заключения могут послужить теоретической базой для изучения процессов, формирующих политическое поведение, его влияния на развитие сотруднической культуры и разработку модернизированных подходов к осуществлению политической деятельности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что диссертационное исследование является первой попыткой сближения политической культуры и практической дипломатии. Результаты работы могут найти практическое применение в образовательной политике по подготовке и стажировке дипломатических кадров и специалистов в области международных отношений, обеспечению безопасности РА в информационном пространстве, в разработке механизмов ведения сетевых и кибервойн. Результаты исследования могут стать хорошей базой для модернизации дипломатической деятельности как специфического аспекта государственной деятельности и реализации государственной власти.

Апробация работы. Диссертация была представлена и обсуждена на кафедре Мировой политики и международных отношений Института права и политики Российско-Армянского (Славянского) университета. Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в семи научных статьях.

Источниковая база исследования. При подготовке диссертационного исследования было изучено и проанализировано 138 источников, которые можно подразделить на следующие группы. В первую группу вошли официальные документы, в частности,

основополагающие документы, регулирующие международные отношения в условиях формирования нового миропорядка. Наряду с этим были проанализированы книги и монографии армянских и зарубежных авторов в области политической культуры, гуманизации, нового миропорядка и дипломатической деятельности. Изучение этих трудов позволило существенно обогатить научно-техническую базу диссертации и выявить современные тренды вокруг исследуемой темы.

Структура работы обусловлена поставленными целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, а также библиографии.

Глава 1. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

После распада СССР произошел переход от биполярной системы международных отношений к однополярной. Данный переход сопровождался процессом превращения США в единоличного сверхактора мировой политики, диктовавшего свои интересы в рамках глобальной повестки развития международных отношений. Однако, уже в начале 21 века, намечился “рост остальных”¹⁵ в лице, в частности, стран БРИКС и ШОС.

Это позволило многим исследователям зафиксировать окончание однополярности в международных, говоря о процессе перехода к многополярным международным отношениям. Особую роль в данных процессах сыграл Китай, которому к 2010г. удалось стать второй по величине экономикой мира, обойдя Японию¹⁶. Тем не менее это не дает возможность говорить о переходе к новой многополярности. В этой связи З. Бжезинский пишет, что если Америка будет переживать упадок, то вряд ли в мире начнет доминировать один единственный преемник США, в частности, Китай. Более того, по его мнению, Китай ни сейчас, ни в ближайшие несколько десятков лет не сможет взять на себя роль США в мире¹⁷. Основываясь на мнении З. Бжезинского, можно отметить, что развитие событий в мире после распада СССР, а также “рост остальных”, дает возможность утверждать, что сегодня мир находится в процессе формирования нового миропорядка.

Г. Киссинджер пишет: “Современные поиски мирового порядка требуют согласованной стратегии, направленной на создание концепции порядка внутри различных регионов и на взаимное увязывание этих региональных порядков. Эти цели необязательно совпадают или согласуются друг с другом: триумф радикального движения мог бы установить порядок в одном регионе – и одновременно породить условия для потрясений в других странах и для конфликтов между ними. Если в каком-то регионе одна страна станет доминировать в военном отношении и это обернется установлением порядка, то возможно возникновение кризиса во всем остальном мире”¹⁸. В данном контексте примечателен также

¹⁵See: F. Zakaria. The Post-American World, New York and London: W. W. Norton & Company, 2008, p. 2

¹⁶ China GDP Surpasses Japan, Capping Three-Decade Rise, Bloomberg News, August 16, 2010, <http://www.bloomberg.com/news/articles/2010-08-16/china-economy-passes-japan-s-in-second-quarter-capping-three-decade-rise>.

¹⁷См.: Brzezinski Z., Strategic vision: America and the Crisis of Global Power, New York: Basic Books, 2012, pp. 75, 79.

¹⁸ Киссинджер Г. Мировой порядок/ Пер. с англ. В. Желнинов, А. Милуков. AST Publishers, 2015. – С. 228.

подход профессора М. Лебедевой: “Процесс формирования новых связей и отношений системы политической организации мира не будет идти линейно. Как для любого развития, для него будут характерны волны. Причём в ближайшее время можно ожидать усиления хаотизации в мире, и потребуются укрепление существующей системы политической организации мира с тем, чтобы разработать и выстроить основы новых принципов”¹⁹. Таким образом, учитывая опыт двух последних десятилетий, начиная от Югославии и заканчивая Афганистаном, Ираком, Ливией и Сирией, мы убеждены, что новый миропорядок должен включить в свою основу идею развития новой политической культуры как ключевого фактора безопасного существования человечества в новых условиях.

§1.1. Власть: соотношение политической деятельности и политической воли

Становление и развитие нового миропорядка оказывает комплексное воздействие на структуру и акторов современных международных отношений, трансформируя традиционные подходы к осмыслению политической деятельности. В данном контексте возникает необходимость рассмотрения ценностной многогранности понятия “власть” с целью ее модернизации и адаптации к изменяющимся реалиям нового миропорядка.

Понятие “власть” – одно из важнейших и во многом еще загадочных социальных явлений, настолько важных, что понятие власти, по-видимому, должно стать одной из основ всех наук об обществе и человеке. Все науки, изучающие человека, общество и общественные отношения (история и другие), должны быть построены, наряду с прочими, также с помощью понятия «власть» в качестве одного из ведущих понятий социальных наук.

Трудно, однако, предложить однозначное и четкое определение власти, поскольку в политологической литературе чаще всего встречаются общие характеристики этого явления. В качестве исходной характеристики власти можно взять следующую: «Власть в общем смысле – способность и возможность осуществить свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства –

¹⁹ Лебедева М.М. Система политической организации мира: идеальный шторм / Вестник МГИМО, 2016. - № 2. – С. 130.

авторитета, права, насилия...»²⁰. Из этого рабочего определения власти мы будем исходить в дальнейшем.

Выражение «способность и возможность осуществить свою волю» касается субъекта или носителя власти. Если есть субъект власти (индивид или группа), есть также ее объект (тоже индивид или социальная группа), поведение и психическое состояние которого субъект с помощью власти стремится изменить желательным для себя образом. Объект власти – это мишень, цель для субъекта власти, который осуществляет воздействие на него и вынуждает его совершить какие-то действия (подчиниться, выполнять какую-либо деятельность, исполнять его поручения) или, наоборот, воздержаться от совершения каких-то поступков).

Следует заметить, что не только в повседневной жизни, но и в профессиональной литературе часто встречаются выражения следующего типа: «Власти так считают», «Власти страны решились на такой шаг», «На это событие власти отреагировали неадекватно» и т. п. Такое употребление слова «власть» является ошибочным. Не власть сама действует, реагирует, а действует и реагирует субъект власти. Более конкретно – это руководитель какой-либо организации или учреждения, глава государства или премьер-министр или другие облеченные властью лица, командир воинского подразделения, а также группы руководителей (групповой субъект власти), посол какого-либо государства в другой стране и т. д.

В социальных группах, организациях, а тем более в учреждениях государственной власти приобретенная собственными усилиями или полученная от вышестоящего руководителя власть конкретизируется и «материализуется» в виде полномочий и прав, которые очень часто получают конкретное выражение в приказах о назначении человека на должность, в инструкциях, законах и других юридических документах. В хорошо организованных и устойчиво функционирующих организациях или государствах власть обычно передается (делегировается) вышестоящими должностными лицами нижестоящему исполнителю. Человек получает власть в виде полномочий и начинает действовать, исполнять порученную социальную роль.

²⁰ Философский энциклопедический словарь. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1983. – С. 85.

Субъектами власти, как уже сказано выше, могут быть не только индивиды (в роли руководителя или лидера), но также социальные группы (например, правящая элита страны, либо министерства или организации).

Социальный субъект (А), который имеет власть над другим социальным субъектом (В - объектом его власти), тем самым начинает господствовать над ним, в то время как В становится его подчиненным (подвластным). Отношения господства и подчинения широко распространены во всех обществах, хотя в них они могут иметь свои особенности, например, различные уровни строгости, различные по ширине сферы подчинения. Без них невозможно установить надлежащий социальный порядок и целесообразное поведение социальных групп, организаций, государственных учреждений. Поэтому, хотя многие граждане выражают недовольство своим подчиненным положением, такая организация общества неизбежна и необходима. Однако вполне законно требовать, чтобы отношения субъектов и объектов власти были целесообразными и справедливыми. Одним из аспектов развитой демократии является именно справедливость отношений людей и социальных групп в обществе.

Для понимания власти и процесса функционирования ее субъектов необходимо иметь представление также о ее видах. Власть – сложное и многогранное явление. Поэтому для выделения и описания ее видов есть возможность взять за основу различные критерии, в числе которых следующие: а) природа субъекта власти; б) те ресурсы (средства), которые либо конвертируются во власть, либо используются для осуществления власти субъекта (как средства ее применения).

I. Когда в качестве критерия берется субъект власти (т.е. тот, кто является ее носителем), можно выделить следующие ее виды:

- 1) Индивидуальная или личная власть;
- 2) групповая или коллективная власть;
- 3) государственная власть.

II. Когда в качестве критерия берется сфера человеческой деятельности, в которой возникают отношения субъект власти – объект власти, выделяются следующие виды власти:

- 1) политическая власть (власть политического деятеля или группы политиков);
- 2) семейная власть (власть главы семьи над остальными ее членами);

- 3) организационная власть (власть в организациях, власть их руководителей);
- 4) военная власть (власть командира над подчиненными солдатами и офицерами).

III. Когда в качестве критерия берутся те ресурсы и средства, которые используются индивидом или группой с целью установления власти над другими людьми или группами, выделяют еще несколько видов власти. Такой подход в исследованиях власти уже применен двумя американскими авторами – Дж. Френчем и Б. Равеном, которые предложили выделить следующие виды власти:

1) **Власть поощрения или вознаграждения.** – Если индивид А имеет в своем распоряжении такие средства и ценности, с помощью которых может поощрять другого, его правильное или полезное для себя поведение (например, исполнение роли в учреждении), то у него имеется власть над этим человеком. В таких случаях **поощрение обменивается на желательное поведение, на определенные социальные поступки.** Поощрение и вознаграждение могут быть как материальными (зарплата для работника, сласти для ребенка и т. п.), так и социального и психологического характера (повышение по службе, почетные звания и т. п.). Все они широко применяются в организациях.

2) **Власть наказания или принудительная власть.** Если человек имеет в своем распоряжении средства и право наказывать другого за плохое исполнение роли или поручения, то и это означает, что он имеет власть над другим человеком. Тот субъект, который пользуется принудительной властью (coercive power) для достижения преобладания над волей других использует не «пряники», как в предыдущем случае, а «кнут». Иначе говоря, данная разновидность является противоположностью власти поощрения (вознаграждения); она основывается на угрозах, возможных или действительных наказаниях. Принудительная власть широко распространена во всех социальных группах, начиная с семьи и кончая обществом в целом. Многие родители и руководители пользуются преимущественно этой разновидностью власти. Использование принудительной власти сопровождается применением различных орудий: тюрем, оружия, инструментов для пыток.

3) **Референтная власть.** **Референтной властью** (reference power) обладают те люди, подчиненные которых желают быть похожими на своих лидеров. Человек, обладающий референтной властью, может иметь сходство с «мишенью», объектом власти. Подчиненный

может считать такого лидера желательным объектом подражания, таким эталоном, с помощью которого он оценивает свою личность и поступки.

4) Экспертная власть – это власть специалистов. Это власть инженеров, врачей, ученых и других профессионалов, основанная на их знаниях и опыте работы в своей сфере деятельности. Хорошие специалисты влиятельны и в этом смысле обладают властью над людьми.

5) Информационная власть. Данную разновидность власти можно охарактеризовать в качестве способности оказать влияние на людей с помощью фактов и суждений, различных аргументов. Информационная власть имеет сходство с экспертной властью, поскольку в обоих случаях обладатель этих видов власти стремится изменить систему знаний и умений людей, их взгляды и установки. Из двух взаимодействующих лиц властью обладает тот, у кого имеется такая информация, которой у другого нет и с помощью которой он может оказать влияние на его поведение. Таковы, например, такие сведения, с помощью которых можно дискредитировать другого²¹.

Вместе с этим необходимо отметить, что всякая деятельность, целью которой является приобретение и использование власти, установление контроля и господства субъекта над другими людьми, борьба за обладание властью и т.п. – это политика. Однако имеется специфическая сфера человеческой деятельности, в которой все перечисленные и другие виды активности с использованием власти являются ведущими и преобладающими. Это область управления государством и политическими организациями, народными массами, избирателями и т. д. Это сфера политики. Власть, которой пользуются такие деятели (которых коротко называют политиками) – это политическая власть. Такова власть главы государства над гражданами, но в первую очередь – над коллективом своего аппарата. Это власть лидеров политических партий над их членами. Это власть лидера организации, особенно преследующей политические цели организации, над своими последователями и т. д.

Специфическим видом политической власти является власть дипломатов, в частности посла, над своими подчиненными – явление, которое будет предметом нашего исследования во второй части настоящего труда.

²¹См.: French J.R.P. and Raven B. The bases of social power. – In: D. Cartwright (Ed.). Studies in social power. Ann Arbor (MI). Institute for Social Research, 1959, pp. 150 – 167.

Политическая власть справедливо считается наиболее важным для общества видом власти. Это, например, власть правящей элиты, которая добивается подчинения других групп, добивается создания и утверждения таких законов, которые считаются либо полезными и необходимыми для общества в целом, либо для отдельных социальных групп и слоев (страт), в том числе для собственной референтной политической группы. Когда «в руках» определенной социальной группы оказывается политическая власть, она получает возможность навязывать другим группам, социальным слоям или классам свою волю, т. е. пытается установить над ними свое господство.

Политической властью могут обладать политические партии, различные организации, профсоюзы, целый ряд международных организаций (как в наше время ООН, международные суды, международные финансовые организации и т.п.). Тем не менее, наиболее типичным и главным субъектом политической власти является государство. И по сему в политологии выделяется важнейший подвид политической власти – государственная власть. Для реализации своей власти государство, как высшая организация общества, располагает почти всеми средствами (ресурсами) и способами расширения и осуществления власти, которые брались в качестве источников власти в уже упомянутой выше концепции видов власти, предложенной Дж. Френчем и Б. Равеном. Среди средств реализации государственной власти первые места по степени важности занимают аппараты политического принуждения – судебные органы, полиция, армия, органы государственной безопасности и др. Власть этих социальных организаций и инстанций распространяется либо на все общество, либо на его большие сегменты. Государство, как большая организация, осуществляет различные виды деятельности, которые являются способами реализации, применения политической власти и достижения определенных политических целей. Выдвигаемые государственными учреждениями и организациями цели, как правило, имеют значение для всего общества. Например, в конце 2013 г. и в начале 2014 г. в Армении широко обсуждался и продолжает обсуждаться новый закон о пенсионном обеспечении граждан. Вокруг этого закона и теперь наблюдается борьба политических партий, общественных организаций и некоторых групп активистов. Одни из них защищают уже принятый закон, считая его полезным и необходимым, другие критикуют и требуют его

отмены. Это пример политической борьбы – одной из самых распространенных видов политической активности или деятельности.

С данной точки зрения зададимся вопросом, что представляет из себя «политическая воля». Идея воли присутствует уже в самом определении власти, которое исходит из того, что власть одного субъекта над другими (индивидами или группами) есть возможность принуждения делать то, что они не сделали бы без такого принуждения. Это подчинение объекта власти воле ее субъекта.

Однако словосочетание «политическая воля» очень часто используется без указания на то, что под этим понимают. Например, говорят: «Для решения данной проблемы правительство должно проявлять политическую волю». Но что такое «политическая воля», не уточняется. Положение ухудшается еще и тем, что при чтении литературы по политологии и, в частности, по вопросам власти, не всегда можно получить ясное представление, какое научное понимание воли человека берется за основу рассуждений о «политической воле». Знают ли многие современные политологи, как решается проблема воли в современной психологии человека? Существует ли явление под названием «коллективная воля»? и т. п. Вопросов много, и в политологических трудах (даже в серьезных) ответ на них найти трудно²².

Для разрешения этой трудной ситуации существует один выход – обращение к тем психологическим трудам, в которых излагаются результаты исследования воли человека, его волевых качеств, силы воли, ее слабости и безволия, других аспектов этой сложной проблемы.

Согласно современной психологии, воля – это способность человека выдвигать перед собой крупные и труднодостижимые цели и путем преодоления трудностей и преград добиваться этих целей. Явление воли определяется также как «...сознательная саморегуляция субъектом своей деятельности и поведения...»²³.

Для чего осуществляется такая саморегуляция, которая требует от человека серьезных усилий и большого расхода энергии? Основные цели саморегуляции следующие: а)

²² Психологические представления о воле можно найти, например, в следующих трудах: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. –М., 1946 (2002); Общая психология. Под ред. А.В. Петровского. –М.: «Педагогика», 1986. Новую концепцию воли предложил Налчаджян А.А. в монографии «Психика, сознание, самосознание», –Ер., 2011; Шейнов В.П. Психология лидерства, влияния и власти. –Минск: «Харвест», 2008.

²³ Краткий психологический словарь. Под общей редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. –М.: «Политиздат», 1985. –С. 48.

выдвижение целей, принятие решений о том, к какой цели стремиться; б) преодоление трудностей на пути, по которому человек идет к своей цели, т. е. в ходе целенаправленной деятельности.

В каких ситуациях жизни возникает необходимость в активности воли (волевых усилий и волевой саморегуляции поведения)? В философии и психологии установлено, что таких ситуаций много, но основными являются следующие:

а) Когда человек должен исполнять определенную деятельность, но его личная мотивация слаба, возникает необходимость найти дополнительные стимулы и мотивы исполнения как внешних двигательных актов, так и внутренних психических процессов. Поиск таких дополнительных стимулов – одновременно как познавательный, так и волевой, а нередко также насыщенный эмоциями процесс. Для иллюстрации такого усиления мотивации поведения обычно приводят следующий пример: когда дворник работает неохотно, так как его работа однообразна, скучна и неинтеллектуальна, ему следует внушить (или сам он может себе внушить), что подметает не просто двор своего дома, а определенную часть территории своего государства, или, что еще сильнее как мотив, определенный участок планеты Земля. Это создает мотивацию более высокого уровня. Произвольно можно приписать более важное значение также уже имеющимся у личности мотивам и целям подчеркиванием их еще большей значимости, а также ожидаемым результатом совершаемой деятельности. В целом, полезно с помощью волевых актов усилить личностное значение всей совершаемой деятельности или отдельных ее блоков.

б) Когда предстоит осуществить выбор между двумя или большим числом мотивов или целей деятельности, т.е. когда в психике личности идет борьба мотивов.

в) При наличии серьезных внутренних и внешних препятствий на пути, ведущем к цели (усталость, активность других потребностей и желаний, создаваемые соперниками трудности, зависть и дискредитация и т. п.).

4) Воля человека проявляется в особенности в двух формах (которые можно считать стратегией поведения).

а) В виде побуждения себя к действиям и деятельности, для стремления к поставленной цели и преодоления трудностей.

б) Для отказа от активности, торможения нежелательных действий, социальных поступков, если предвидится, что последствия таких поступков могут приносить вред как ему, так и другим значимым лицам и референтным социальным группам.

Как будет видно из дальнейшего, эти две формы стратегии волевых действий, стратегии саморегуляции исключительно важны для представителей целого ряда профессий, в числе которых одно из первых мест занимают дипломаты, а из них – послы государств в других странах, посланники, переговорщики и др.

5) Воля человека играет важную роль в целенаправленном исследовании собственных познавательных процессов: восприятия, памяти, мышления и воображения. Как известно, уже давно психологи заметили и эмпирическими методами исследовали: а) произвольное восприятие внешнего мира и собственной психики (в этом деле основную роль играет интроспекция); б) произвольное запоминание и произвольное воспроизведение человеком сохраненного в памяти материала (припоминание); в) произвольное мышление как сознательное решение задач; г) процессы произвольного воображения и другие познавательные процессы, в которых могут одновременно или последовательно, в сложном переплетении, участвовать все названные познавательные функции. Исследование этих фундаментальных умственных процессов в составе целенаправленной деятельности и под контролем самосознания и воли – необходимое условие для успешной работы руководителей социальных групп и организаций, для педагогов, командиров воинских подразделений, авиаторов и др. И не в последнюю очередь – для дипломатов. Например, если человек во время беседы или переговоров не умеет сказать только то, что целесообразно сказать, и скрывать то, что собеседник или противник не должны знать, он окажется профессионально непригодным для успешной работы в целом ряде областей человеческой деятельности, в особенности – в области дипломатии.

б) Воля человека, таким образом, является основой самоконтроля личности. Самоконтроль – это сознательный процесс, который состоит из следующих аспектов: а) саморефлексии, т. е. размышлений о том, что уже сделано и что надо делать в настоящем, как сделано и т.д.; б) оценки собственных действий, поведения в целом, исходя из того, каковы мотивы и цели деятельности, в какой мере совершается именно то, что соответствует

собственным мотивам и целям; не совершаются ли ненужные или вредные действия, не допускаются ли ошибки? в) те ли средства используются для достижения цели?

Развитая способность самоконтроля и принятие на основе его результатов новых и более адекватных решений – признаки того, что у человека имеется развитая воля и именно те черты характера, которые получили название волевых черт.

Процесс самоконтроля имеет свои особенности в тех случаях, когда осуществляется в условиях разных видов деятельности, в различных социальных ситуациях, в условиях конфликтов и т. п. Знание этих вопросов необходимо специалистам различных профессиональных областей деятельности, тем, кому чаще многих других приходится действовать в таких ситуациях, когда от человека требуется способность эффективного самоконтроля. Достаточно сказать, что такая важная способность, как самообладание, основывается на успешном самоконтроле. Полезно знать, что самообладание – это способность осуществления успешной деятельности в таких ситуациях, в которых налицо способствующие дезорганизации деятельности факторы, которые вызывают отрицательные эмоции. Когда человек вынужден эффективно работать в таких условиях, тогда он волевыми усилиями преодолевает внешнее давление, сохраняет организованность и логическую последовательность своих действий. Такая способность – один из признаков социальной и психологической зрелости человека. Высокий уровень зрелости необходим таким лицам, которые выполняют свои обязанности во враждебной среде, в условиях социальной дезорганизации, при высокой ответственности за порученное дело. Нетрудно догадаться, что именно такая зрелость необходима дипломатическим работникам, особенно если они работают в зарубежных странах.

У каждой личности имеется целый ряд черт характера, которые связаны с волей и получили название волевых черт характера. В их числе главными являются: решительность, упорство в преследовании целей, последовательность и стойкость, способность откладывать удовлетворение тех своих потребностей, которые создавали бы дополнительные трудности на пути, ведущем к цели; способность отказаться от не оправдавших себя, неэффективных способов достижения цели, если они приводили к неудаче и т.д.²⁴.

²⁴ См.: Ա.Ա. Նալչաջյան, Հոգեբանության հիմունքները, Երևան, 1997, Գլ. 19.

Исходя из того, что сказано выше о сущности и особенностях воли человека, рассмотрим вопрос о том, что следует понимать под выражением «политическая воля».

А. Предшествующие представления о политической воле. Самым распространенным представлением о политической воле руководителей, особенно первых лиц в иерархии власти и подчинения, нам представляется следующее: это способность первого руководителя последовательно реализовать поставленные перед собой цели в сфере политической власти и господства. Причем некоторые авторы пытаются выделять этапы формирования и реализации политической воли: а) этап аккумуляции общей (групповой) воли; б) этап выработки и оформления политических потребностей в виде целей последующих действий; в) воплощение этих целей в практической деятельности государственных органов.

В ходе деятельности как самого руководителя, так и тех учреждений, которым поручается реализация его целей, осуществляется корректировка целей в зависимости, с одной стороны, от изменений внешних условий, с другой – по желанию самого субъекта власти.

Эти представления конкретизируются для определенных областей политической деятельности и решения конкретных задач. Например, если руководитель учреждения, министерства или глава государства заявляют, что решили вести непримиримую борьбу против коррупции (это их цель), то их политическая воля будет выражаться в их реальной решимости, последовательности, смелости и принципиальности в борьбе против этого социального зла. Руководитель с сильной политической волей даже близкого родственника, даже родного сына должен освободить от работы и предать суду, если обнаружит, что он коррупционер и позорит не только его, но и государство. Вообще отношение наделенного властью руководителя к поведению членов своей семьи и близких родственников, друзей и т. п. – настоящее испытание для его воли и личности в целом, для его политической воли – в частности. Если он будет решительно и последовательно вести свою борьбу против коррупции, независимо от того, кто является коррупционером («невзирая на лица»), он приобретет больше авторитета, который, безусловно, усилит его власть, создавая возможность для решения еще более крупных проблем. О наличии у руководителя действительно сильной политической воли можно судить, главным образом, по результатам

его деятельности, по его последовательности и решимости, а не по обещаниям, которые либо не выполняются, либо выполняются половинчато.

Б. Наша концепция. - Одним из существующих определений политики, которое наиболее приемлемо для нас, является следующее: политика – это использование власти²⁵. Политическая деятельность – это деятельность, связанная с приобретением, использованием, потерей, получением и т.п. власти. Власть при этом, особенно в государственных учреждениях, как мы уже видели, принимает вид полномочий и прав. Когда применение власти оформляется в виде социальной роли, в ней возникают взаимосвязи между правами и обязанностями. В социальной психологии ролевые права и обязанности используются под названием ролевых ожиданий (экспектаций). Здесь уместно отметить, что **теория ролей**, которая создана на стыке социологии и социальной психологии, пока что мало используется в политологии, что мы считаем большим упущением.

Приобретенная или полученная от вышестоящих должностных лиц в виде определенных полномочий власть человека (субъекта власти) может использоваться им по-разному, с различной степенью эффективности и целесообразности.

Политическая воля – это решение и решимость использовать власть для решения определенных политических же задач и проблем. Когда субъект власти принимает решение применить власть к каким-то людям (объектам власти) и, после принятия решения об этом, пытается реально решить соответствующие политические задачи, то мы можем сказать, что он начал выражать свою политическую волю. Такое понимание политической воли полностью соответствует принятому в современной психологии личности пониманию воли человека, которое приведено выше. Как мы видели, там воля определяется в качестве способности принимать решения, выдвигать цель или цели и, преодолевая преграды и трудности, добиваться поставленных перед собой целей. Воля используется и проявляется в процессе целенаправленной деятельности человека.

Политическая воля выражается в различных обстоятельствах, чему в истории человечества много примеров. Но некоторые из них особенно впечатляют, поскольку имели важные последствия в жизни народов.

²⁵ См.: Хейвуд Дж. Политология. –М.: «Юнити», 2005; Политология /Под редакцией А.А. Радугина. –М.: Издательство «Центр», 1996, и др.

а) Решение начать войну и стремиться к победе (решения, принятые Юлием Цезарем, Александром Македонским; решения Наполеона Бонапарта или Гитлера напасть на Россию и Советский Союз и др.); решение В. И. Ленина начать революционное выступление против временного правительства и царя (решение об Октябрьской революции) и т. д. – это такие решения, которые являются выражениями политической воли этих деятелей, независимо от того, к каким окончательным результатам они привели.

б) Политическая воля требуется от человека для выдвижения собственной кандидатуры на высокий выборный пост в организации или государстве (наиболее сильной воли и решительности требует, конечно, участие в президентских выборах в качестве кандидата на эту должность и последовательной борьбы до победного конца). Поражение в такой борьбе не означает отсутствия политической воли, а доказывает, что у противника, возможно, была более сильная воля, а также организационные способности, больше ресурсов и умелая команда последователей.

в) Политическая воля необходима всем участникам политических процессов: членам партии, последователям лидера и даже рядовым избирателям, которые принимают решение голосовать в пользу одного из кандидатов против других и т.п. Это тоже политические решения. Не может быть политического решения без участия в процессе принятия решения политической воли человека.

г) Политическая воля необходима человеку для того, чтобы начать политический бунт или революционное движение против существующих политических порядков, действующих руководителей страны.

Даже политическому предателю нужна сильная политическая воля, поскольку он своим решением и дальнейшими действиями подвергает себя серьезной, порой смертельной опасности. Решения, принимаемые в условиях опасности для жизни и необходимости идти на риск, требуют воли, а если речь идет о рискованных политических решениях – сильной политической воли.

Политическая воля необходима для организации и проведения в стране и даже в рамках одной фирмы или организации социальных и политических реформ. Великие и успешно действовавшие реформаторы, безусловно, были людьми сильной и устойчивой политической воли. Особенно сильной воли требуют глубокие реформы в области религии,

при отказе от предыдущего верования и переходе на новую религиозную идеологию и практику, на распространение новой веры. Известно, как много религиозных агитаторов погибали на этом пути. Это путь огромного риска и опасности для жизни, поскольку религиозные конфликты и борьба принимают порой крайне ожесточенный характер.

Обобщив вышесказанное, можно утверждать следующее: любое политическое решение и процесс его реализации, которые связаны с риском и большой ответственностью, с вероятностью неуспеха, поражения и наказания – это всегда такие виды социальных поступков, которые требуют от человека политической воли, т. е. решительности и способности целесообразно использовать власть, а если ее нет – получить или завоевать ее с помощью собственной целенаправленной активности.

Мы надеемся, что изложенная здесь концепция соответствует действительности и со временем будет подкреплена новыми историческими фактами. Нет сомнения, что все положения этой концепции применимы также к деятельности дипломатов, особенно первых лиц стран, осуществляющих международную политику своей страны – глав государств, министров иностранных дел и послов.

Государство в лице своих субъектов власти (индивидов, социальных групп, классов и т. д.) может добиваться своих целей разными способами: убеждением и внушением, экономическими стимулами, идеологическим воздействием и другими. Но специфика государственной власти состоит в том, что в каждом обществе только государство имеет законное право применять принуждение, используя для этого специальный аппарат (полицию, органы безопасности, армию, прокуратуру, суды и т.д.). Ни один другой социальный субъект не уполномочен поступать сходным образом. Если же принуждение и агрессия применяются со стороны каких-то субъектов без законного права на это, тогда мы имеем дело с преступлением и с преступниками.

Правда, когда государственные органы в своих действиях выходят за рамки тех деяний, которые разрешены законом, они также становятся преступниками.

§1.2. Императивы гуманизации и модернизации политической культуры

Культура в широком смысле – это все то, что создано человечеством в процессе его деятельности на Земле. То, что получено человечеством в готовом виде – природа, животный

и растительный мир, полезные ископаемые и т. д. – все это не входит в состав культуры человечества²⁶.

В состав культуры входят язык и то знание, все те продукты человеческой психики, которые выражены в языках; социальные и политические институты; законы; технологии и производство материальных и духовных ценностей; способы социализации новых поколений; самые различные представления и верования (философские, религиозные, политические и другие), ценностные ориентации и социальные установки, науки и искусства, традиции и т. д. Культура – чрезвычайно обширная и сложная область исследования для наук о человеке и обществе. Важной частью культуры является также «совокупность способов и приемов человеческой деятельности (как материальной, так и духовной), объективированных в предметах, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям»²⁷. Культура является системой норм и ценностей данного общества. Для каждого появившегося в этом мире индивида культура является частью внешней реальности.

Культура в процессе своего создания и усвоения – это психические явления, но результаты культурной творческой деятельности индивидов и групп получают объективные выражения, в значительной своей части материализуются, тем самым возникает возможность их передачи новым поколениям для их социализации.

Культура каждого народа в целом – это его историческое достояние, это именно то, что делает этнос полноценной общиной, а нацию – настоящей нацией. Без высокоразвитой культуры нет и подлинной нации в том смысле, как это явление понимается в современной этнологии, этнопсихологии и этносоциологии. Поэтому в целом верно утверждение, что культура народа выражается в его образе жизни. Культура передается от одного поколения другому поколению путем социального наследования – с помощью процессов социализации, обучения и воспитания. Значительная часть процессов социализации каждой новой личности происходит спонтанно, в ходе общения с другими людьми и группами людей, под влиянием радио и телевидения, массовой культуры. Но другая и самая важная для последующей

²⁶ См.: Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. –М.: Российский гос. гуманитарный университет, 1999. Гл.1

²⁷ Овчинников В. И. Культура и политика. – В сб.: Политическая социология. Отв. редактор Г.П. Сопов. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – С. 107; Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. –Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1973.

деятельности часть передается с помощью систематизированного обучения и воспитания в школах и высших учебных заведениях.

Понятие “политическая культура” – это совокупность представлений человека о власти и господстве, руководстве и подчинении, о политических установках, т.е. отношениях к различным субъектам власти – к лидерам, политической элите, политическим организациям и т. п. В понятие политической культуры входят представления людей о справедливом обществе, о равенстве. В составе политической культуры – также представления о специфических политических ценностях людей, их убеждениях и верованиях. Устойчивость всех этих комплексов и их взаимосвязей составляет политическую культуру социальных субъектов – индивидов, групп, политических организаций и т. д. Многие авторы в составе политической культуры видят также культуру проведения выборов кандидатов на руководящие посты государства, знание функций органов власти и конституции своей страны.

Исследование этого огромного комплекса под названием «политическая культура» - одна из главных задач политологии, в частности такого ее раздела, как политическая психология.

Вопрос о сущности и типах политических культур одними из первых рассматривали Дж. Алмонд и С. Верба²⁸. Эти авторы проводили исследования политических установок людей в пяти «культурах» - в США, Великобритании, Германии, Италии и Мексике. Под политической культурой эти авторы понимают психологическую ориентацию индивида к той политической системе, в которой он живет. Но политическая культура – это не только индивидуальное, но и групповое явление.

Под политической культурой всего общества Дж. Алмонд и С. Верба понимают политическую систему, как она интернализована в познаниях, чувствах и оценках его народа²⁹. Иначе говоря, политическая культура – это совокупность политических установок и убеждений, которых придерживается большинство народа данной страны.

Однако мы считаем, что следует говорить также о политической культуре разных социальных слоев и групп: интеллигенции, рабочих, крестьян и др. Необходимо исследовать

²⁸См.: Almond G.A. and Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston: Little and Brown, 1965.

²⁹Указ. соч. С. 13

различия и сходства политической культуры этих больших социальных групп. В настоящее время необходимость такой работы полностью осознается политологами, хотя не везде такие конкретные исследования проводятся. И еще одно замечание: в публикациях упомянутых выше авторов наблюдается довольно узкое понимание содержания (объема политической культуры) по сравнению с тем, что нами представлено выше.

В этом контексте, представляет интерес подход армянского ученого М. Маргаряна, рассматривающей политическую культуру как “совокупность образа поведения людей в общественной жизни в данной стране, которая олицетворяя их ценностные представления о целях мира политики, сохраняет и разрабатывает нормы и традиции в отношениях государство-общество”³⁰.

На основе своих исследований Дж. Алмонд и С. Верба выделили три типа политической культуры, которым дали следующие названия: а) приходская (parochial) политическая культура, б) субъектная политическая культура, и в) политическая культура участия (participant political culture). Определение таких различий этими авторами считается важным при сравнении наций. Они показали также, что отношения между гражданами и правительствами в различных странах могут быть различными.

Выделенные выше – «идеальные типы», поскольку ни в одном обществе они в чистом виде не встречаются. Вариации этих культур (авторы преимущественно говорят об установках) сосредоточены на объекте, т.е. на правительстве. Этот объект, по мнению упомянутых авторов, имеет четыре аспекта, каждый из которых, по существу, является отдельным политическим объектом. Авторы выделяют следующие четыре аспекта правительства:

а) Политическая система нации как общий объект. Речь идет о том, какие знания должен иметь гражданин о своей стране, ее истории и о том месте, которое она занимает в мире и т. д. Горд ли он своей страной? Какие другие чувства и оценки выражают граждане о своей стране?

б) Вторым объектом установки граждан является следующий: кто принимает решение о том, что надо делать? Кто те люди, которые имеют «вход» (input), какие существуют каналы и структуры, как создаются законы и как осуществляется политика, которая, в

³⁰ Մ. Մարգարյան, Քաղաքական ընտրանին և ժողովրդավարական անցման հիմնախնդիրները Հայաստանի Հանրապետությունում: –Երևան, Պետական ծառայություն, 2006: էջ 130.

конечном счете, будет влиять также на жизнь индивида и его семьи? Это все - «входные объекты» (input objects).

в) Выходные объекты (output objects) составляют третью группу объектов социальных установок, чувств и оценок. В эту группу входят: внедрение законов, политики, различных решений. Как обращаются с гражданином на суде, в полиции, в правительственных офисах: с точки зрения гражданина все это – выходы. Гражданин может считать деятельность правительства либо полезной, либо вредной для себя, либо может иметь лишь смутное представление об этих «выходах».

г) Четвертый объект социальной установки гражданина – это его «Я», его участие в правительственных делах. Как воспринимает себя гражданин в своих отношениях с локальными и национальными правительственными учреждениями? Имеет ли он возможность оказать влияние на правительство? Верит ли в то, что имеет права и обязанности? Чувствует ли он, что его участие необходимо, или считает себя пассивным наблюдателем происходящего?

Каждая политическая культура, как «чистый тип», включает особенности отношения граждан ко всем названным выше аспектам правительства (политического объекта).

Теперь представим краткое описание тех трех типов политических культур, которые выделили Дж. Алмонд и С. Верба.

1. Приходская культура – это самая примитивная ориентация на правительство. Здесь люди даже не думают о правительственной системе, поскольку она незаметна. В таких обществах нет специфических политических ролей. Есть только вожди и шаманы, причем ориентации на них являются одновременно религиозными и социальными. Рядовой член общности едва ли осознает существование «политической системы», следовательно, и об определенной установке речи быть не может. Близкими к этому типу были изолированные мексиканские села, в которых люди заняты только местными («приходскими») обязанностями.

2. Субъектная культура. – В такой культуре человек является подчиненным короны. Он должен быть лояльным по отношению к правителю, преданным подчиненным. Средний индивид знает, что ничего изменить не может, что никакого вклада в систему вносить не может, он не считает себя активным участником управленческих процессов. Его отношение

к ним – пассивное. Везде, где существуют монархии с их системами управления, политическая культура является субъектной³¹.

Мы думаем, что речь идет об авторитарных системах правления, хотя нет сомнения, что эта система правления в различных странах и в условиях различных этнических культур непременно должна иметь различия.

3. Участвующая культура (или культура участия). Члены такого общества явно ориентированы на общество как целое, а также на политические и административные структуры³².

Каждое реальное общество является сочетанием или «смесью» описанных трех ориентаций. Политические системы гетерогенны. Индивидуальные различия свойственны также гражданам. Каждому обществу соответствует своя политическая культура. Поэтому, как считают эти авторы, в маленьких африканских странах демократические («участвующие») системы не удерживаются. Такая система не встречает поддержки, поскольку граждане не готовы активно участвовать в политических процессах.

Эти авторы приходят, на наш взгляд, к очень важным выводам: а) приходской культуре больше соответствует традиционная политическая структура; б) субъектной культуре – централизованная авторитарная структура; в) культуре участия – демократическая структура политического правления. Эти выводы, конечно, не абсолютны, так как каждое общество является «смесью» трех типов культур.

В данном контексте, говоря о политической культуре, представляется необходимым осуществить гуманизацию и модернизацию политической культуры. Это позволит обеспечить гармоничное развитие международных отношений в условиях формирования нового миропорядка. Необходимость гуманизации в 21 в. профессор Э.С. Маркарян обосновывает следующим образом: «Ситуация, однако, принципиально стала меняться по мере того, как человечество в условиях планетарного кризиса вступило в фазу процессов глобализации, превращаясь тем самым в единый социокультурный организм. В результате данных процессов оно стало приобретать свои собственные интересы, а также потребности, что исключительно важно для целей самосохранения человеческого рода»³³. Очевидно, что

³¹См. также: Stone W.F. and Shaffner P.E. The Psychology of Politics. 2nd ed., New York: Springer Verlag, 1988, p. 74

³²Almond and Verba, op. cit., p. 18.

³³Э.С. Маркарян Гуманизм XXI столетия. Идеология самосохранения человечества. – Ер.: РАУ, 2008. – С. 39.

человечество сегодня стоит перед глобальными вызовами и угрозами, и только гуманизация политической культуры позволит усилия на планетарном масштабе с целью обеспечения безопасного будущего развития человечества.

Подчеркивая важность гуманизации, армянский ученый М. Маргарян пишет: “В центре нового миропорядка находится не человек-технофил, а человек-гуманист, приверженный ценностям нравственности, культуры и экологии”³⁴.

В этой связи, важно отметить, что политическая культура передается новым поколениям граждан в процессе социализации. Исходя из этого в современной политологии объектом досконального изучения стали процессы т. н. **политической социализации** индивидов. К исследованию этого процесса стимулируют политологов и политических психологов следующего рода вопросы. Каким образом политически активный человек стал именно таким, каков он в настоящее время? Почему такие люди выбирают именно политические цели, а не другие? Почему политик придает такую важность политическим целям? На эти вопросы возможно ответить путем изучения процессов политической социализации людей.

Политическая социализация – это социально-психологический процесс, с помощью которого человек приобретает политические взгляды, установки и формы политического поведения, начинает придавать значение политическим целям и тем формам политической деятельности, которые практикуются в этой области социальной жизни. При более широком подходе в сферу политической социализации можно включить все те аспекты формального или неформального, сознательного или подсознательного обучения, которые оказывают воздействие на политические установки и поведение личности.

Но каково содержание политической социализации как специфического социально-психологического процесса? Мы считаем правильной точку зрения Дж. Алмонда, С. Вербы и их многочисленных последователей, которые для получения ответа на данный вопрос используют понятие «политическая культура». Политическая социализация – это тот

³⁴Մ.Մարգարյան, Քաղաքական արդիականացման և զարգացման հիմնահարցեր: Պատասխանատու խմբագիր Գ.Հ. Սաֆարյան, Եր.: Պետական ծառայություն, 2004, էջ 129.

процесс, с помощью которого личность вовлекается в сферу политической культуры данного общества³⁵.

С другой стороны, политическая социализация есть не только приобретение определенных взглядов, установок и форм поведения; она есть процесс формирования таких черт характера и системы мотивов личности, которые стимулируют личность выбирать политические цели и политическую деятельность в качестве новой сферы своей социальной активности. Поэтому для понимания политических установок какого-либо деятеля необходимо знать его характер в целом, а также его социальную роль во всех ее аспектах: а) поведенческом; б) как роль ожидаемую; в) как роль представляемую. В политическом отношении социализированный человек действует во многом в соответствии с тем, какого поведения от него ждут члены его референтных групп³⁶.

О каждом политическом деятеле мы вправе спросить: каким образом, посредством каких механизмов и процессов он стал таким, каков в настоящее время? Почему он говорит и действует так, а не иначе, держится перед публикой определенным образом (т.е. имеет собственный стиль поведения), почему возмущается из-за одних причин и сохраняет спокойствие в других ситуациях и т. д.? Все эти вопросы касаются его социализации как общего процесса формирования личности, но они касаются также процессов его политической социализации³⁷.

Приведенные соображения и подходы относятся к политической социализации индивидов. Но социализируются также различные социальные группы, различные общности и общины и даже общество в целом. Поэтому можно говорить о различных уровнях социализации. Иногда все те уровни социализации, которые лежат выше индивидуального уровня, называют системными уровнями. Эти два уровня теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодействуют. Например, политическая социализация детей впервые происходит в семье, неразделимо от семьи, она происходит вместе с социализацией семьи. Иначе говоря, групповая социализация в целом, в том числе политическая социализация, происходит вместе с индивидуальной социализацией, включая ее в качестве частного случая.

³⁵См.: Almond G.A. A functional approach to comparative politics. – In: G. A. Almond and J.S. Coleman (Eds.). The Politics of Developing Areas. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1960, pp. 3 – 64.

³⁶См.: Greenstein F.J. Political Socialization. – In: D. Shils (Ed.). International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: Macmillan. Vol. 14, pp. 551 – 555.

³⁷См.: Barber-Berry C. and Rosenwein R. Psychological Perspectives on Politics. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice – Hall, 1985, Chapter 5.

Политическая социализация индивида практически происходит в течение всей его жизни. Это сложный процесс взаимодействия с другими людьми и группами. Он происходит в различных социальных группах и вместе с социализацией этих групп – семьи, школы, групп сверстников, а также под влиянием средств массовой коммуникации. Индивид сам активен, имеет мощные внутренние стимулы и потребности, и все то, что воздействует на него, преломляется через его внутренние психические состояния. Индивид может отвергать все эти внешние воздействия, у него такая возможность имеется, поэтому при исследовании процесса социализации следует иметь в виду не только внешние воздействия на него агентов политической социализации, но также активность и способность личности к самостоятельным решениям.

Российский ученый Г.В. Пушкарева в этой связи пишет: “Важным следствием индивидуального самоопределения в политическом пространстве является формирование дихотомичного способа восприятия политического, выражающегося в делении окружающих людей на Мы (такие же, как я) и Они (отличающиеся от нас). Политическое Мы стало отображением глубинного процесса образования в политическом пространстве групп, общностей, которые, в свою очередь, стали оказывать не меньшее воздействие на политическое поведение, чем институты”³⁸.

Каковы те главные факторы, которые оказывают воздействие на индивида в процессе социализации? Некоторые авторы считают, что таковыми являются влияние циклов жизни, эффекты поколений, а также эффекты исторического периода.

а) Говоря о циклах, имеют в виду те различия поколений, которые зависят от того, что они находятся на различных стадиях жизни. Например, подростку трудно представить себе жизнь престарелого человека. С возрастом меняются как личность, так и интересы человека.

б) Эффект поколений означает следующее: некоторые установки характерны для определенных поколений или когорт, и они сохраняются на всю жизнь. Речь может идти об установках по отношению к правительству, к различным ценностям, к истории собственной страны и к другим явлениям и ценностям.

в) Периодические эффекты – это воздействия определенных событий на всех членов общества. Например, Великая Отечественная война (ВОВ) 1941 – 1945 гг., развал СССР в

³⁸Пушкарева Г.В. Homo politicus: человек политический. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. – С. 61.

начале 90-х годов XX века и другие события были именно такими. Вряд ли есть в России и в тех государствах, которые раньше были в составе СССР, люди, которые не подверглись бы воздействию этих событий громадных масштабов.

В процессах политической социализации людей играют роль все известные нам механизмы обучения, которые здесь уместно вкратце охарактеризовать.

а) **Механизм условных рефлексов** или т. н. «павловское обусловливание», досконально изученное И. П. Павловым и его последователями. Этот механизм называют также **классическим обусловливанием**. Биологически значимые для животного стимулы ассоциируются с условными раздражителями, после чего уже только под воздействием условного раздражителя животное совершает те же действия, что и под воздействием безусловного (биологически значимого) раздражителя. Этот механизм приобретения опыта играет некоторую роль также в жизни человека³⁹.

б) **Оперантное обучение**, которое было исследовано американским психологом, видным представителем бихевиоризма Б. Скиннером. – Механизм этого вида обучения следующий: как только человек или животное совершает определенные (желательные) действия, его поощряют. Иначе говоря, его желательное поведение полностью подкрепляется. Наоборот, при совершении ошибочных, нежелательных действий человека или животное наказывают. Используя известное политологам выражение, можно сказать, что к субъекту поведения применяют как пряники, так и кнут⁴⁰. Те действия, которые были полностью подкреплены, будут повторяться с большей вероятностью, чем те, за которые субъект был наказан. Обнаружено, что обучение эффективнее всего тогда, когда вознаграждение или наказание применяется немедленно после совершения действия.

в) **Подражание (имитация)** также принадлежит к числу основных механизмов обучения людей. Дети многому научаются путем наблюдения за действиями других людей и повторения их действий.

г) **Идентификация как механизм обучения**. – Исследования показали, что обучение с помощью механизма подражания наиболее продуктивно в том случае, когда обучающийся переживает психологическую идентификацию с другими людьми, которые как бы

³⁹См.: Психология. Словарь. / Под общ. ред. А.В. Петровского и М. Г. Ярошевского. 2 – е изд., М.: «Политиздат», 1990. – С. 263 – 264.

⁴⁰См.: Skinner B.F. Science and Human Behavior. NewYork: Macmillan, 1953.

становятся для них социальными моделями. У ребенка подобные процессы чаще всего происходят с такими значимыми людьми, как отец, мать, старший брат или старшая сестра и другие. Если индивид А восхищается индивидом В и его поведением, желая стать таким, каким является он, то вполне естественно, что будет подражать его внешнему виду и поведению. В том случае, когда идентификация психологически более глубокая, индивид А (субъект идентификации) будет интересоваться также взглядами В (объекта идентификации), воспринимать эти идеи, воспроизводить его социальные установки и т. п. При этом, конечно, подражающий осуществляет активные познавательные процессы. Таким образом, на политическую социализацию детей и подростков, а также многих взрослых, оказывают влияние ведущие политические лидеры, их ментальность и поведение. Они могут вызвать восхищение и другие чувства, желание быть похожим на них, или наоборот. (В последнем случае можно говорить об отрицательной идентификации с политическим деятелем).

Политическая социализация и ее эффективность зависят не только от воздействия агентов политической социализации, которые действуют в данном обществе, но также от уровня познавательного развития индивида. Поэтому мы полагаем, что в этой области следует в дальнейшем шире использовать достижения психологии познавательных процессов, в том числе те теории, которые описывают и объясняют этапы познавательного развития индивидов, начиная со дня рождения и до достижения зрелости. (В первую очередь представляют интерес теории Ж. Пиаже и других специалистов по психологии возрастного развития).

Существуют и другие механизмы обучения, например, обучение через т.н. «инсайт», «озарение» сознания новыми идеями, ряд т.н. активных методов обучения, но они вряд ли играют существенную роль в политической социализации людей и потому здесь не рассматриваются.

Агентами или субъектами политической социализации индивида являются различные социальные группы, органы власти, учреждения или индивиды, которые оказывают на него социализирующее влияние, участвуют в процессе социализации. Таковыми, в принципе, являются все те источники информации, которые воздействуют на индивида. При этом следует иметь в виду, что в жизни каждого человека оказывается своя группа агентов

социализации, для которых он оказывается объектом воздействия. Индивидуально неповторимыми оказываются, в первую очередь, ведущие агенты социализации.

а) **Семья.** – это та первичная группа, в которой начинается политическая социализация детей. Исследования позволили обнаружить определенные сходства между политическими взглядами и установками родителей и детей, хотя уже на данном этапе социализации ребенка начинают действовать также другие агенты социализации. Обнаружены значительные сходства в том, каким политическим партиям и каким кандидатам на высокие посты отдают первенство родители и дети. Хотя известно, какое большое значение придается идентификации детей со своими родителями (и мы тоже выше подчеркнули это обстоятельство), тем не менее, здесь не все так однозначно, как может показаться. При более глубоком подходе обнаруживаются отклонения от этой общей закономерности⁴¹.

б) **Школа.** – Обучение и воспитание – самые организованные процессы социализации. Это в основном сознательные процессы, которые эффективны не только при общей социализации детей, подростков и юношей, но также при их политической социализации. В этой области следует обратить особое внимание на преподавание тех учебных предметов, которые играют непосредственную, прямую роль в политической социализации школьников. Мы бы хотели особо отметить необходимость этнополитической социализации в школе. Известно, что в этом отношении ту ситуацию, которая в начале XXI века сложилась в школах Армении, нельзя считать удовлетворительной.

в) **Средства массовой коммуникации.**– Радио, телевидение, кино, театр, а теперь уже и интернет – мощные средства воздействия на ум и чувства людей, формирования у них социальных и политических установок. В этой области политической социологии и психологии следует иметь в виду различия, которые существуют между пропагандой и агитацией; следует обратить внимание на эффективные средства воздействия на людей, на социально-психологические механизмы формирования убеждений и социальных установок⁴². Следует отметить, что в социальной психологии создана теория социальных

⁴¹Это обстоятельство отмечается также другими авторами; см., например: Barner-Berry C. And Rosenwein R., op. cit., pp. 93 – 96.

⁴²Эти вопросы подробно исследованы и изложены в следующей работе: Ա.Ա. Նալչաշյան, Մոնիթինգային հոգեբանություն, Երևան, «Հոգեբան», 2004; см. также: Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. –М.: «Аспект Пресс», 1998. Гл.3.

установок, которая может иметь полезное применение в области изучения политической социализации индивидов и групп, в том числе политической социализации будущих дипломатов.

г) **Роль специализированных организаций.** – Во многих обществах создаются специализированные организации, функция которых – политическая социализация граждан. В СССР такими органами были отделы пропаганды и агитации партийных органов, политотделы армии и флота, дома политпросвещения и другие. Такие организации создаются преимущественно в тех странах, которые управляются авторитарными методами и руководствуются единой государственной идеологией. В России, Армении и других независимых государствах политическую социализацию осуществляют политические партии и их молодежные организации. В США эту функцию выполняют Американский легион, скаутские организации и т. п. Подобные организации, явно или неявно, находятся под контролем существующего политического режима.

д) **Группы сверстников.** – Социализирующее влияние групп сверстников на детей, подростков и юношей огромно. Это для них – референтные группы. Общась и развиваясь, подростки и юноши приобретают свою собственную политическую философию, постепенно все больше и больше стремясь освободиться от идентификаций и стать самостоятельными личностями.

Ролевая социализация и адаптация в области политики имеют большое значение. Подростки и юноши могут отождествлять себя с ролями взрослых людей, в том числе с государственными и другими политическими лидерами, в этом процессе приобретая соответствующую идеологию.

е) **Другие группы.** – Развивающаяся личность либо с самого начала своей жизни, и помимо своей воли, является членом различных социальных, этнических, религиозных и других групп, либо становится членом таких групп на разных этапах своего жизненного пути. Речь идет о половых, возрастных, расовых, этнических, религиозных и других группах, которые уже существуют или появляются в данном обществе. В таких группах подрастающая личность вместе со своей семьей приобретает всевозможные социально-экономические статусы. Тенденция к идентификации с этими группами может появляться у детей довольно рано. Это связано с развитием интеллекта и может наблюдаться уже у

трехлетнего ребенка. (Например, Ж. Пиаже и другие специалисты по возрастной психологии показали, что элементы идентификации с этнической группой могут наблюдаться уже у трехлетних детей).

Воздействие всех названных социальных групп на процесс политической социализации развивающихся индивидов зависит от того, как они относятся к политике, какую практику и идеологию приобрели и, по их мнению, какая политика предоставляет наибольшие преимущества. В целом, групповая социализация играет заметную роль в политической социализации личности.

Социализация индивида продолжается всю жизнь, хотя с возрастом человеку все труднее и труднее меняться даже при наличии такого желания.

Различаются два вида политической социализации – прямая и косвенная.

Прямая политическая социализация человека имеет место в том случае, когда субъекты социализации (которых называют также агентами социализации) используют описанные выше механизмы социализации, сознательно обучают детей, подростков, юношей и даже зрелых людей политическим знаниям и формам поведения, пытаются формировать у них желательные политические установки.

Косвенная политическая социализация осуществляется несколькими видами. Первый – это обучение самым общим ориентациям к другим людям, к обществу, к миру. Исследуя эту проблему, Дж. Алмонд высказал точку зрения, согласно которой политические установки являются проекциями черт характера, которые формировались у ребенка в семье и в других первичных социальных группах. (Первичными в социологии и социальной психологии называют такие группы, в которых взаимоотношения членов являются непосредственными, эмоционально насыщенными, почти повседневно повторяющимися, а нередко включают также эпизоды телесного контакта). Утверждается, что, хотя переживания раннего детства не являются политическими, они в дальнейшей жизни индивида имеют политические последствия⁴³.

Семейная социализация и социализация в других социальных группах, в частности в школе, приводит к формированию у ребенка целого ряда ориентаций. В их числе установка на власть и авторитет, на кооперацию, на доверие и т. д. Считается, что в дальнейшей жизни,

⁴³См.: Almond G.A. and Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston: Little and Brown, 1965. См. также: Stone W.F. and Schaffer P. E. The Psychology of Politics. 2nd Ed., Boston: Springer Verlag, 1988, pp. 70 – 72.

устанавливая связи с теми людьми, которые обладает властью, человек будет ориентироваться опытом первых лет своей жизни.

О значении установки на авторитет и власть для дальнейшей жизни и для политической активности говорил также Эрих Фромм. Если ребенок вырос в семье, в которой власть отца была авторитарной, то, оказавшись в новых группах, он будет предполагать, что и здесь доминирование и подчинение должны быть обязательными аспектами взаимодействия. Он будет стремиться подчинить себе кого-либо или некоторых членов группы и не позволять, чтобы его подчинили себе другие. А если ребенок вырос в демократической семье, то он привык участвовать в принятии решений по разным вопросам жизни. И свои соответствующие ожидания он перенесет в новые социальные ситуации⁴⁴.

Второй разновидностью косвенной политической социализации считается ученичество. Во многих ситуациях – играя, обучаясь какому-либо ремеслу, участвуя в деятельности различных организаций и т. п. – дети и юноши приобретают такие знания и навыки, которые могут оказаться полезными в политической деятельности. Существует также процесс перенесения навыков в новые ситуации, причем этот вид политической социализации имеет место также в жизни взрослых людей⁴⁵.

Взгляды на природу, на человека и общество составляют ту общую мировоззренческую базу, на основе которой формируются политические установки личности. Является ли человек оптимистом и симпатизирует ли людям, или же является пессимистом и циником, оказывает влияние на то, каким он будет политиком и станет ли им вообще, или же с презрением будет относиться к этой области человеческой деятельности.

В данном контексте особую актуальность приобретает необходимость рассмотрения **политической коммуникации, убеждений и механизмы изменения установок людей.**

Коммуникация – сообщение информации с целью убеждения. В области политики основная цель коммуникации – убеждение слушателя в чем-то, в справедливости каких-то идей и установок. Коммуникация является постепенным, непрерывно протекающим процессом. Она не всегда носит преднамеренный, как принято говорить в науках о человеке и обществе, интенциональный характер.

⁴⁴См.: Fromm E. *Escape from Freedom*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1941.

⁴⁵См.: Dawson K.E., Prewitt K. and Dawson K.S. *Political Socialization*. 2nd Ed., Boston: Little and Brown, 1977.

Коммуникация чаще всего – двусторонний процесс. Как только два человека начинают воспринимать друг друга, между ними начинается процесс коммуникации. Если человек один, он имеет коммуникацию только с самим собой. Например, стоя перед зеркалом и смотря на свое отражение, он, по существу, имеет такую коммуникацию, частично даже экстерниоризированную.

Политическая коммуникация – сообщение реципиенту политической информации с целью оказать на него воздействие. Такая работа проводится главным образом для того, чтобы убедить реципиентов в истинности определенных фактов или суждений.

Коммуникация, в том числе политическая, бывает двух основных видов: вербальная (речевая) и невербальная (неречевая).

В политике, особенно в процессе политической социализации, основную роль играет, конечно, вербальная, словесная коммуникация. Политика как вид деятельности – это в значительной степени процесс обсуждения политических целей, которых деятели хотели бы достигнуть, а также тех средств, с помощью которых возможно достижение намеченных целей.

Выбор слов и выражений в политической пропаганде представляет огромную важность для оказания необходимого воздействия на объекты влияния. Один из американских политологов даже утверждает, что политическая реальность порождается языком⁴⁶. (Это интересный подход и, по-видимому, констатация реального положения вещей: политик формулирует проблемы и моделирует ситуации, а другие и он сам начинают видеть политическую реальность именно таким образом).

Исследования «языка тела» начались сравнительно недавно, но уже имеются определенные достижения⁴⁷. Достигнутые в этой области результаты имеют прямое применение в области политики. Так, средства невербальной коммуникации могут передавать такие релевантные отношения, как обладание властью и доминирование⁴⁸. Всегда, но в самой общей форме, признавалась важность этого вида коммуникации в

⁴⁶См.: Edelman M. Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail. New York: Academic Press, 1977.

⁴⁷См.: Mehrabian A. Nonverbal communication. Chicago: Aldine-Atherton, 1972.; Пиз А. Язык телодвижений. –М.: Изд-во «ЭКМО-Пресс», 2000 и др; Schefflen A.E. Body Language and Social Order: Communication as Behavior Control. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1972.

⁴⁸См.: Henley N.M. Body Politics: Power, Sex, and Nonverbal Communication. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1977.

политике, однако систематических исследований не проводилось⁴⁹. Но возможности углубления понимания политической коммуникации с помощью исследования конкретных ее аспектов велики. Для иллюстрации приведем описание дискуссий кандидатов в президенты США).

Во время диспута Рейган совершал слабые успокаивающие жесты или движения, выражающие покорность (*submissive gestures*). Он часто смотрел вниз, часто улыбался, в разговоре часто проявлял нерешительность. Именно Рейган перешел линию между кандидатами и первым подал руку Картеру. Картер, напротив, прямо смотрел на камеру, редко улыбался и в целом имел напряженный и угрожающий вид. Поэтому на неречевом уровне жесты Картера свидетельствовали о том, что он является угрожающим и агрессивным кандидатом. Для избирателя, наблюдавшего за этой сценой, данное невербальное сообщение противоречило вербальному утверждению Картера о том, будто Рейган был «опасным человеком». Он сам своим неречевым сообщением опроверг принципиальный аргумент, выдвинутый против республиканского кандидата⁵⁰.

Здесь мы видим часто встречающееся противоречие между вербальным и невербальным сообщениями одного и того же лица (коммуникатора) в одном процессе общения⁵¹.

Речевая коммуникация в политике

а) Основные вопросы. – Какие вопросы в первую очередь представляют интерес в этой области? Какими путями приходят слова коммуникатора к реципиенту – прямо (как при общении лицом к лицу), через телефон, либо телевизор или радио? Как подобраны слова? Как они объединены в предложения и как взаимосвязаны эти предложения? **В политике часто важнее не столько то, что говорят (содержание явной речи), сколько то, как это говорят, как произносят.**

Президент Рузвельт знал об этом. Выступая с речью или беседуя с людьми, он воздействовал на аудиторию своей манерой говорить. Он умел представить себя простым, обаятельным и вдохновляющимся лидером. К избирателям он обращался словами «друзья

⁴⁹ Об этом мы написали также в книге, опубликованной в 2010 году: см: Ա.Չ. Նալբանդյան, Դիվանագիտություն, Երևան, «Մուլտի», 2010, Գլ. I.

⁵⁰См.: Barner-Berry C. and Rosenwein R. Psychological Perspectives on Politics. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice – Hall, 1985, p. 147.

⁵¹ Об этом подробно сообщают в своих публикациях М. Аргайл и особенно Экман. См: Экман П. Психология лжи. –Санкт-Петербург, Москва: «Питер», 1999.

мои». Он имел важное преимущество перед другими кандидатами: он сосредоточивался на своем отношении к людям. Он не был оратором, но умел, пусть медленно, проецировать на аудиторию свою манеру говорить. Как избиратели, так и репортеры всегда ждали, что он скажет и какие действия предпримет.

б) О природе и механизмах убеждения. – Убеждать в справедливости определенных утверждений тезиса, концепции или теории – значит, в основном, словесно описать факты и привести аргументы в пользу своих утверждений. Это сложный психический процесс, в результате которого, если достигается успех, у реципиента возникает убеждение. У него появляется убежденность в том, что выдвинутая идея истинна, или, наоборот, если он, как коммуникатор, терпит неудачу. Одна из основных функций убеждения в политике – влияние на выбор слушателями кандидата, идей, идеологий, образов действий, способов распределения ресурсов.

Убеждение – это всегда сознательный и намеренный процесс. Сам коммуникатор активен и находится в сознательном состоянии, но в поведении реципиента также есть элементы сознательности. Это активный и творческий процесс взаимодействия. Их взаимные ответы не являются реактивными: они осмысленные (*responsive, notreactive*), они действуют конструктивно, они интерпретируют высказывания друг друга.

(Однако, как нам кажется, описанное – только одна из возможных стратегий. Другая стратегия может заключаться в том, чтобы в большей мере использовать подсознательные механизмы слушателей. Таково, например, косвенное убеждение).

В области политической «реальности» многие убеждения являются не чем иным, как мифами. Такие мифы создаются либо в угоду каким-то социальным силам, либо же просто в результате недостаточной работы критической мысли или преобладания над ней процессов воображения и фантазии.

Миф – принятое многими людьми убеждение, которое придает событиям и действиям особый смысл. Мифы не имеют эмпирической обоснованности. Но многие уверены, что миф – это истина, поэтому учет политических мифов необходим. Они часто лежат в основе тех убеждений, которые сообщаются политиками. Это общие представления, и убеждать людей мы сможем в чем-то только в том случае, когда они заодно и общаются с защитниками этих представлений. Процессу убеждения способствует также использование символов и

стереотипов. Миф далек от истины, от абсолютной истины – тем более. И многие так называемые научные представления – просто удобные конструкции для объяснения определенных явлений и приспособления к миру. История науки показывает, что если определенная идея оказывается полезной, от нее очень трудно отказаться. Когда используются определенные мифы (убеждения) и их носители стремятся убеждать других в их справедливости, то их подлинная истинность или ложность (в области политики) не имеет значения.

Целями убеждения, как процесса, могут быть: а) создание мнения, б) создание убеждения, в) создание установки, г) изменение установок и поведения.

Хотя установки не всегда приводят к желательным действиям, однако если мы хотим изменить поведение, лучше предварительно создать у человека соответствующую установку. Это увеличивает вероятность того, что данное поведение будет возбуждено.

Правда, в области политики часто не бывает достаточно времени и требуется совершить действия. Это сфера прагматики. Часто лучше просто сказать людям, что надо делать, а не пускаться в долгие объяснения и обоснования.

§1.3. Политическое поведение и специфика политической деятельности в структуре нового миропорядка

Одним из главных аспектов политической активности граждан является совершение ими политических действий, их реальное политическое поведение. Поэтому целесообразно рассмотреть некоторые стороны политической активности людей и выявить те ее проявления, которые еще требуют исследования.

В любом государстве, включая и те, в которых правление является авторитарным и даже тоталитарным, гражданам предоставляется возможность участвовать в определенных политических мероприятиях. Правда, в условиях таких политических режимов подобное участие не оказывает никакого заметного влияния на процедуры принятия решений. Так, выборы как в местные, так и в центральные органы власти в СССР были чистой формальностью. Как правило, выдвигался один кандидат на одно место, и все должны были голосовать в его пользу, причем строго контролировалось, чтобы все участвовали в выборах.

Граждане прекрасно знали, что их участие в выборах и правлении государством носит чисто формальный характер и без их участия кандидат будет «избран». Несмотря на это, должностные лица были заинтересованы в том, чтобы в выборах участвовало как можно больше граждан. Возникает вопрос: для чего это им было нужно?

Дело в том, что даже правители тоталитарных государств заинтересованы в том, чтобы их господство над народом было признано законным. С виду демократические выборы были способом легитимации их власти. Ведь демократическая процедура голосования является самым убедительным доказательством того, что выбираемая таким путем власть является законной. Так народ выражает свою политическую волю. И если в урнах действительно оказалось 98,8% бюллетеней в пользу выдвинутой партией или коллективом учреждения кандидата, то как можно доказать, что образованная таким путем властная структура не является законной и демократической? Руководители авторитарного государства умело пользуются демократическими процедурами образования государственной власти для того, чтобы замаскировать свою подлинную антидемократическую сущность. Такое поведение стало еще более широко распространяться во всем мире в XX веке и в начале XXI века, поскольку демократические ценности получили широкое распространение во всем мире. Поэтому в мире и прежде встречались и в наши дни существуют такие авторитарные государства, у которых вполне демократические конституции.

Кроме выборов существуют и другие ритуальные формы политического поведения. Например, создание различных коллегиальных органов правления (пример: коллегии министерств), комитетов, комиссий и советов, которые как будто выработывают коллективные решения поставленных задач, а на самом деле утверждают подготовленные заранее и «спущенные» сверху решения – это не что иное, как ритуализация обмана и двуличия, которая создает иллюзию участия в управлении организацией, учреждением или государством.

Даже выработка научных рекомендаций по вопросам управления и по другим социальным проблемам в условиях авторитарного правления принимает формальный характер, поскольку, как правило, вначале принимается решение, после чего поручается составить такие научные рекомендации, которые подтверждают правильность и мудрость

принятого решения. ЦК КПСС принимал, например, бесчисленное количество решений о том, как воспитывать и обучать подрастающее поколение, после чего ученые – педагоги, философы и даже психологи – включались в работу по обоснованию таких решений. Принимаемые субъектами советской власти решения «научно обосновывались» задним числом⁵².

В СССР много говорили о том, что каждый советский гражданин должен занять «активную жизненную позицию». Но для чего и как следовало применить такую активность? Ответ был готов: «Активно поддержите позицию коммунистической партии». Другая активная позиция считалась бы ненужной, более того, даже преступной. Заставляли быть активными для такой односторонней позиции, в то время как людям совсем не хотелось действовать таким образом. Из-за этого у людей появилось либо отрицательное отношение к политике, либо безразличие. Более того, в таких условиях имело место расщепление личности граждан, поскольку даже непримиримый противник советской власти был вынужден вести себя конформно.

Политические ритуалы требовали использования определенной символики: знамен, портретов вождей, изваяний известных деятелей и т. п. Парад победы в честь разгрома фашистской Германии, празднование дня Октябрьской революции и другие праздники должны были создать у граждан чувство активного участия в делах государства, в общественной жизни. Используя такие средства и способы воздействия, руководители тоталитарных государств пытались убедить всех в законности своего господствующего положения и того государственного строя, которому они служили. Для того, чтобы правящая элита оставалась на своем месте, ей нужна была показная лояльность народа.

Таким образом, имеются чисто ритуальные, формальные и формализованные виды политической активности. И вполне понятно, что расстояние между ними и реальным участием в управлении государством – расстояние огромное.

Но имеются также средние, пограничные формы политической активности. Это те случаи, когда человек желает участвовать в политических акциях, желает оказать влияние на политические события, но сомневается в том, что это возможно. Например, многие граждане

⁵²Об этом вопросе политологи постсоветского периода писали многократно. См., например: Режим личной власти Сталина. К истории формирования. Под ред. академика Ю.С. Кукушкина. –М.: Изд-во Московского университета, 1989; Гозман Л. Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996; Гуревич П.С. Политическая психология. – М.: Изд-во «Юрайт», 2013; и др.

участвуют в выборах не потому, что убеждены, что этим путем оказывают влияние на политические процессы, а по той причине, что желают играть свою гражданскую роль, исполнять свою гражданскую обязанность. Такая активность в политологии получила название «полуритуалистическое политическое поведение». Таким образом, для того, чтобы охарактеризовать поведение человека как полностью ритуальное или полуритуалистическое, необходимо иметь представление о характере его мотивации.

Каждое государство в своих законах предусматривает те формы политической активности, в которых граждане могут участвовать без опасения, что станут объектами применения отрицательных санкций со стороны властей. Наоборот, такие формы деятельности считаются правами граждан и, в принципе, могут даже поощряться.

Так, в Конституции Республики Армения, принятой в 1995 году и измененной в 2005 2015 гг., имеется статья, которая определяет, что граждане Армении имеют право участвовать в выборах, митингах и собраниях, и т. п.⁵³.

В Конституции Российской Федерации также предусмотрены такие права⁵⁴.

Одним из самых главных и интересных, особенно для политической психологии, прав граждан является право участвовать в выборе главы государства, других руководителей.

Является ли определенная форма политической активности легальной или нелегальной, зависит от того, предусмотрена она законом или нет. В одной стране организация митинга протеста против политики правительства считается законной, в другой – незаконной, а в третьей стране – даже преступной. В настоящей книге мы пользуемся следующим определением легального: «Легальный (лат. *legalis*) – разрешаемый, допущенный законом, действующий в рамках закона, в противоположность подпольному, запрещенному, существующему и действующему тайно (нелегально)»⁵⁵.

В каких случаях люди прибегают к помощи незаконной политической активности? Одной из главных причин является то, что законными путями невозможно оказать влияние на процессы распределения власти и других ценностей (ресурсов), на процесс управления государством или политическим учреждением.

⁵³ См.: Конституция Республики Армения. Гл. 2, ст. 30, 1995.

⁵⁴ См.: Конституция Российской Федерации, 1993, Гл. 2, ст. 32.

⁵⁵ Краткий политический словарь. – 3-е изд., Составление и общая редакция Л.А. Ониква и Н.В. Шишлина. – М.: «Политиздат», 1983. – С. 167.

Когда люди прибегают, например, к террору или другим формам подпольной активности? Тогда, когда легальные и легитимные формы политической деятельности не предоставляют им возможность добиваться своих политических целей. Если выдвинутые ими цели законны (например, цель работать или добиваться национальной автономии), но им не позволяют добиваться этих законных целей законными же путями, то их переход на нелегальные и незаконные формы активности можно считать понятным и даже оправданным.

Но в тех случаях, когда цели индивида или группы являются нелегитимными, тогда оценка их активности должна быть другой. Тогда следует выяснить, почему в законах не предусмотрены эти цели, действительно ли они могут приносить вред гражданам и государству, не следует ли изменить закон? Формально, пока закон запрещает что-то, это «что-то» является незаконным. В таких случаях прежде всего следует добиваться изменения закона или принятия нового закона, а затем уже действовать в соответствии с этим измененным или новым законом. Проблема состоит в том, что нередко предлагаемые изменения оказываются неприемлемыми для правящей элиты; тогда начинается политическая борьба между группировками и партиями. В ходе политической борьбы к незаконным методам нередко прибегают не только оппозиционеры, но также правящие группы. Такие нарушения законов, как искажения результатов выборов, финансовые махинации и т. п. – широко распространенные явления даже в странах с развитыми демократическими институтами (как США, Франция и др.).

Во многих странах незаконными считаются: бунты, особенно если они имеют вид вооруженного выступления, убийство человека, военные перевороты, а также социальные революции. Эти формы политической активности требуют отдельного рассмотрения, желательнее всего – в связи с проблемой политических конфликтов.

Когда человек вовлекается в дозволенные (легальные) и законные, и незаконные, нелегальные формы политической активности, или как в те, так и в другие, он тем самым становится политическим деятелем. Несколько высокопарное словосочетание «политический деятель» может означать просто то, что человек исполняет простые политические функции в составе какой-либо группы. Политический деятель может быть также одиночкой. Разные люди вовлечены в политику в различной степени, с различной

интенсивностью. Для одних политическая активность – их ведущая, основная деятельность, для других – способ времяпрепровождения. Многие члены общества занимаются политикой эпизодически. Есть и такие граждане, которые абсолютно безразличны к политике и никакого участия в ней не принимают. В демократическом государстве принято уважать право граждан самим определять уровень и интенсивность своего участия в политических процессах.

С этой точки зрения встает необходимость изучения способов воздействия политической системы на личность.

Индивид вовлекается в политическую жизнь общества, если политическая система этого общества оказывает на него влияние, так сказать, «дает о себе знать». Каким образом политическая система оказывает влияние на людей? Политолог Г. С. Кельман специально исследовал данный вопрос. Он указывает на то, что существуют следующие механизмы воздействия: уступка, идентификация и интернализация⁵⁶. Вкратце рассмотрим эти механизмы.

Человек идет на уступки перед субъектом власти, когда этим путем достигает положительных целей и избегает наказания. Он делает то, что от него требуется, хотя при этом понимает, что исходя в данной ситуации из других, более высоких принципов или критериев, он неминуемо придет к выводу, что поступает неправильно. Но, поскольку многие в своей жизни руководствуются прагматическим принципом удовольствия, который гласит, что надо стараться получить удовольствие и избегать неприятностей, то уступчивость – широко распространенный механизм социального поведения людей.

Субъекты власти фактически сами не используют механизм уступчивости, а **вызывают** его в поведении подчиненных индивидов. Для того, чтобы получить такой результат, они используют угрозы, методы убеждения, наказание и т. д. Уступчивость может стать доминирующей чертой личности.

Все государства в какой-то степени пользуются уступчивостью своих граждан, поскольку те боятся наказания. Например, в буржуазных странах многие, даже очень богатые люди, хотели бы избегать уплаты налогов, но они этого не делают, поскольку

⁵⁶См.: Kelman H.C. Compliance, identification and internalization: three processes of attitude change. – “Journal of Conflict Resolution”, 1958, 2, pp. 51 – 60.

боятся, что соответствующие органы власти могут наказать их, применить к ним карательные социальные санкции.

Однако в тоталитарных государствах масштабы уступок граждан перед субъектами государственной власти достигают невероятных для демократических стран масштабов. Уступчивые и конформные граждане вознаграждаются, а неуступчивых и автономных, самостоятельно мыслящих и действующих людей наказывают. Только конформисты получают возможность заниматься определенными видами деятельности, занимать в обществе высокие статусы. Последовательное проведение такой политики является одним из признаков стагнации общества.

В политической психологии проблемы уступчивости и конформизма должны стать предметом углубленных исследований. Но здесь мы ограничимся сказанным выше.

Другой способ вовлечения людей в политическую активность – это порождение в них процесса идентификации с правительством, с лидерами и их политическими целями. Это наиболее желательное для правителей отношение людей, граждан к власти и ее субъектам. Когда идентификация настоящая, т.е. положительная и достаточно глубокая, у индивида появляется вера в истинность того, что он говорит, и правильность того, что делает. Часто люди принимают участие в политической активности групп в результате идентификации с их лидерами, под воздействием ожиданий этих лидеров⁵⁷.

Под интернализацией в социальных науках и в психологии имеют в виду такое принятие взглядов и способов деятельности власть имущих субъектов, когда индивид уверен, что они полностью соответствуют его убеждениям. В таких случаях внешнее поведение человека получает внутреннее вознаграждение: человеку приятно заниматься этим делом; он считает свою деятельность полезной, он чувствует себя удовлетворенным теми результатами, которые получаются благодаря этой деятельности.

Когда, например, родина оказывается в опасности, многие добровольно идут на войну. (Война также является политической деятельностью, но такой, которая осуществляется силовыми методами. А те, кто по болезни или по другим причинам этого не делают, переживают чувство виныю.)

⁵⁷ Проблема идентификации в социальных и психологических науках впервые была выдвинута З. Фрейдом в связи с проблемами возрастного развития личности. Современные представления об этом явлении см.: Налчаджян А.А. Психологическая адаптация. – М.: «ЭКМО», 2010.

Очень часто уступчивость, идентификация и интернализация выступают в психической жизни и политической активности человека вместе. Они являются способами или механизмами изменения установок людей, и их совместная работа приводит к более глубоким результатам, особенно когда речь идет об изменении сложных и важных для людей социальных установок.

Но не только политическая установка к правительству и лидерам приводит к вовлечению личности в политическую активность. Если человек отчужден от правителей, ненавидит их, считает, что они не достойны тех позиций, которые занимают в обществе, то в этом случае также может вовлекаться в политическую активность, но уже другого характера. Это явление в политологии уже замечено⁵⁸. Однако в наших условиях оно требует и достойно специального и всестороннего исследования.

(Возникает проблема: для создания психолого-политической теории бунтов и революций необходимо исследовать природу и разновидности отрицательной идентификации. Между тем, если положительная идентификация к настоящему времени уже исследована достаточно подробно, то этого нельзя сказать об отрицательной идентификации, которая играет не меньшую роль в общественных и межличностных отношениях во всех обществах.)

Между положительной идентификацией и проправительственной активностью, с одной стороны, и отрицательной идентификацией и революцией или бунтом – с другой, лежит полоса безразличия. Некоторые политики называют локализованных в этой широкой полосе людей «молчаливым большинством», причем молчаливо же предполагая, что они поддерживают их правление. Но это миф, один из случаев выдачи желаемого за существующее. Правда же заключается в том, что молчаливые тоже отчуждены от власти и ее субъектов и если как граждане идут на уступки, то лишь формально и в минимальной степени. Их «пробуждение», если оно наступает, может иметь непредвиденные последствия в зависимости от того, какие события будут возбуждать их и мотивированы ли они на активное участие в политической жизни общества.

⁵⁸См.: Schwarz D.C., Political Alienation and Political Behavior. Chicago: Aldine, 1973.

Мы полагаем, что изложенные здесь представления перспективны и могут получить дальнейшее развитие, если в них шире использовать достижения современной социологии и социальной психологии (особенно теории социальных установок).

В социальных группах и межгрупповых отношениях происходит огромное количество социально-психологических процессов. Два из них представляют особый интерес и являются наиболее важными и ведущими. Речь идет о процессах сотрудничества и соперничества людей и социальных групп. Когда индивиды и группы соперничают ради каких-то целей и ценностей, между ними часто возникают конфликты.

Особенностью политической деятельности является то, что она большей частью разворачивается в конфликтных и кризисных ситуациях.

Политическая активность имеет целью разрешение конфликтов, но очень часто приводит к новым конфликтам. А там, где налицо соперничество и конфликты, неизбежно появляются победители и побежденные. При этом возникают также моральные и психологические вопросы справедливости или несправедливости таких итогов и многие другие вопросы. Целью разрешения политических конфликтов является выработка взаимоприемлемых решений, компромиссов и других форм взаимосогласованного поведения.

Конфликты в политической активности неизбежны также по той причине, что политические отношения индивидов и групп обычно несимметричны. У одного из взаимодействующих субъектов всегда бывает больше власти, чем у другого; один более влиятелен, чем другой, и т. п. Власть всегда распределяется неравномерно, поэтому ситуация политической активности всегда чревата конфликтами.

Конфликт вызывает динамические процессы, в результате которых происходит перераспределение власти и других ресурсов. Одни в этой борьбе выигрывают, другие терпят поражение. Победители и побежденные – один из главных итогов политических процессов.

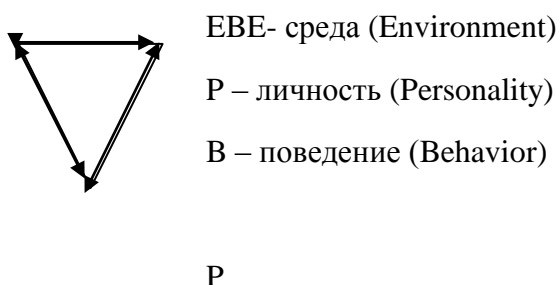
Результаты соперничества вызывают новые социально-психологические процессы. Как участники политического соперничества, так и наблюдатели, стремятся дать этим результатам, а также тем процессам, которые к ним привели, нормативные оценки. Они могут задавать себе и друг другу, например, вопросы следующего содержания: а)

Справедливы ли результаты соперничества? б) Велась ли борьба по определенным правилам и в соответствии с моральными нормами? в) Удовлетворены ли участники соперничества? Имеют ли они моральные, юридические или иного характера претензии?

Если участники конфликта убеждены, что принцип справедливости соблюдался, тогда они приходят к выводу, что бессмысленно предпринимать новые действия. Но если у них возникает чувство несправедливости, то появляется желание предпринять новые шаги с целью установления справедливости. Недовольство и фрустрация возбуждают у людей новую мотивацию на новые действия и поступки, целью которых является новое перераспределение власти и других ресурсов, ради которых развернулось соперничество. Это могут быть массовые протесты (собрания, митинги и другие политические акты), отправленные письма в соответствующие инстанции и т. п. Все названные действия являются политическими, поскольку имеют отношение к власти и ее распределению между участниками политических процессов внутри данного общества.

В качестве общей идеи вполне приемлемым можно считать вывод о том, что подобно другим видам социального поведения человека, его политическое поведение тоже является результатом взаимодействия личности и среды. Но что собой представляет это взаимодействие, где кончается личность и начинается среда? Эти вопросы не так просты, как может показаться с первого взгляда. Они подвергаются достаточно скрупулезному рассмотрению в ряде публикаций, и полученные результаты должны быть представлены в труде, который посвящается актуальным проблемам политологии, в том числе политической психологии.

Взаимодействие личности и среды можно представить в виде следующей схемы:

Эта схема показывает, что все элементы взаимодействуют. Поведение меняет как среду, так и личность. Это динамическая модель⁵⁹.

Поскольку в детерминации поведения играют роль как личность, так и внешняя среда (в которую входят непосредственная микросреда, более широкая социальная среда, макросреда, т. е. общество, и историческая ситуация), то график детерминации политического поведения можно представить и в более усложненной форме. То обстоятельство, что порой трудно провести четкие границы между личностью и ситуацией (т.е. между микро- и макросредами), на графике выражено тем, что границы кругов проницаемы. Как индивиды ищут соответствующие ситуации для своей активности, так и, образно говоря, ситуации ищут соответствующих людей. (Когда речь идет о социальных ситуациях, это образное выражение может стать верным буквально. Например, социальная группа ищет лидера и находит. Тот начинает действовать в группе как в социальной среде.)

Широко распространена точка зрения, согласно которой политика – дело «грязное», т. е. аморальное. Во многом это так: реальная политика – как внутренняя, так и внешняя – во многом соответствует этой точке зрения. Но, как и всякое широкое обобщение, оно истинно лишь отчасти.

Во-первых, реально встречается также моральная, «чистая» политика.

Во-вторых, во многих ситуациях она возможна, хотя люди нередко, поступая иррационально, выбирают «грязные», т.е. аморальные варианты решения политических проблем.

В-третьих, осуществляемая индивидом, группой или национальным государством политика зависит от уровня морального развития этих людей и групп. Морально зрелые политические деятели стремятся осуществить мудрую, моральную политику, и нередко это им удается.

В-четвертых, фактом остается то, что высокоморальных и мудрых политиков нередко уничтожают. Они, по-видимому, отличаются доверчивостью, не подозревают в других враждебности, приписывают другим такую же гуманность и честность, какой обладают сами, поэтому время от времени ведут себя неосторожно.

Рассмотрим некоторые случаи моральной политики.

⁵⁹ Barner-Berry C. and Rosenwein R. Psychological Perspectives on Politics. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1985, p. 32.

В истории армянского народа неоднократно повторялось событие следующего характера: на страну нападают войска агрессивного врага с целью захвата, подчинения и эксплуатации. Против них выступают армянские войска во главе с талантливыми полководцами (таких в истории Армении было много), в сражении разбивают их и обращают в бегство. Армянские войска преследуют их и многих берут в плен. Несколько раз случалось так, что в руки армянских полководцев попадали не только солдаты противника, но также их гаремы. Наши полководцы, которые всегда были из княжеских семей и развитыми людьми, каждый раз не только не притесняли этих высокопоставленных женщин и их служанок, но, наоборот, с большими почестями отпускали их и, обеспечивая их защиту, возвращали домой. Такой высокоморальный поступок в жестокие века раннего средневековья был непонятен многим, а враги, возможно, считали его признаком слабости.

Иногда такая политика вызывала уважение у врага, пробуждая его совесть. В результате такой частичной конверсии он мог внести изменения в свою политику. Но возможна также другая оценка такого благородного поступка: например, потерпевший поражение персидский или другой царь мог, по-видимому, подумать, что полководец-победитель боится его или не желает совсем испортить отношения и т. п., т. е. приписать врагу слабость. Тут возможны различные взаимные предположения, которые оказывают влияние на дальнейшее развитие их отношений. Когда противнику приписывается инграция, этому следуют одни действия, когда же приписываются благородство и великодушие – другие, противоположные.

Более современный и убедительный пример – политика Махатмы Ганди, лидера Индии, под руководством которого шла освободительная борьба индийского народа против британских колонизаторов. Ганди выбрал метод пассивного сопротивления насилию колонизаторов и, в конце концов, победил. Он знал, что насилие, агрессия, приведут к ответным насильственным действиям. Агрессия морально разлагает людей. Ганди, по-видимому, не просто боялся агрессивных ответов англичан, которые, он знал, способны на насилие и садизм. Он предполагал, что, ведя вооруженную борьбу, сами индусы не останутся моральными людьми. С этих же позиций следует подойти к психологическому анализу и интерпретации личности и деятельности Джавахарлала Неру и Индиры Ганди⁶⁰.

⁶⁰ См.: Ульяновский Р.А. Три лидера великого индийского народа. –М.: «Политиздат», 1986.

Их мусульманские противники не смогли остаться на таком же высоком уровне моральной регуляции поведения и прибегали к насилию. В связи с этим возникает необходимость исследования роли религии. Религии отличаются не только своей идеологией, но и тем, что различия в религиозной идеологии приводят к совершению поступков, соответствующих различным уровням морального развития. Мусульманская политика насилия принимает крайне жестокий, садистский характер особенно тогда, когда последователи этой религии имеют дело с «неверными». Ислам пропитан огромным агрессивным зарядом и проявляет постоянную готовность к агрессии по отношению к христианским и другим неисламским народам.

Глава 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

§2.1. Государство, государственная власть, суверенитет и политика

“Общество” (society) – это совокупность всех социальных групп, совместно живущих на определенной территории и взаимодействующих друг с другом. Каждое общество – результат более или менее длительного исторического процесса.

Понятие «общество» имеет не только строго политологическое значение, но также дополнительные смысловые оттенки. Например, в своей «Энциклопедии власти» В. Ф. Халипов приводит еще и такие определения общества: исторический конкретный тип социальной системы; та или иная организация; среда людей, компания⁶¹. Однако эти значения не могут использоваться в научной политологии. Более или менее близка к нашему определению та характеристика, которая приводится этим автором в первую очередь: «Общество... совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей». Но мы считаем принципиально важным отметить, что речь идет не столько об отдельных людях, сколько о социальных группах различных видов по функциям, по величине и по другим признакам.

Исходя из чего и на каких основаниях люди с древнейших времен создавали группы, общности, общины и большие общества? Эти социогенетические процессы происходят либо спонтанно, либо частично, преднамеренно, последнее – на том уровне антропогенеза и социогенеза, когда люди уже приобрели сознание, самосознание и даже групповое, в частности – этносоциальное самосознание. Подобные социальные группы создаются для удовлетворения базовых потребностей людей, значительная часть которых либо инстинктивна, либо в своей структуре имеет сильно выраженный инстинктивный элемент в виде, например, влечений и определенных схем поведения. Нелишне отметить, что о наличии у людей таких потребностей определенное, хотя и не развернутое в виде концепции, представление имел еще Аристотель (384 – 322 до н.э.). Однако после того, как общество или его первичные формы – общности и общины – возникают, в них начинают действовать и

⁶¹ См.: Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. –М.: «Академический проект» 2005, «Культура», 2005. – С. 579-580.

другие силы: взаимный интерес, потребность в защите от возможных нападений внешних врагов, в том числе других общин, потребность в совместной деятельности, что позволяет лучше удовлетворять первичные потребности и т.д. Человеческие общности, по-видимому, скрыто подчиняются влиянию каких-то целеустремленных сил, каким-то закономерностям роста и структурного и функционального усложнения. Благодаря действию этих сил и закономерностей возникают сложные системы взаимодействующих и взаимозависимых людей и социальных групп. В таких структурах неизбежно возникают социальные статусы и соответствующие роли, иерархии статусов и ролей, ролевые отношения и взаимосвязи индивидов.

Внутри каждого общества возникают различные группы, которые по величине бывают микрогруппами (малыми группами), средними по величине и большими. Таковы семья, сельские и городские общины, религиозные общины, различные социальные, в том числе политические организации и институты и т.п. Во всех этих группах возникают общественные, социальные отношения различных типов. В социологии и социальной психологии в первую очередь выделяют первичные (близкие, эмоционально насыщенные, личностные) и вторичные (официальные, эмоционально нейтральные, «сухие» деловые) социальные отношения. Во всех видах социальных групп неизбежно возникают ролевые отношения, отношения власти (господства) и подчинения, отношения руководителя и подчиненного. Статусные и ролевые официальные отношения в большей мере характерны государственным учреждениям, тем организациям, которые заняты производством материальных и других ценностей. Однако во всех этих отношениях наблюдаются также процессы возникновения малых групп первичного типа. Люди имеют потребность в близких отношениях, что и приводит к таким последствиям, которые в некоторых случаях способствуют эффективной деятельности, а в других, наоборот, могут препятствовать эффективному исполнению социальных ролей⁶².

Однако не все формы проявления жизни и активности людей являются деятельностью в строгом смысле слова. В современных науках (социологии и особенно психологии), а также в философии, понятие «деятельность» имеет вполне определенный

⁶² Более подробно вопросы структуры и функций социальных организаций обсуждаются в специальной социологической и социально-психологической литературе. См., например: Смелзер Н. Социология. –М.: «Феникс», 1994; Ա.Ա. Նալբանդյան, Աղբիւրաբան հոգեբանություն, Երևան, «Հոգեբան», 2004; см. также: Философский энциклопедический словарь. –М., 1983. – С. 451-453.

смысл: это организованная целенаправленная, в значительной степени сознательная активность людей, которая имеет мотив или группу конвергирующих мотивов⁶³. Для обозначения общества в современных публикациях используется также слово «социум».

Внутри этих сложных общественных отношений возникают такие специфические отношения, которые обусловлены тем, что у одних индивидов в руках оказываются более высокие статусы и власть, а другие либо обладают этими ценностями в меньшей мере, либо лишены их. Возникают «властные отношения», развитие которых, особенно на уровне наций и империй, принимает вид государственной власти и государственных учреждений.

В данной связи, можно принять точку зрения, согласно которой государство является основным политическим институтом общества⁶⁴. Это означает, что «в руках» государства сосредоточивается наибольший объем власти по сравнению с тем, чем обладают другие социальные группы и организации данного общества.

Государственная власть объективируется в целом ряде политических институтов, которые получили название «государственные органы власти». Это народные собрания (парламенты), глава государства и его аппарат управления (король, царь, президент и т. д.), правительство, судебные органы власти, армия, полиция, органы государственной безопасности, разведывательные органы и другие. Во всех обществах прошлого и нашего времени существовали и существуют религиозные общины и организации (церковь) и, соответственно, религиозная власть. Но в современных демократических обществах церковь отделена от государства, поэтому ее власть не считается государственной.

Каковы основные функции государства? Эти функции следующие: а) организация, структурирование общества и общественной жизни; б) создание органов социализации (школы, вузы и другие учебные заведения); в) организация и обеспечение защиты общества от внешних и внутренних врагов; г) одной из главных функций государства является его исключительное право и способность создания и принятия законов и обеспечение их исполнения; д) государство обладает возможностью и правом на принуждение либо к выполнению определенных форм поведения, либо к отказу граждан от совершения целого

⁶³ См.: Психологический словарь. Под ред. В.В. Давыдова и др. Москва: «Педагогика», 1983. – С. 91-92; Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. –М.: 1975; Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В двух частях. –М.: «Педагогика», 1986.

⁶⁴ См.: Философский энциклопедический словарь. С. 123.

ряда видов поведения и социальных поступков; это реализуется с помощью поощрения, наказания и других средств.

«Государство обладает монополией на принуждение всего населения в рамках определенной территории, правом на осуществление от имени всего общества внутренней и внешней политики, исключительным правом издания законов и правил, обязательных для всего населения, правом взимания налогов и сборов»⁶⁵. Все эти и другие права, полномочия и другие атрибуты государственной власти – это конкретные воплощения специфического вида исторически возникшей власти, а именно – власти государственной.

Государственная власть для своего осуществления (реализации) должна принимать ту или иную форму. Под **формой государства** понимают ее строение, организацию государственной структуры, тех групп людей, которые осуществляют государственную власть в данном обществе.

Отметим два аспекта формы государственной власти или государства: а) форму государственного устройства; б) форму правления. В первую из них включают порядок образования государственных органов, структур власти сверху донизу; способы территориального деления и местной власти, их функции; взаимосвязи (соподчиненность этих органов, степень самостоятельности и подчиненности и т. п.). Что же касается формы правления государством и обществом, то она, в первую очередь, касается стилей правления, о которых речь пойдет отдельно.

Монархия – это такая форма (и способ) правления, когда верховная политическая и государственная власть находится в руках одного человека. Он получает эту власть путем наследования, что юридически подкреплено и законно. Все остальные структуры общества создаются исходя из такой природы монархической власти. Власть эта легитимирована.

В истории человечества монархическая власть появилась почти везде, но с определенными различиями. Монархии бывают абсолютными, ограниченными и конституционными (как в современной Великобритании).

Примерами абсолютной монархии могут служить Ахеменидское царство, армянское государство Тиграна Великого, власть французских монархов, например Людовика XIV, и

⁶⁵Там же.

многие другие. Много было в истории ограниченных монархий. В настоящее время такими государствами можно считать Великобританию, Испанию, Марокко и другие.

Примерами современной конституционной монархии, как уже сказано, являются Великобритания, а также Швеция, страны, в которых, как иногда говорят, монарх царствует, но не правит. Реальная власть и бразды правления в таких государствах находятся в руках глав правительств (премьер-министров).

С древнейших времен известна также такая форма правления, как республика. В республике все органы высшего государственного правления (власти) либо избираются, либо формируются общенациональным представительным учреждением. В настоящее время в мире шире распространена республиканская форма правления и организации государственной власти, чем другие. Она, в свою очередь, имеет разновидности, о которых в политологических публикациях говорится с достаточной подробностью.

Наряду с этим, существуют две основные разновидности республиканского правления: а) президентская республика; б) парламентская республика.

Президентская республика. – На основе всеобщего избирательного права народ избирает президента страны, который олицетворяет полномочия главы государства и правительства одновременно.

В президентской республике существует четкое разделение трех основных видов власти, которого требовал еще Монтескье. Ветвями власти являются законодательная, исполнительная и судебная ветви.

Президент избирается внепарламентским методом (т. е. независимо от парламента). Правительство, формируемое президентом и возглавляемое назначенным им премьер-министром, не несет ответственности перед парламентом. Но, с другой стороны, президент не имеет права распустить парламент.

Создание президентской республики имело целью обеспечить уравновешенность между тремя основными ветвями власти: они взаимодействуют в рамках, определяемых Конституцией и другими законами (например, законом о президенте, о парламенте и другими).

Парламентская республика. – В такой республике верховная политическая власть находится «в руках» парламента (национального собрания и т. п.). Правительство несет

ответственность перед парламентом, подотчетно ему за свою деятельность. Правительство формируется парламентом. Главой правительства назначается лидер той политической партии, которая располагает большинством в нижней палате парламента. (Необходимо учесть, что парламенты не всех стран имеют высшую и низшую палаты. Таково, например, Национальное Собрание Республики Армения: это однопалатный орган политического правления).

Смешанные формы республиканского правления. – Существуют президентские республики, в которых парламенты играют более заметную роль в процессе управления государством, чем в «чистого» вида президентских республиках. Есть, например, в некоторых странах СНГ парламенты, которые имеют возможность ограничения власти президента. Такие государства можно назвать президентско-парламентскими республиками. Идет как бы испытание новых форм государственного правления, что является интересным политическим процессом и заслуживает специального исследования. Но эта задача выходит за рамки настоящего исследования.

Мы уже видели, что современные государства, почти без исключения, обладают монополией на осуществление внешней и внутренней политики своей страны. Важным аспектом такой политической работы является установление взаимных связей с другими государствами и с другими субъектами власти, организациями и людьми с целью представления перед ними интересов своей страны и их защиты, для взаимодействия и соперничества и т. п. Такая работа осуществляется специальными органами государственной власти – министерствами иностранных дел (которые в разных государствах могут иметь различные названия), но также органами внешней разведки и государственной безопасности.

Поэтому возникает новый для общей политологии вопрос: в какой мере члены дипломатической службы определенной страны обладают властью? Если дипломаты обладают ею, то какова специфика этой власти, какие она принимает конкретные формы в виде прав и полномочий? Какую роль играет политическая культура страны и самих дипломатов, в частности послов, в процессе реализации той части государственной власти, которой они обладают (наделены вышестоящими должностными лицами), каким образом они могут и вправе использовать эту власть в той стране, где проходит их дипломатическая служба?

В общей политологии эти вопросы, как ни удивительно, почти не затрагиваются. Например, в политологической литературе мы ничего не находим о специфичности власти дипломатов, в частности послов и других субъектов внешнеполитической деятельности. Это главная проблема настоящего исследования. Она по возможности подробно и на соответствующем материале рассматривается во второй части настоящего труда. Поскольку общая политология мало помогает нам в исследовании этой проблемы, мы решили идти единственным, по нашему мнению, верным путем, а именно – путем изучения литературы о деятельности дипломатов, их опыте, который отражен как в их научных публикациях, так и в их воспоминаниях, различных высказываниях, в описаниях их личности и деятельности другими авторами. Но весь такой материал исследуется нами со специфической точки зрения, а именно: а) исходя из тех представлений о власти и политической воле, которые представлены в первой главе настоящего труда; б) исходя из современных представлений о политической культуре, которые изложены во второй главе настоящего труда; с позиций современной социологии и психологии, которые, как мы думаем, достигли таких результатов, которые позволяют исследовать также некоторые личностные особенности и психологические аспекты деятельности дипломатов. Здесь уместно отметить, что, насколько нам известно, не существует еще глубоких исследований психологических аспектов дипломатической деятельности и личности дипломатов, что мы считаем серьезным упущением в современной политологии. Отметим также, что мы положили начало такой работы в одной из наших недавно вышедших книг⁶⁶.

В настоящей работе мы особо выделяем и обсуждаем проблему государственного суверенитета, поскольку он имеет прямое отношение к внешнеполитической активности государства, к дипломатической работе.

Суверенитет (фр. *souveraineté* – верховная власть, господство, верховенство) – понятие, которое используется для характеристики любого социального субъекта, но чаще всего используется относительно государства или таких субъектов, в руках которых сосредоточена значительная по объему власть.

Согласно современным представлениям, государственный суверенитет – это неотчуждаемое юридическое качество независимого государства. Оно символизирует его

⁶⁶ См.: Ա.Գ. Նալբանդյան, Դիվանագիտություն, Երևան, «Մուղնի», 2010.

политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права. Государственный суверенитет необходим для исключительного верховенства государственной власти, для исключения подчинения органам власти другого государства. Только само это государство, на добровольных началах, может изменить, а в крайних случаях исключить собственный статус независимого государства, например, когда принимается решение войти в состав другого государства. В настоящее время изменения суверенитета происходят также в то время, когда государство принимает решение присоединиться к таким международным организациям, уставы которых налагают ограничения на независимость и суверенитет вошедших в нее государств. Согласно положениям современного международного права, государственный суверенитет обусловлен равенством всех независимых государств⁶⁷.

В уставе ООН и в других международных правовых актах закреплён также принцип уважения суверенитета государств, который считается одним из основных принципов современного международного права. (Здесь уместно отметить, что понятие «уважение», по-видимому, даже в таких важных международных правовых документах используется в повседневном смысле. Так что, как мы думаем, в ближайшем будущем предстоит создать научную концепцию уважения вообще, и уважения в политологии и юриспруденции, и данное положение, в том числе в связи с проблематикой государственного суверенитета, использовать более корректно и точно. Это позволит сделать исследование данного явления и связанных с ним феноменов с научной точки зрения более корректным и ценным. Государство располагает суверенитетом независимо от величины территории, численности населения и политического режима.

Именно такой высокой значимостью государственного суверенитета обусловлено то, что в конституциях независимых государств подчеркивается их суверенитет, а главы государств, вступая на свой пост и принимая присягу, подчеркивают важность защиты суверенитета того государства, руководить которым им суждено. Например, в статье 82 Конституции Российской Федерации мы читаем: «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и

⁶⁷ См.: Моисеев А.А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. –М.: «Научная книга», 2006. –246 с.

гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость... государства.

Государственный суверенитет – это независимость государства во внешних делах и верховенство во внутренних делах»⁶⁸.

Понятие государственного суверенитета, как известно, было введено французским ученым и политическим деятелем Жаном Боденом еще в XVI веке. Это были времена господства европейского феодального права, в соответствии с которым неограниченной верховной властью обладали верховные сюзерены (короли), в то время как их вассалы обладали только ограниченной суверенностью. Согласно Ж. Бодену, суверенитет означает неограниченную и бессрочную верховную власть монарха в пределах своего государства в силу его естественного права (чаще всего – права наследования). Однако вместе с этим в Западной Европе в целом верховная власть приписывалась только папе римскому. Лишь в 1648 году, в Вестфальском мирном договоре, который положил конец длительной войне в Европе, признавалось суверенное право светских властелинов. Вопрос о том, существовала ли идея государственного суверенитета в Древнем мире, остается открытым.

Так в Европе был совершен решительный шаг в создании современной правовой системы, в которой суверенность считается самым главным атрибутом любого государства. В Вестфальском мирном договоре (1648 г.) признавался территориальный суверенитет государств. Здесь речь шла о полном суверенитете.

Но суверенитет бывает не только полным, но и частичным, ограниченным или неполным. Таким неполным суверенитетом пользовались, например, вассалы императора Священной римской империи. Эти правители не имели права заключать такие договоры с иностранными государствами, которые были бы направлены против императора. Такой вассал имел целый ряд обязанностей: он был обязан участвовать в органах управления империи, вносить свою долю расходов по содержанию императорской армии и государственных учреждений империи, обеспечить выполнение на территории своего княжества решений имперских органов власти – рейхстага, суда и иных учреждений. Независимость, а следовательно и суверенитет, имел такой правитель в области внутренних дел своего княжества, таможенного и налогового законодательства, в организации местных

⁶⁸ См.: Суверенитет государственный. – Большая советская энциклопедия. Том 25. –М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1976. – С. 26.

вооруженных сил. (Следует отметить, что сходные порядки в государствах Малой Азии, Месопотамии и в Ахеменидском царстве существовали задолго до появления национальных государств в Европе.)⁶⁹

В научной политологической литературе используются, помимо термина «государственный суверенитет», также выражения «национальный суверенитет», «народный суверенитет», «суверенитет личности» и, наконец, «суверенитет гражданина». Для построения полноценной концепции суверенитета четкое определение этих понятий нам представляется необходимым. Но эта задача в целом выходит за рамки настоящего исследования. Нас здесь занимают главным образом феномены национального и государственного суверенитета. Вкратце рассмотрим эти виды суверенитета.

В современной политологии, наряду с понятием «государственный суверенитет», широко используется также понятие «национальный суверенитет». В трудах специалистов это понятие истолковывается следующим образом: «В современном международном праве, помимо государственного суверенитета, сформировалось понятие национального суверенитета, понимаемого как право каждой нации на самоопределение. Содержанием национального суверенитета является полновластие нации, ее политическая свобода выбирать свою государственно-правовую организацию и форму взаимоотношений с другими нациями. Обеспечивается суверенитет нации социально-экономическим и политическим устройством общества, то есть он не является изначально любой нации присущим. По своей сути национальный суверенитет является демократическим принципом, реализация которого зависит от осознания нацией своих жизненных интересов, объективно вытекающих из условий ее существования и развития»⁷⁰.

Требуют исследования соотношения этих двух важнейших явлений – государственного суверенитета и национального суверенитета. Это соотношение можно понять исходя из следующего: в ходе своего исторического развития нация может реализовать свой суверенитет различным образом; если имеются необходимые предпосылки и международные условия, нация может создать собственное государство, т. е. реализовать свой суверенитет в виде государственного суверенитета. Но если условия неблагоприятны и

⁶⁹ См.: Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. –М.: «Наука», 1985.

⁷⁰ См.: Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. –М.: Изд-во ИМО, 1963; Шевцов В.С. Национальный суверенитет (проблема теории и методологии). –М.: «Юридическая литература», 1978; БСЭ, Том 25. –М.: Изд-во «Советская энциклопедия» 1976. – С. 26.

мала вероятность успеха в создании собственного государства, тогда нация в лице его активной части и лидеров может временно войти в состав более сильного государства другой нации. Таких примеров в истории человечества, в том числе и в истории армянского народа, много.

Однако остается ли после этого национальный суверенитет в качестве отдельного политического и социального явления или целиком «растворяется» в выбранной форме полного или неполного государственного суверенитета – это вопрос, который требует дальнейшего исследования. Наша точка зрения следующая: национальный суверенитет, порождая свое государство и его суверенитет, сохраняет возможность существовать как политико-психологическое и этнопсихологическое явление. Именно поэтому, когда национальное государство не оправдывает себя в качестве гаранта свободы и независимости нации, народ может прийти к выводу о его нелегитимности, требуя от лидеров ухода со своих постов и замены другими руководителями государства, правительства и других государственных учреждений.

Еще одним важным аспектом соотношения нации и государства является следующий: вхождение в состав другого государства (но не нации), для того, чтобы быть легитимным, должно быть добровольным, основанным на свободном волеизъявлении нации.

Мы полагаем, что проблема национального суверенитета будет все больше и больше обостряться и впредь. Каждая нация имеет естественное и суверенное право на независимость и свободное волеизъявление, право на создание своего независимого государства. Это ее суверенное право. Незаконно стремление одной нации подчинить себе другую нацию или этнос, превратив его в подвластное сообщество. Вхождение каждого этноса в состав другого государства с определенным статусом (в состав федерации, конфедерации или в качестве общины с другим статусом) может быть только добровольным, как выражение свободного волеизъявления всего народа. А для того, чтобы знать желание народа, требуется организовать плебисцит.

Однако мы нередко встречаемся с таким положением вещей, когда так называемое национальное государство на самом деле не выражает политическую волю и потребности всей нации. В таких случаях уже нельзя говорить о полной легитимности такого государства.

Поскольку нация и народ – не одно и то же, в политологии необходимо решить также следующую проблему: существует ли также народный суверенитет? И если существует, то каковы различия между национальным суверенитетом и народным суверенитетом?

Заслугу в создании представления о народном суверенитете приписывают французскому мыслителю Ж.-Ж. Руссо, жившему в XVIII веке (1712 – 1778). По его мнению, совокупность частных лиц, живущих совместно на определенной территории, и есть народ. Он считал народ «коллективным существом», образуемым из частных лиц. Народ, по мысли Руссо, является единственным правомерным, законным обладателем власти в стране. Именно воля народа является источником государственной власти и государственного суверенитета. (Однако Руссо, насколько можно судить, не объяснил, что это за феномен **политическая воля** народа, народная воля.) Вполне понятно, что по этому вопросу можно выдвигать самые разные концепции).

Каково соотношение между суверенитетом монарха и суверенитетом народа? Руссо считал эти явления антагонистами. Но так можно утверждать только в том случае, если предполагается, что правитель, монарх, не является частицей народа. Именно так считал Руссо: монарх, по его мнению – отдельный человек, индивид, в руках которого оказалась государственная власть. Суверенитет народа первичное явление по сравнению с суверенитетом монарха. Народ обладает в обществе высшей властью, в то время как государственная власть находится в руках субъектов государственной власти.

Идею народного суверенитета активно использовали деятели Великой французской революции XVIII века в своей борьбе против самодержавия и феодалов, которые угнетали народ.

В наше время понятие «народный суверенитет» используется широко и даже вошло в различные международные документы. Так, в ст.21 Всеобщей декларации прав человека утверждается, что воля народа должна быть основой власти государства и правительства, она должна выражаться в свободных выборах субъектов власти в обществе, в свободном голосовании в пользу тех или иных кандидатов на политические посты, в условиях равенства всех граждан. Именно народ является законным хозяином своей земли и его недр, всех ресурсов и т.п. Это тоже – признаки народного суверенитета.

Я думаю, что проведение различия между народом и нацией (или этносом), раскрытие содержания понятий «воля народа» или «воля нации» и т. п. – важные условия для дальнейшего успешного развития концепции суверенитета в политологии.

Исследование национального суверенитета имеет исключительно важное значение для Армении, Нагорно-Карабахской Республики и всего армянского народа. Армянский народ, создавая в борьбе за независимость два своих государства в последней декаде XX века, реализовал свой национальный суверенитет.

Если суверенитет не конкретизируется в правовых актах государства и в целом ряде принципов внутригосударственного и межгосударственного отношений, он остается абстрактным. Вопрос о том, какие иные принципы (= ценности) порождаются из принципа суверенитета, является одним из существенных в этой сфере политических явлений.

Суверенитет выражается в правах государства (нации, народа). Но в каких правах? И как происходит такой переход? Каким образом и с помощью каких механизмов суверенитет порождает права?

Можно предложить ряд положений:

а) Суверенитет государства в первую очередь означает наличие у него власти, которую никто не вправе у него отнять. Это именно **суверенная власть** порождает права и правомочие, сама конкретизируясь в виде прав. Такое преобразование суверенной власти в определенные права (преобразование власти и принятие формы прав) происходит в головах тех политиков, которые получили или завоевали статус, а следовательно – власть и авторитет.

б) Выражение государственного суверенитета в его функциях. – Одна из функций субъектов государственной власти это порождение правовой системы – государственных учреждений – и точного определения тех прав, которыми их необходимо наделить; делегирование определенной части своей власти этим учреждениям. Такими органами (учреждениями) являются: глава государства (президент, монарх и т.д.); национальное собрание (парламент и т. п.); правительство (исполнительная «власть»); судебные органы; органы правопорядка (армия, полиция, служба государственной безопасности; дипломатические службы (МИД, посольства и т. д.).

в) Делегирование власти этим учреждениям в виде прав и полномочий. Эти права и полномочия в демократических правовых государствах закрепляются в виде соответствующих законов.

Суверенитет государства выражается в его функциях. Каковы эти функции? Государство реализует свои функции (то есть те действия, для выполнения которых оно предназначено) с помощью тех прав, которые оно приписывает себе и фиксирует в конституции страны, а также в других правовых актах. Вот некоторые из этих функций:

а) Разделение субъектов власти на три ветви (этот принцип, как известно, предложил еще Ш. Монтескьё) и передача им определенного объема государственной власти, которая в каждом из этих ветвей принимает специфический вид, а именно:

- законодательная власть (субъект – национальное собрание, парламент);
- исполнительная власть (правительство);
- судебная власть (прокуратура и суды).

б) Для реализации этих видов власти создаются соответствующие ветви государственных органов управления с соответствующими статусами:

- статус главы государства (вместе с его бюрократическим аппаратом);
- правительство во главе с премьер-министром;
- суды: Конституционный, Верховный и другие; Министерство юстиции;
- Министерство обороны (МО) и Министерство внутренних дел (МВД или Полиция);
- Министерство иностранных дел (МИД);
- другие органы государственной власти.

в) Установление правопорядка; управление деятельностью органов власти и других организаций, контроль над исполнением соответствующих ролей должностными лицами и гражданами.

Государственный суверенитет – верховенство государства – выражается в перечисленных выше функциях. Власть государства выше всех остальных форм власти, которые возможны в данном обществе. Как уже было сказано выше, только государство имеет право применить принуждение, наказывать должностных лиц и других граждан за нарушение законов, за плохое, неэффективное исполнение своих официальных ролей в государственных органах, организациях, в обществе.

Какова взаимосвязь между суверенитетом государства внутри страны и его суверенитетом вне страны, в международных отношениях? Может ли слабое внутри своей страны и в обществе государство осуществить сильную и независимую политику вне страны, в своих отношениях с другими государствами? Мы полагаем, что ответ должен быть отрицательным: это трудно, даже невозможно.

Легитимность, справедливость, эффективность в управлении внутренними делами и другие положительные признаки управления создают силу и уверенность субъектов государственной власти на международной арене.

Принцип суверенного равенства государств – один из главных принципов международного права. Он закреплен в уставе ООН и означает следующее: все суверенные государства в международных отношениях равны независимо от их размеров, числа населения, социально-политического строя, уровня экономического развития и других признаков и условий. Это важнейший принцип. Однако в реальных отношениях государств перечисленные различия, пусть неофициально и завуалированно, но все же учитываются. Большой вес имеют во всех отношениях сильные, могущественные государства. Например, постоянными членами Совета Безопасности ООН являются всего пять мощных государств-основателей этой организации: США, Россия, Великобритания, Франция и Китай. Еще несколько государств, в порядке ротации, выбираются в качестве непостоянных членов Совета Безопасности, но и среди них почти нет слабых «игроков» международной жизни.

Поскольку это так, то те государства, у которых мало населения, территории и ресурсов, должны разработать и осуществлять более гибкую и тонкую политику, чтобы жить и развиваться в условиях безопасности. Однако это им не всегда удается, поскольку дипломатические ухищрения помогают, но не всегда.

Мы полагаем, что функции государственных органов можно считать видами деятельности групп и индивидов, разновидностями социальных ролей. Для того, чтобы развивать такой подход, в области политологии следует последовательно применять достижения современной социальной психологии, теорию ролей, теорию власти (кратологию) и другие достижения социальной психологии, социологии и других наук, изучающих человека и общество.

§ 2.2. Международное право как источник дополнительной власти для суверенного государства

Представляется необходимым сформулировать еще одну новую проблему, на которую, насколько нам известно, до сих пор специалисты не обращали внимания. Это в первую очередь касается деятельности суверенных государств на международной арене.

Существует международное право, созданы и создавались международные организации, членами которых становятся суверенные государства. Государство имеет власть, которая ему дана народом и конституцией страны. Но возникает вопрос: дают ли международные законы суверенному государству новую «порцию» власти?

Эта проблема имеет два аспекта: а) став членом той или иной международной организации, государство, как правило, вынуждено отказаться от определенной части своего суверенитета уже вследствие того факта, что берет на себя определенные обязательства, при невыполнении которых может стать объектом применения предусмотренных отрицательных санкций. б) Однако, вместе с этим, такое государство получает также новые полномочия, право участвовать в принятии решений по различным проблемам, пользоваться определенными льготами и т.п. Это означает, что благодаря такому участию оно получает не только новую власть в прямом смысле этого слова (в виде полномочий), но также такие ценности, которые можно конвертировать во власть как внутри страны, так и на международной арене.

Поэтому при подготовке решения о вступлении в какую-либо международную организацию субъекты государственной власти должны рассчитать баланс этих двух аспектов: выигрыш власти и потеря власти, усиление суверенитета – потеря определенной части суверенитета. Только исходя из результата сравнения и оценки этих двух аспектов можно принимать более или менее разумное решение. Правда, при этом полезно также сделать прогнозы на различные сроки для предвидения динамики баланса этих двух аспектов участия в международных организациях.

О том, в какой мере эта проблематика актуальна, можно судить по тем дебатам, которые в конце 2013 г. и в начале 2014 г. развернулись в Армении в связи с решением руководства республики стать членом Таможенного союза (ТС), который основали Россия,

Беларусь и Казахстан. Предвидится, что присоединение Армении к Таможенному союзу, а в дальнейшем ее активное участие в создании ЕврАзЭС принесет ей как экономические и политические выгоды, так и некоторые потери самостоятельности и прав в принятии независимых решений, особенно во взаимодействии с такими государствами, которые не являются участниками ТС.

В данной связи представляется важным изучить понятие “суверенитет”.

1) Суверенитет – это одновременно как политико-правовое, так и социологическое и психологическое явление в жизни обществ и наций, а также принцип внутренней и международной политики.

2) Одна из особенностей этого принципа состоит в том, что из него исходит или с его помощью генерируется целый ряд других принципов политической жизни. Это означает, что принцип суверенитета является комплексным, синтетическим принципом. Вот о каких производных от него дополнительных политических принципах идет речь:

а) Принцип суверенного равенства государств;

б) Принцип взаимного уважения государств (взаимного уважения суверенитета друг друга);

в) Принцип невмешательства во внутренние дела друг друга и др.

3) Это означает, что существуют принципы различного уровня общности (объема, охвата тех явлений, которые им подчиняются), иначе говоря – общие, частные и единичные принципы политической жизни государств.

Эту концепцию можно применить в политологии, так как она помогает четче дифференцировать различные виды и уровни суверенитета и исходящие из него принципы политической жизни.

4) В этой области политологии уместен также аксиологический, т. е. ценностный подход к изучаемым явлениям, что позволяет нам утверждать, что, как суверенитет и его виды (государственный, национальный и народный), так и исходящие из него или генерируемые на его основе принципы политической жизни – это ценности. Нарушение же либо игнорирование их – это проявление политического цинизма. Поэтому в данной области политологии вполне приемлема современная аксиология, психологические аспекты которой в последнее время стали предметом специального исследования армянскими специалистами.

5) Другие направления исследования суверенитета и тех принципов политической жизни, в первую очередь международной политики, которые выводятся из него – это раскрытие тех фундаментальных психологических явлений и признаков, исходя из которых формулируются названные выше принципы, хотя эти психические (вернее – психолого-моральные) явления либо не осознаются политологами, либо воспринимаются «интуитивно», но не раскрываются: они берутся как вполне понятные, в то время как таковыми ни в коей мере не являются. Иначе говоря, они учитываются почти только на уровне чувственной интуиции и так, как понимаются в народной, донаучной психологии. Речь идет, в частности, о следующих явлениях:

а) равенство, в том числе та его разновидность, которая получила название «суверенное равенство» (мы бы назвали этот принцип *принципом равенства в суверенитете*);

б) уважение;

в) власть и ее выражения в форме прав и полномочий ее субъектов;

г) делегирование полномочий одним субъектом власти другим, нижестоящим по статусу субъектам, а также в обратном направлении. Причем это явление в политологии выступает под разными названиями, что создает некоторую путаницу, которую следует ликвидировать⁷¹. Предстоит разработать единый термин и представление о разновидностях делегирования власти по вертикали статусов власти и подчинения;

д) ответственность;

е) самостоятельность;

ж) независимость и др.

б) Принцип суверенитета в деятельности дипломатов. – В этой области данный принцип выступает под несколькими названиями: а) независимость государства (sovereignty of state), б) национальный суверенитет (national sovereignty), в) государственный суверенитет (state sovereignty).

(Как конкретно выражается суверенитет государства в деятельности его дипломатов, в первую очередь послов? В таких процессах, как выдвижение целей, выбор способов их достижения; в поведении в процессе общения с руководством и другими должностными

⁷¹ См.: Хейвуд Дж. Политология. – М.: «Юнити», 2005.

лицами того государства, в котором он исполняет свои обязанности; в поведении при общении с другими дипломатами, в стиле его общения и т. п.)

7) Возникает задача описания и анализа примеров работы и общения таких дипломатов, которые в своей деятельности успешно реализовывали принцип суверенитета своего государства, а также исходящие из него, но не менее важные «вторичные» принципы (при этом нельзя путать вторичность с второстепенностью).

Встает вопрос: является ли принцип суверенитета государства или другого субъекта права оригинальным принципом. Или, может быть, он является производным, т. е. исходящим из других, более сильных и фундаментальных принципов государственной жизни? Можно выделить также, как нами сделано на предыдущих страницах, первичные и вторичные принципы и, исходя из этого, задать вопрос: является ли принцип суверенитета первичным принципом?

Мы полагаем, что при решении этих задач можно исходить из двух разных критериев.

1) Из критерия исторической очередности, т. е. из того обстоятельства, который из них возник раньше в общественном сознании и в теории права.

2) В качестве второго критерия можно взять генетический критерий, т. е. что чем порождается.

Конкретизируя для государственного суверенитета и тех трех принципов, которые, как мы утверждали, исходят из этого более общего принципа, следует выяснить, что надо понимать под словом «исходный»: генерацию одним (более общим и комплексным) принципом нового принципа (например, принципа взаимного уважения суверенитетов) или же только предшествование (т.е. то, что вначале возник принцип суверенитета, и только позже – принцип уважения)? В последнем случае принцип, который исторически предшествовал другому принципу, в лучшем случае может быть только одним из условий его возникновения, но не причиной его порождения как нового социального и юридического явления.

И еще одну новую идею мы бы хотели предложить. Возможно, что все названные и другие связанные с суверенитетом принципы возникли самостоятельно (т.е. в результате не обусловленных друг другом процессов), но затем правоведами сочетались с целью решения политических задач. Ясно, что в этой области еще многое предстоит исследовать.

Идея суверенитета содержит другую важную и, возможно, более рано возникшую в истории человечества идею независимости. Представление о независимости одного человека от другого могло возникнуть раньше идеи государственного суверенитета, поскольку государство – достаточно поздно возникшее политическое образование в истории человечества. Что касается идей независимости, свободы и т.п., то они вполне могли возникать задолго до появления первых государств, когда люди жили в племенных общинах. Если верить историкам права, во всяком случае в европейской политической культуре, то идея государственного суверенитета возникла только в XVII веке и была использована в Вестфальском мирном договоре 1648 года. Но об этом на предыдущих страницах уже было сказано.

В правоведении уже достигнуто понимание того, что «Каждая национальная правовая система отражает суверенитет государства и его неодинаковые подходы к отстаиванию собственных интересов на международной арене»⁷². Однако, насколько нам известно, далее этой констатации юристы не идут. Еще отмечается, что «Общие правила ведения дел в мировом сообществе вырабатываются путем признания их ценности и регулятивности для государств-участников»⁷³.

Но одинаков ли характер суверенитета разных государств? Или же имеются разновидности суверенитета, его типы? Такой вопрос закономерно возникает по той причине, что национальные правовые системы разных государств имеют различия, и если они отражают суверенитет соответствующих государств, то следует полагать, что у них суверенитет тоже должен иметь различия. Причем мы имеем в виду не только уровни суверенитета, но также их более важные характеристики, например, различия их идеологий, на основе которых эти государства построены, исходя из чего создавалась его правовая система. Ясно, что перед нами новая и почти совсем не исследованная проблема, важная как для политологии, так и для деятельности дипломатических служб.

Для еще большей конкретизации и уточнения проблемы можно выдвинуть следующий вопрос: если в основу правовой системы одного государства положена идеология христианства, а в основу правовой системы другого государства – ислам, то вполне понятно, что у них и правовые системы будут иметь серьезные, принципиальные

⁷² Тихомиров Ю.А. Публичное право. –М.: «Юнити», 1995. – С. 305.

⁷³ Там же.

различия. Например, в тех государствах мусульманского мира, в которых идеология – исламский фундаментализм, право либо основывается на шариате, либо сводится к шариату, в то время как христианские страны имеют светские (гражданские), в основном – демократические законодательства.

Даже различия ведущих форм экономики и собственности могут оказать влияние на правовую систему, например, на форму правления, на политические режимы, которые в каждом из этих государств исторически возникли.

К поставленной выше проблеме можно подойти и с другой стороны. Можно задать следующий вопрос: если одно государство монархическое по форме своего правления, а другое – республика, и в первом из них государственная власть сосредоточена в руках монарха (царя, короля и т.п.), а в другом – в руках президента республики, и если оба – правители названных государств, то одинаковым ли суверенитетом они пользуются?

Ясно, что как объем реальной власти, так и возможности принятия разнообразных решений у этих двух субъектов власти различны, следовательно, и суверенитет у них неодинаковый. В монархическом государстве по приказу правителя человека могут казнить за совершение определенного преступления, причем без следствия и суда, в то время как в республике его делом должны заниматься следственные органы и суд, причем по причине разделения властей президент не имеет права вмешиваться в судебный процесс, не вправе оказывать влияние на ход следствия и решение суда. Ясно, что в этих двух случаях характер суверенитета государств неизбежно будет иметь различия. Неизбежны также различия отношения народа, граждан страны к субъектам власти, а это означает, что неизбежными будут также различия в легитимности их господства, поскольку народное одобрение субъектов власти и их деятельности – важный аспект и гарантия легитимности. Мы утверждаем, что при различных основах (и истоках) легитимации господства субъектов власти их суверенитет будет иметь существенные различия. Мы имеем в виду, в частности, следующее: если народ не одобряет деятельность правящих субъектов и хотел бы на их месте видеть других, более достойных людей, то он будет избегать подчинения этим субъектам, может бойкотировать их решения, указания и другие способы воздействия. В этом случае внутригосударственный суверенитет субъектов высшей власти в значительной степени становится фиктивным и иллюзорным.

Такая установка значительной части народа по отношению к правителям может вызвать появление направленных против них политических движений. Если это мощное и массовое политическое движение, то суверенитет правящей элиты может оказаться под вопросом. Правители могут совсем лишиться статуса субъектов государственной власти.

(Убедительный пример – февральские 2014 года события в Украине, в результате которых законно избранный президент В. Янукович потерял власть и нашел убежище в России.)

Итак, в политологии и в области государственного права предстоит создать современные научные представления о суверенитете государства и о явлении суверенитета вообще.

Различия суверенных прав субъектов государственной власти будут наблюдаться даже в различных республиках, если в одной из них форма правления является президентской, а в другой – парламентской. Главные субъекты государственной власти в этих двух подтипах республики будут разными.

Указанные и другие различия в форме правления государством будут отмечать и иметь в виду представители тех государств, с которыми данное государство имеет дипломатические и иные отношения. Сможет ли, например, парламентская республика так же непринужденно взаимодействовать с монархией, как она взаимодействует с другой парламентской республикой? Одинаковыми ли реально будут полномочия их послов, которые аккредитованы в других государствах? Мы считаем, что на основе анализа конкретных исторических и современных фактов можно расширить и развить эту концепцию.

В политологической и юридической литературе признается, что нарушение суверенитета одного государства другим является одной из причин возникновения межгосударственных конфликтов. Так, известный специалист в области государственного права Ю.А. Тихомиров пишет: «Выделим юридические аспекты международных конфликтов, возникающих вследствие острых противоречий между государствами и их союзами. «Запалом» могут послужить несоблюдение договорных обязательств, вторжения на границу, военные нападения, провокации – и стороны конфликта готовы порвать с международными принципами, пактами и договорами, с нормами собственных конституций.

Подрыв государственного суверенитета всегда чреват угрозой общему миру и безопасности, ибо здесь в противоборство вступают государства. Предотвращение и преодоление конфликтов весьма актуальны в наше беспокойное время и требуют серьезных усилий как государств, вовлеченных в конфликт, так и международных организаций – типа ООН, ОБСЕ, Содружество Независимых Государств»⁷⁴.

Убедительным примером может служить поведение руководства Азербайджана в отношении Армении и НКР: многочисленные нарушения границ этих суверенных государств, посылка диверсионных групп, делающих попытку проникнуть на территорию армянских государств, убийство военных и мирных жителей – обычная практика этого искусственно созданного на чужих территориях «государства», руководители которого не уважают суверенитет двух армянских государств. И получают отпор. Более того, азербайджанское руководство открыто предъявляет наглые территориальные претензии – вплоть до утверждения, что армянский народ не имеет права иметь свое государство. К сожалению, реакции международных органов, призванных установить мир и справедливость, либо неадекватны, либо просто отсутствуют. Европа и Америка, да и ООН тоже, не считают возможным уважать собственные декларируемые принципы.

Нарушение суверенитета государств является наиболее конфликтогенным фактором по той причине, что суверенность, как было показано выше, является самой характерной чертой государства, его ядерной, ведущей чертой. Именно поэтому его нарушение вызывает наиболее острые отрицательные реакции как у руководителей, так и у народа того государства, которое становится объектом такого нарушения.

Нарушение суверенитета одного государства другим государством может принимать различные формы. Это и незаконные претензии на его территорию, и военное вторжение (провоцирование войны), и захват его собственности, где бы она ни находилась и т. д. Еще более наглым способом нарушения суверенитета одного государства со стороны другого является внезапное нападение в нарушение ранее заключенных мирных договоров. Из истории XX века достаточно вспомнить о нападении гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 года.

⁷⁴Там же. С. 261-262.

Вполне понятно, что дипломатические службы государств, разведка, должны заранее знать о таких намерениях нарушения суверенитета своего государства и своевременно сообщать руководству необходимую информацию, которая должна стать основой для принятия адекватных решений.

Принцип суверенитета государств, как один из ведущих принципов международного права, имеет все те особенности, которыми обладают принципы международного права, причем в значительно большей степени.

Об особенностях этих принципов, как норм особого рода, очень четко написано Ю. А. Тихомировым: «... современное международное право включает **систему норм особого рода – основных принципов**. Они обладают высшей, императивной юридической силой, идет ли речь о принципах как общих нормах права либо о принципах и делах. В документах ООН термин «принцип» применяется в разном значении: а) как правовой или неправовой принцип; б) как норма более высокого порядка; в) как норма, порождающая конкретные правила; г) как цель, которую необходимо достичь; д) как руководящее начало толкования»⁷⁵.

Конкретизируя сказанное в отношении принципа суверенитета, можно утверждать, что в документах ООН, а также некоторых других международных организаций, принцип суверенитета государств применяется в следующих значениях:

- а) как правовой принцип;
- б) как норма высокого порядка по сравнению со многими другими нормами международного и национальных прав;
- в) как норма, порождающая не только конкретные правила, но также, как мы уже показали на предыдущих страницах, новые, вторичные принципы (а именно – принципа взаимного уважения государств; принципа суверенного равенства государств; принципа невмешательства в дела друг друга);
- г) как цель, например, в ходе международных переговоров государств и их коалиций, которую следует достичь;
- д) нет также сомнения, что принцип суверенитета является руководящим началом толкования.

⁷⁵ Там же. С. 268; см. также: Курс международного права. Том 2. Основные принципы международного права. – М., 1989. – С. 5-11.

Нет сомнения и в том, что соблюдение принципа суверенитета способствует устойчивости международных отношений и мирового сообщества. Это универсальный принцип по сфере своего применения, по своим субъектам и по тем государственным отношениям, к которым применяется. Данный принцип, как и вытекающие из него вторичные принципы, имеют широкое применение и оказывают влияние на многие сферы как внутригосударственной, так и международной жизни. Эти действия, как уже известно из международного права, бывают как непосредственными, так и опосредованными.

Одним из важных аспектов проблемы государственного и других видов суверенитета – это проблема его защиты: как и какими средствами государства защищают свой суверенитет.

Можно рассмотреть две группы средств, с помощью которых государство защищает свой суверенитет. Это: 1) внутренние средства; 2) средства, которые предоставляются теми международными организациями, членом которых данное государство является.

Суверенные государства вынуждены защищаться как от внутренних политических противников и агентов влияния внешних сил, которые являются гражданами данного государства, так и, особенно, от посягательств внешних сил. Для успешного осуществления такой защиты государство владеет целым рядом прав, которые закреплены в законах, т. е. в виде полномочий. Из таких полномочий в первую очередь следует отметить нижеследующие:

1) Введение в стране чрезвычайного положения (например, в условиях бунтов и революций, возможных или уже имеющих место нападений на граждан и на государственные учреждения, и других агрессивных действий противников режима);

2) Введение военного положения (при внешней военной угрозе или в условиях уже начавшейся войны);

3) В РФ принят закон «О безопасности», которым государственным органам предоставляются те способы и средства, с помощью которых государство (в лице президента, премьера и других субъектов власти) вправе использовать армию, полицию и внутренние войска, силы внешней и внутренней разведки с целью защиты государственного суверенитета;

4) В РФ принят также закон «Об обороне», в ст.10 которого определена роль вооруженных сил в деле отражения нападения противника и нанесения ему поражения.

5) В Конституции РА, а также в конституциях других государств, предусмотрены меры по защите суверенитета государства.

Мы полагаем, что предусмотренные государством средства и методы защиты суверенитета – важный аспект концепции государственного суверенитета⁷⁶.

Для правильного понимания тех вопросов, которые исследуются во второй части настоящего труда, уже здесь следует отметить, что дипломатическая деятельность государства и его соответствующих органов является одним из главных механизмов защиты государственного суверенитета. Особенно острым вопрос защиты суверенитета становится в условиях т.н. глобализации, обстоятельство, которое в настоящее время специально исследуется политологами⁷⁷.

Проблема защиты суверенитета государства отражена в конституциях государств. Этой проблеме посвящена ст.82 Конституции Российской Федерации, а также ст. 8.2 Конституции РА.

⁷⁶ Проблема защиты суверенитета хорошо разъясняется в целом ряде политологических и юридических публикаций. См., например: Тихомиров Ю.А. Публичное право. –М.: «БЕК», 1995. Гл.5.– С. 175-177 и др.; вопрос о том, каким образом международное сотрудничество является средством защиты суверенитета государства, рассматривается на странице 177 упомянутого труда Ю.А.Тихомирова. См. также: Международное право. –М., 1987; Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. Москва: «Академический проект», «Культура», 2005, 1056 с.; Хэйвуд Э. Политология. Второе издание. –М.: «Юнити», 2005, 544 с.; Политическая социология. – Ростов-на-Дону. Изд-во «Феникс», 1997, 640 с. и др.

⁷⁷ См.: Хэйвуд Э. Политология. Часть 2.

Глава 3. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

§3.1. Дипломатическая служба и легитимация власти дипломата

Один из самых известных специалистов в области дипломатии, который также является автором нескольких книг, посвященных сущности, истории развития и современному состоянию дипломатии, выделил несколько значений этого слова, тех значений, в которых оно употребляется в повседневной речи. Он писал: «В разговорном языке слово «дипломатия» употребляется для обозначения ряда совершенно различных вещей. Иногда оно употребляется как синоним внешней политики, когда, например, говорят: «Британская дипломатия на Ближнем Востоке недостаточно тверда». В других случаях оно обозначает переговоры, например: «Вопрос мог бы быть решен дипломатией». Это слово также служит для названия процедуры и аппарата, при помощи которых ведутся переговоры. Оно употребляется и для обозначения заграничной части ведомства иностранных дел. В этом смысле говорят: «Мой племянник работает в дипломатии». Наконец, это несчастное слово обозначает особую способность, проявляющуюся в ловкости в хорошем смысле при ведении международных переговоров, а в плохом смысле – в коварстве в подобных делах»⁷⁸.

Мы полагаем, что такое разногласие возникает вследствие того, что дипломатия не рассматривается в качестве **специального вида человеческой деятельности или социальной роли**. Имея в виду сложность и разнообразие деятельности дипломатов, мы бы назвали ее **комплексом целого ряда ролей**. Рассмотрим по пунктам отмеченные Г. Никольсоном значения слова «дипломатия».

Является ли дипломатия синонимом внешней политики? Ответ, конечно, может быть только отрицательным. Мы думаем, что правильное решение этой задачи следующее: дипломатия – одно из главных средств осуществления внешней политики государства. Внешняя политика осуществляется руководителями страны с помощью целого ряда институтов (учреждений). Некоторые из них являются дипломатическими учреждениями, в которых работают профессиональные дипломаты. Речь, в первую очередь, идет о

⁷⁸ Никольсон Г. Дипломатия. Государственное издательство политической литературы. –М., 1941.– С. 19.

посольствах и консульствах, но значительную роль играют работающие в международных организациях дипломаты, специальные посланники и другие, которые также являются дипломатами, хотя бы в течение того срока времени, в котором осуществляют свою миссию.

Можно ли дипломатию отождествить с переговорами? И в этом случае ответ должен быть отрицательным. Переговоры, безусловно, важнейший вид деятельности дипломатов, может быть, это главная роль в комплексной деятельности дипломата, например посла. Но деятельность дипломата нельзя полностью свести к организации и проведению переговоров с представителями иностранных государств. Бывает, конечно, что глава государства или министр иностранных дел назначает одного из дипломатов только для ведения переговоров с определенными партнерами и по одной теме. Но для деятельности послов это нехарактерно.

Можно ли всю дипломатию свести к заграничной части деятельности МИД? Нет, поскольку МИД осуществляет более широкие функции, хотя заграничная часть его функций, по-видимому, самая главная.

Дипломатия как особая способность человека, как хитрость и изворотливость, ловкость в ведении переговоров, коварство, проявляемое в подобной деятельности – это уже такое понимание дипломатии, которое касается личных качеств, способностей и поведения дипломата в ходе взаимодействия с партнерами и противниками. В этом смысле об одном человеке говорят: «Он настоящий дипломат», в то время как другого характеризуют отрицательно: «Он совсем не дипломат». Следует иметь в виду, что перечисленные и другие личностные качества и приемы поведения могут использоваться не только в сфере профессиональной дипломатии, но и в других сферах человеческой деятельности, например, в бизнесе, в военном деле и т. д.

Перед нами различные аспекты народного, непрофессионального понимания дипломатии и роли дипломатов в политической деятельности государств. Поэтому требуется предложить профессиональное определение дипломатии вообще, а также ролей различных дипломатов, и приступить к их более глубокому исследованию на основе достижений современных социальных наук.

Ф. Кальер, которого считают одним из основателей современной дипломатии, считал, что дипломатия – это в первую очередь искусство ведения переговоров, которое может увенчаться успехом в том случае, когда переговорщик обладает такими качествами, как

проницательность, гибкость, обширные знания и справедливость. Тот, кто стремится взять на себя обязанности переговорщика лишь исходя из тщеславия и жадности, не может успешно отстаивать интересы своей страны, поэтому непригоден для такой работы⁷⁹. Переговоры и заключение справедливых договоров – таковыми должны быть цели работы послов, считал это многоопытный дипломат.

В упомянутой выше книге Г. Никольсон предлагает использовать то определение дипломатии, которое дано в Оксфордском словаре английского языка. Вот оно: «Дипломатия – это ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата»⁸⁰.

Мы считаем, что дальнейшее исследование дипломатии можно начать с этого определения, которое, кстати, принимается многими авторами и в целом правильно отражает разные аспекты этой сферы человеческой деятельности.

Для достижения поставленной цели целесообразно остановиться на следующих основополагающих этапах:

1) Византийская дипломатия. – Г. Никольсон пишет: «Когда в последние века империи значение политики силы пало, в Византии возродился наименее созидательный вид дипломатии. Дипломатия стала скорее стимулировать, чем сдерживать человеческую жадность и глупость. Кооперация уступила место разделению, единство – распаду, разум – хитрости, принципы морали – ловкости. Византийские взгляды на дипломатию были заимствованы Венецией и отсюда распространились по всему Апеннинскому полуострову. Дипломатия средних веков имела, главным образом, итальянский, точнее византийский привкус. Этому наследию она обязана той плохой славой, которой она пользуется в современной Европе»⁸¹.

Конечно, хотелось бы знать, по какой причине имели место эти замены ценностей. Но это требует специального исторического исследования. Кстати, о характере византийской дипломатии много полезных сведений можно получить из исторических трудов и первоисточников⁸².

⁷⁹ См.: Кальер Ф. Каким образом договариваться с государями. Издательство «МИА». –М., 2001. – С. 4-5.

⁸⁰ Никольсон Г.Н. Указ. соч., С. 20.

⁸¹ Там же. С. 35.

⁸² См.: История Византии. В трех томах. / Отв. ред. академик С.Д. Сказкин. –М.: Изд-во «Наука», 1967.

Критикуя византийскую и итальянскую дипломатию, наследницей которых является современная европейская дипломатия, Г. Никольсон отмечает, что европейская дипломатия не сумела избавиться от этого дискредитирующего наследия. И европейская дипломатия, как и византийская, была основана на антиценностях. Еще раз процитируем Никольсона: «Нужно признать, что уровень европейской дипломатии, когда она впервые оформилась как отдельная профессия, был невысок. Дипломаты XVI и XVII веков часто давали повод к подозрениям, от которых несправедливо страдают их наследники. Они давали взятки придворным, подстрекали к восстаниям и финансировали восстания, поощряли оппозиционные партии, вмешивались самым пагубным образом во внутренние дела стран, в которых они были аккредитованы, они лгали, шпионили, крали.

Посол той эпохи считал себя «почетным шпионом». Он был глубоко уверен, что частная мораль – нечто отличное от общественной морали. Многие из них воображали, что официальная ложь имеет мало общего с ложью отдельного лица. Они не считали, что бесполезно и недостойно честного и уважаемого человека вводить в заблуждение иностранные правительства преднамеренным искажением фактов»⁸³.

2) Характерные черты современной европейской дипломатии. – Уже известный нам английский дипломат и теоретик дипломатии Г. Никольсон предложил адекватную характеристику современной европейской дипломатии. Его оценки, данные еще в 30-е годы XX века, полностью сохраняют свою ценность и в наши дни⁸⁴.

а) Никольсон считает, что свои основные черты европейская дипломатия переняла от византийской дипломатии, которая, что еще хуже (это Никольсон считал несчастьем), проникла в Европу через средневековые итальянские города. Европа, по мнению Никольсона, переняла все пороки византийско-итальянской дипломатии; причем создается впечатление, будто этих пороков в Европе совсем не было (что, конечно, невероятно).

Тот факт, что европейские дипломаты полностью переняли эти пороки, причем добровольно, означает одно: они были психологически к этому готовы. Иного объяснения или оправдания нет, ведь эти взрослые и как будто зрелые люди не сумели создать у себя более честную и гуманистическую дипломатию и, как неразумные подростки, освоили все

⁸³ Там же.

⁸⁴ См.: Никольсон Г.Н. Дипломатия. –М.: 1941.– С. 35 – 36.

пороки византийско-итальянской дипломатии. Оправдывать их – значит признать, что как личности эти люди не отличались социально-психологической зрелостью.

Вот что, по свидетельству Никольсона, писал посол сэр Генри Уоттон. Этот дипломат высказал мнение, что «посол – это честный человек, которого посылали за границу лгать для блага своей родины»⁸⁵. И зря сейчас пытаются оправдать этого человека, утверждая, что он написал эти слова в своем дневнике в шутку. Нередко именно шутки выражают истинную мысль, убеждение человека.

Европейская, в том числе английская дипломатия – это циничная дипломатия. Причем этот цинизм выражается многообразно. Именно эту особенность следует в первую очередь выбрать в качестве предмета изучения тем, кто желает исследовать современную европейскую политику, политологию и деятельность дипломатов.

Цинизм английской дипломатии в полной мере раскрылся начиная с «момента» официального признания существования армянского вопроса в системе проблем, которыми занималась европейская дипломатия. Примеров такого отношения к народу, который приносил огромные жертвы ради защиты христианских ценностей и своей независимости от варваров, можно найти в сборниках опубликованных документов о геноциде армянского народа в Османской империи⁸⁶.

Европейская дипломатия полностью приняла идеи Н. Макиавелли, в чем дипломаты этой части света сами признаются. Причем они принимали политологические идеи итальянского мыслителя в упрощенном виде, не принимая во внимание его предостережения о возможных пагубных последствиях применения хитрости, обмана и жестокости, грубой силы. Не обращали внимания на то, какое важное значение придавал Макиавелли закону и сильному правительству⁸⁷.

Он предупреждал о тех опасностях, которые таило в себе слабое правительство. (Судьба президента Украины В. Януковича, который в феврале 2014 года лишился власти и спасся бегством в Россию – яркая демонстрация этих истин.)

⁸⁵ Там же. С. 35-36.

⁸⁶ См.: Геноцид армян в Османской империи. / Под ред. академика М. Нерсесяна. Второе изд., Ер., 1982; данная проблема подробно освещена в следующей монографии: Налчаджян А.А. Этническая виктимология и психоистория этноцида. –Ер., 2011.

⁸⁷ См.: Макиавелли Н. Избранные произведения. –Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.

Вопрос о том, что такое дипломатия, а также анализ предложенных в литературе пониманий этого вида человеческой деятельности, можно найти в книге известного российского дипломата и автора нескольких книг В.И. Попова⁸⁸.

Признавая, что без господства силы не бывает моральной дипломатии (во всяком случае, до сих пор было именно так), Г. Никольсон, тем не менее, утверждал, что пусть медленно, с отступлениями, но все же дипломатия в истории народов становится все более моральной. Он приводит примеры из истории Древней Греции и Римской империи, обратив внимание на то, что в те периоды истории, когда в этих странах не было преобладающего центра силы, не было также моральной дипломатии.

а) Во время войны против Персии (Ахеменидского царства) греческие государства и весь народ объединились и одержали победу, причем их дипломатия приобрела такие черты, как честность и учет общих интересов. Но после победы греческие города-государства разъединились, а дипломатия стала принимать подлый, хитрый, коварный характер. Эти города-государства агрессивно соперничали между собой, борясь за власть и влияние и, конечно, во имя материальных интересов.

б) Когда Римская империя была сильна, она умела заставлять покоренные народы уважать закон, порядок и заключенные договоры. Но после распада империи дипломатия превратилась в такую, какой она была в Византии и в итальянских городах-государствах. В ней преобладали хитрость, обман, наглость, враждебность и другие пороки.

Но есть ли реальный моральный прогресс в политике вообще, в дипломатии – в частности? С учетом политических событий XX и XXI веков ответ должен быть отрицательным. Кровавые войны, геноциды, стремление определенных государств добиться мирового господства, моральное разложение западной цивилизации, двуличие дипломатов и многих глав государств, коррупция и т. д. – все это и другие пороки свидетельствуют о том, что нет подлинного морального прогресса. Человек и народы в этом отношении за два с лишним тысячелетия мало изменились. Более того, специалисты считают, что человечество стало более агрессивным⁸⁹.

Именно поэтому такой опытный дипломат, каким был Г. Никольсон, утверждал, что дипломатия прогрессировала не благодаря развитию морали человечества, а благодаря праву

⁸⁸ См.: Попов В.И. Современная дипломатия. Теория и практика. –М.: «Международные отношения», 2004.Гл.1.

⁸⁹ См. Современные исследования по проблеме агрессии: труды К. Лоренцо, Л. Берковица, Р. Бэрона и многих других.

и торговле. Иначе говоря, признается, что люди – особенно политики, торговцы, дипломаты и другие – ведут себя более или менее морально (справедливо, уважительно и т. д.) вынужденно, под влиянием права, законов и угрозы наказания, либо исходя из своих эгоистических интересов. Это верно сказано, особенно относительно торговцев.

Считается, что в новой дипломатии сочетаются наука и искусство (Г. Никольсон, В. И. Попов и др.). Но для выявления соотношения этих двух аспектов или блоков дипломатии необходимо выяснить, о какой науке идет речь, и что в этой сфере человеческой деятельности имеют в виду, когда говорят об искусстве.

Речь, в первую очередь, идет о **политологическом анализе** политических событий и поступающей к дипломатам информации. Идет спор также о том, где должна быть проделана такая работа – в посольствах, в МИД или в специальных научных центрах политологического профиля.

Какова роль посольств в научном анализе ситуаций? Как считает В. И. Попов, в посольстве необходимо осуществлять научный анализ ситуации в стране пребывания и прогнозировать возможные события. Прогнозы относительно будущего и построение **превентивной дипломатии** считается важным аспектом научной работы политологов и МИД. На основе глубоких научных анализов и точных прогнозов необходимо создать стратегию политической деятельности на ближайшее и далекое будущее. На основе выработанных на такой научной базе рекомендаций правительства могут принимать более правильные решения, чем в том случае, если бы таковых не было.

Для дальнейшего более глубокого изучения роли науки в дипломатии и создания ее научной теории следует выяснить: 1) какие из существующих наук имеют наибольшее значение для развития теории дипломатии; 2) какова роль современной психологии в этой области научной работы; 3) с помощью каких методов следует осуществлять научные исследования в области науки о дипломатии. Об одном научном методе можно уже сейчас сказать: это наблюдение и анализ той информации, которая представляет интерес для дипломатических служб данного государства.

Что касается тех наук, достижения которых можно уже сегодня плодотворно использовать в области дипломатии, упомянем следующие: социальная психология и

психология личности; этнопсихология и этнология, лингвистика и психолингвистика, психологии языка и речи и др.

В данном контексте возникает вопрос: являются ли политика и дипломатия совершенно разными сферами деятельности.

Мы полагаем, что данную проблему следует решать следующим образом:

а) Политика – это деятельность, в процессе которой субъект власти принимает решения и осуществляет их, используя свою власть над другими людьми. Причем политика, как известно, бывает как внутренней, так и внешней, либо одновременно внутренне-внешней. Эти две сферы политики теснейшим образом взаимосвязаны, хотя и не идентичны, что очевидно.

б) Дипломатия государства – это его внешняя деятельность, осуществляемая особой категорией политических деятелей – дипломатами. Дипломаты осуществляют внешнюю политику государства. Но в какой мере их деятельность является политической в том смысле, как она была охарактеризована выше?

в) Наша точка зрения следующая: чем больше власти и самостоятельности у дипломата, чем больше полномочий и независимости («свободы для...»), тем в большей степени его деятельность является политической. Чем более политической является деятельность дипломатов и остальных деятелей других стран, с которыми взаимодействует дипломат (например – посол), тем более политической должна быть его деятельность для того, чтобы он мог решать встающие перед ним задачи.

г) Когда у дипломата мало власти и самостоятельности, когда они близки к нулевому уровню, его деятельность превращается в активность обычного бюрократа, лишённого права принимать самостоятельные решения, выдвигать новые проблемы и пути их решения. Советская дипломатия страдала этим недостатком, в чем признавались даже первые лица государства. Например, В.М. Молотов, сам глава МИД, дипломат, признался, что у СССР – централизованная дипломатия, и ее осуществляет Политбюро, как и внутреннюю политику страны⁹⁰.

Возникает проблема: начиная с какого уровня использования власти, с какого объема полученной, делегированной вышестоящими инстанциями власти дипломатия перестает

⁹⁰ См.: Попов В.И. Современная дипломатия. –М., 2-е изд., 2002. Гл. 2.

быть «чистой дипломатией» (в смысле исключительно точной и педантичной деятельности по реализации поручений начальства)? Мы полагаем, что это происходит, когда в деятельности субъекта отсутствуют дипломатические приемы и способы деятельности, когда переговоры начинают занимать незначительное место в его деятельности, когда использование силового давления становится преобладающим, когда переговорщик ссылается на мощь государства, на угрозы, а не на разумные аргументы, которые могли бы убедить партнера и привести к взаимному согласию.

Какой объем власти является оптимальным для эффективной деятельности дипломата? Выдвинута и решена ли эта проблема оптимального уровня и объема властных полномочий дипломата, в первую очередь – посла? Мы полагаем, что эта проблема все еще требует исследования, но с учетом того, что при различных политических режимах государства объем полномочий послов может быть различным.

Чувствовали ли политические деятели, движимые одновременно исследовательскими интересами, что может иметь место также процесс превращения дипломата в политического деятеля, а дипломатии – в политику, а в более общем виде – проблема соотношения политики и дипломатии? Изучение трудов известных дипломатов, являющихся авторами научных трудов и учебников дипломатии, позволяет прийти к выводу, что они чувствовали и даже осознавали существование такой проблемы, но не проводили ее специального и углубленного исследования. Не были созданы концепции о специфике политики в деятельности дипломатов. В доказательство этого утверждения можно привести следующий отрывок из упомянутого труда В.И. Попова. Приводя факты, свидетельствующие о том, что в XX веке государств стало много, около 200 вместо 50 в начале XX века, этот автор пишет: «Международные связи значительно расширились, теперь для решения той или другой международной проблемы нужно участие большинства или всех государств мира. Приведение различных точек зрения к единому знаменателю стало значительно более трудным и длительным процессом. Более того, ввиду сложности и важности проблем их разрешение обычно проходит на нескольких уровнях – экспертном, министерском, высоком и самом высоком. В качестве примера такого рода современных переговоров приводятся хельсинкский процесс, конференции по ограничению вооружений и разоружению, конференции по Боснии, Герцеговине, встречи большой «восьмерки», деятельность ООН и

других международных организаций. И, казалось, сомнения в необходимости и пользе такой дипломатии необоснованны. Однако существуют и критики этого вида переговорного процесса. К чему она сводится? Возражения против этого вида дипломатии идут, скорее, не по линии необходимости диалога как такового, а по технике его исполнения. Критики этого вида дипломатии справедливо отмечают, что такие переговоры, когда одновременно собирается несколько или много участников, - это больше не дипломатия, а политика, но дипломатия включает в себя и политику. Именно руководители стран могут решать сложнейшие вопросы, так как им, а не дипломатическим чиновникам позволительно выносить окончательный вердикт»⁹¹.

Итак, проблема «ощущается», но не подвергается систематическому исследованию. А ведь имея научную концепцию о явлении «превращения дипломатии в политику» в современных государствах и в межгосударственных отношениях, можно было бы еще более обоснованно и четко определить границы полномочий МИД, послов и других дипломатов, например, представителя страны в ООН, других переговорщиков.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что каждый посол, как представитель высшей власти своего государства, наделяется определенными полномочиями. В отношениях со своими вышестоящими должностными лицами (министр, правительство, глава государства) он является их подчиненным.

Но когда он оказывается в другом государстве и, приступая к исполнению своих функций, встречается с должностными лицами этого государства, каков его статус? Он ведь для них не является ни начальником, ни подчиненным. Но эти должностные лица, например, министр иностранных дел, обладают собственной властью, которую получили от совсем других источников. Каково специфическое взаимодействие посла и чиновников страны его аккредитации? В чем специфика их взаимодействия, если у них независимые источники власти и независимые ее формы? Возникает ли в этих взаимоотношениях субординация по статусам (т.е. по объему власти и престижу) или они взаимодействуют как равные партнеры по переговорам?

Когда и в какой мере субъекты власти принимающей страны вправе применить к послу другого государства или другим его деятелям различные санкции – как

⁹¹ Попов В. И. Современная дипломатия. Теория и практика. –М.: 2-е издание, 2004. – С. 93-94.

отрицательные, так и положительные? В какой мере эти санкции и причины их применения определяются различными нормами и уставами?

Мы полагаем, что круг этих вопросов требует исследования. Дипломатический иммунитет создан именно для того, чтобы посол или другой дипломат не воспринимались в другом государстве в качестве подданных их чиновников. Одно дело – уважение местных законов и обычаев, другое – подчинение в качестве «звена» какой-либо системы или организации.

Одним из важных и почти неисследованных вопросов этой сферы является вопрос о том, каковы различия в форме и объеме властных полномочий послов тех государств, у которых различные политические режимы (авторитарный, демократический, либерально-демократический, монархический, республиканский и т. д.), разные стили лидерства и руководства.

Если посол является представителем авторитарного, а тем более тоталитарного государства, он должен не только строго придерживаться установленных правил поведения, но и быть защитником официальной идеологии своего государства. Из истории тоталитарных государств известно, что печальной была судьба тех послов этих государств, которых подозревали в недостаточной преданности идеологии государства: их отстраняли от занимаемых должностей, подвергали гонениям или просто уничтожали.

Посол, конечно, имеет суверенную власть над своими непосредственными сотрудниками (аппаратом).

Конкретизируя, можно задать следующие вопросы: чем отличались послы СССР от послов других стран (например – послов западных демократических государств) как личности и по особенностям той власти, которая им была дана властителями их государства? Отличались ли они по уровню и характеру своего конформизма, уступчивости по отношению к вышестоящему начальству? А также по уровню тревоги и страха перед вышестоящими, а отсюда – по тем психологическим защитным механизмам, которые ими выбирались для психологической самозащиты? Отличались ли они по уровню и содержанию профессиональной подготовки? Известно ведь, что новые государства нередко назначают послов из числа неподготовленных людей, главным образом по партийной принадлежности и с учетом преданности.

Ответы на эти вопросы помогут нам составить более или менее полное представление о содержании труда дипломатов, о тех проблемах, которые возникают перед ними в процессе выполнения их ответственных задач.

Рассмотрим более подробно виды власти послов:

1) Делегирование власти со стороны вышестоящих властных инстанций. – В связи с этим вопросом предстоит раскрыть содержание делегированной власти путем анализа тех законов и правил, которыми определяется поведение посла во время работы в другом государстве. Эта делегированная власть главным образом конкретизируется в верительных грамотах посла. Именно они – главный документ, содержащий полномочия дипломата данного ранга.

2) Авторитет и власть дипломата. – Авторитет посла, если он высок, добавляет влияния личности дипломата. Поэтому следует с самого начала создать авторитет для назначаемого на такой пост дипломата, представить его с описанием его лучших качеств и предыдущих достижений.

3) Полная реальная власть дипломата состоит из двух основных компонентов:

$$(ПРВ) = (ДВ) + (АВ)$$

где ДВ – делегированная вышестоящими инстанциями (главой государства, министром иностранных дел) власть; АВ – та дополнительная власть или влияние, которая у дипломата возникает на основе его авторитета (власть авторитета).

Вполне понятно, что если у дипломата нулевой личный авторитет, тогда $АВ = 0$; если $А = -Х$, тогда его реальная власть $(ПРВ) = (ДВ) - (АВ)$.

Иначе говоря, отрицательный авторитет, дискредитированность личности посла уменьшают его реальную власть и влияние, что становится препятствием на пути его успешной деятельности. Если, например, посол занимается, помимо своей основной деятельности, еще и такой, которой ему запрещается заниматься в период работы на этой должности (например, бизнесом), то он может потерять свой авторитет и стать менее влиятельным деятелем.

Авторитет дипломата страдает и в том случае, когда посол превышает ту власть, которая ему делегирована вышестоящими инстанциями его государства. Превышение полномочий, например, в виде заключения договоров с местными деятелями без

соответствующих санкций руководителей, без их согласия, также является дискредитирующим фактором.

4) Посол является чиновником (должностным лицом) своего государства, его должность не выборная. Он назначается на эту должность приказом вышестоящего – обстоятельство, которое значительно ограничивает сферу его возможной активности, применения им власти. Если он в своей деятельности допускал серьезные нарушения тех приказов и инструкций, которыми ему следует руководствоваться в своей работе, его могут освободить от занимаемой должности.

В данном контексте необходимо рассмотреть соотношение государства и легитимация дипломатов:

1) В политологии принято, и это соответствует реальности политической жизни, что государство является инструментом легитимации. Это, в первую очередь, означает, что решения государства воспринимаются членами общества, как правило, в качестве законных (легитимных). Следовательно, они являются обязательными для исполнения. Предполагается, что они приемлемы для общества, являются для него благом, поскольку государство выражает постоянные интересы общества⁹².

2) Но мы считаем, что есть и другой, не менее важный аспект функции легитимации государства: она играет важную роль в легитимации тех прав и полномочий, которые делегируются должностным лицам государства, в том числе работникам дипломатической службы. Например, легитимация прав послов играет важную роль в их деятельности, поскольку свидетельствует о том, что они являются законными представителями своих государств. Для легитимации полномочий дипломатов используются соответствующие документы.

§3.2. Посол как представитель государственных и национальных интересов

В каждой области человеческой деятельности встречается много дилетантов (любителей) и относительно мало профессионалов. Это полностью относится также к сфере дипломатии. Почти каждый день мы узнаем, что тот или иной политик или экономист,

⁹² См., например: Хейвуд Э. Политология. –М.: «Юнити», 2005. –С. 108-109.

который не работал в области дипломатии и не прошел соответствующую школу, назначается послом в той или иной стране. Нередко такие назначения обусловлены либо партийной принадлежностью деятеля, либо близкими отношениями с первыми должностными лицами государства.

Эта проблема заботит не только общественность и политических руководителей государств, но в еще большей степени – профессиональных дипломатов. Интересные мысли об этой проблеме высказал такой профессионал и исследователь сферы дипломатии, как Г. Никольсон, с взглядами которого мы уже знакомы в связи с обсуждением в настоящей книге целого ряда проблем политологии и дипломатии. Этот автор отмечает, что в течение долгих лет службы в качестве дипломата человек узнает многих дипломатов не только своей, но и других стран. Возникает общее корпоративное чувство, и каждый знает, каковы навыки и характер другого. Он считает, что когда дипломаты разных стран часто общаются друг с другом в течение многих лет, они хорошо знают положительные качества друг друга, кому можно доверять, и кому – нет. Когда же в области международной дипломатии появляется много новых лиц, особенно непрофессионалов, взаимное знание бывает поверхностным. Затем Г. Никольсон продолжает: «Это еще не все. Как и в других профессиях, в дипломатии в конечном итоге человека ценят не за внешний блеск, а за его честность. Профессиональный дипломат, как и все другие люди, хочет, чтобы люди, которых он уважает, считали его честным человеком. Одним из преимуществ профессиональной дипломатии при прежней системе было то, что она вырабатывала признававшуюся всей корпорацией оценку характера. Существовала своего рода биржа репутаций дипломатов. Было известно, что нельзя полностью доверять таким людям, как Бюлов, Эренталь, Извольский, а Бетман-Гольвег, оба Камбона и Столыпин заслуживают доверия. С исчезновением профессиональных дипломатов исчезнет также возможность определить точно характер лиц, занимающих дипломатические посты. Не думаю, что это принесет пользу делу международных переговоров»⁹³.

Вкратце рассмотрим суждения этого автора о дилетантизме в дипломатии, при этом имея в виду, что его наблюдения и выводы представляют интерес не только для дипломатов, но также для специалистов, работающих в других областях деятельности. Они представляют

⁹³Никольсон Г. Н. Дипломатия, М., 1941. – С. 53.

интерес и для психологии, поскольку и в этой области проблема дилетантизма и профессионализма стоит достаточно остро.

Дилетант в дипломатии отличается следующими особенностями: у него имеется недостаток знаний и опыта; дипломат-дилетант из-за своего тщеславия и по причине относительно краткого пребывания на дипломатической должности, имеет тенденцию гоняться за быстрым успехом; он подозрителен из-за недоверия к собственным силам. «Он слишком усерден, склонен к «блестящим» идеям, не приобрел еще человеческой терпимости и снисходительного скептицизма, которые вырабатываются в результате продолжительной дипломатической службы, и часто подвергается влиянию убеждений, симпатий и даже случайных импульсов. Дилетант-любитель с понятным презрением относится к дипломатическим формальностям и с нетерпением взирает на эти условности; благодаря этому он часто наносит оскорбление там, где хотел только показать добродушие. В своих докладах и сообщениях он иногда стремится не столько толково и точно изобразить факты, сколько показать свою сообразительность и литературные таланты»⁹⁴.

Профессионал в дипломатии должен быть носителем целого ряда положительных черт. Хотя этот вопрос в трудах Э. Камбона, Г. Никольсона и других авторов, как ни удивительно, рассматривается эпизодически и бедно, все же можно извлечь из их трудов полезную информацию о мастерстве в дипломатии. С этого можно начать создание профессионального портрета дипломата нашего времени. Такой профессионал должен иметь, в первую очередь, глубокие знания и большой опыт работы в данной сфере; чувство принадлежности к особой корпорации профессионалов; честность в той степени, которая доступна в этой области. Профессиональный дипломат, изучая страну, в которой аккредитован, обращает особое внимание на психологию ее народа. Он избегает делать обобщения на основе разрозненных наблюдений и фактов. Профессионал всячески старается не поддаваться чувствам, не быть субъективным. (Например, если в стране пребывания некто его случайно оскорбляет, он не должен делать вывод, будто вся эта нация состоит их грубых и малокультурных людей.)

Это означает, что на конкретном примере показывается необходимость высокого развития у дипломата способности к самообладанию, к подавлению ситуативных чувств,

⁹⁴Там же. С. 52.

которые почти всегда могут причинить вред тому делу, ради которого он оказался в этой стране. А проблема самообладания, как мы уже показали в первой части настоящего труда – это проблема власти человека над собой. Эту способность сам дипломат должен последовательно развивать у себя в качестве важнейшей стороны своего характера.

От дипломата, согласно авторам из дипломатии, требуются *дисциплинированность* и *твердость характера*. Эти взятые из народной психологии представления также подлежат исследованию на основе современной характерологии.

Г. Никольсон, Ж. Камбон, В. И. Попов и другие выдающиеся дипломаты специально отмечают необходимость для дипломата иметь развитой ум. Мы полагаем, что это верное требование необходимо исследовать на основе новейших достижений психологии познавательных процессов, в первую очередь психологии мышления, воображения и интуиции⁹⁵.

Все авторы, которые в той или иной степени интересовались психологическими аспектами личности дипломата и его деятельности, отмечали необходимость для профессионального дипломата развития сильного характера. Однако, не будучи психологами, они не уточняют и не углубляют основные проблемы, которые подлежат исследованию, если будет создана психология дипломатической деятельности. Необходимо выяснить, какие типы личности больше подходят для этой сферы человеческой активности. Если же говорить об отдельных чертах характера, необходимых дипломату для успешной профессиональной деятельности, то мы уже говорили о честности, высоком уровне самообладания, способности вызвать к себе доверительное отношение людей, особенно переговорщиков других стран. Остро стоит в этой области проблема хитрости и обмана, тем более, что издавна о необходимости или вредности этих качеств высказывались противоречивые мнения. Причем споры идут вокруг т. н. «макиавеллизма».

Представляет важность следующий вопрос: если в одной стране дипломат, в первую очередь посол, работает успешно, то является ли это гарантией того, что он будет успешно работать также в других странах. В общей форме такое утверждение считается правильным, с этим согласны многие авторы, но данная проблема, как правило, во многих публикациях

⁹⁵ См.: Тихомиров О. К. Психология мышления. –М.: Изд-во МГУ, 1984; Налчаджян А.А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания. (Интуиция в процессе научного творчества). –М.: «Мысль», 1972; Солсо Р. Когнитивная психология. –СПб.: «Питер», 2002 и др.

рассматривается поверхностно, описательно. Между тем в современной психологии накоплены богатые сведения о развитии навыков человека и о так называемом процессе **переноса навыков, в том числе познавательных и речевых**, из одной области деятельности в другие области. Поэтому мы считаем, что данные аспекты проблемы личности и деятельности дипломатов имеют перспективы плодотворного исследования, причем результаты таких исследований могут получать непосредственное применение в области подготовки дипломатических кадров. Мы полагаем, что можно говорить не только о переносе навыков, но вполне закономерно утверждать, что из одной области в другую могут переноситься также личность в целом, ее познавательные способности, черты характера, такт и интуиция. Чем ближе по содержанию области этой деятельности, чем больше сходства между теми проблемами, которые в них решают профессионалы, тем с большей легкостью происходят процессы упомянутых видов переноса.

Что касается познавательных (когнитивных) способностей, необходимых дипломатам для успешной работы, то в литературе отмечаются следующие черты: хорошая («цепкая») память, способность легкой вербализации (выражения в речи) воспринятой образной и другой информации (речевой концептуализации чувственного знания), аналитические и синтетические способности ума (и способность выработки представлений для сообщений вышестоящим инстанциям, для отчетов и предложений); развитое воображение; социальная интуиция (социальное «чутье»); независимость ума. Считается, что эти способности и навыки умственной активности дипломаты должны использовать для тщательного исследования документов и литературы, точного и своевременного исполнения инструкций и заданий, полученных от своего министерства. Что касается социальной интуиции и независимости ума, то эти два качества позволяют дипломату понимать намерения других людей, их заботы, сильные и слабые стороны их личности.

Одной из главных познавательных способностей человека, которая особенно нужна дипломатам, является способность учиться всю жизнь, быстро приобретать новые знания, поскольку перед дипломатами очень часто возникают новые проблемы, относящиеся к новым областям деятельности, и без новых знаний они не могут решать эти проблемы. Об этом хорошо сказал английский дипломат Г. Вильсон: «В ходе приемных испытаний члены комиссий в США интересуются скорее мышлением и тщательностью формулировок, чем

знанием факта... Экзаменаторы должны убедиться, что кандидат сумеет сохранить хладнокровие в напряженной обстановке, использовать свои способности в неожиданных ситуациях.

Служба дипломата требует постоянной учебы, поскольку смена постов влечет за собой быстро меняющиеся проблемы... причем учебы, непосредственно применяемой в работе, которой в данный момент занимаешься. Нужно, чтобы он прошел подготовку, обеспечивающую восприятие и понимание новых обычаев и культур, и чтобы он имел неподдельный вкус к учебе»⁹⁶. Эту способность в педагогике называют обучаемостью; перспективный дипломат должен быть в высшей степени обучаемой личностью.

Однако дипломатических должностей несколько, поэтому нельзя утверждать, что к ним следует предъявлять одинаковые требования, касающиеся их интеллектуальной активности. Например, между ролью посла и ролью министра иностранных дел имеются существенные различия. Посол сообщает информацию и делает представления, а министр, сопоставляя эту информацию с информацией, полученной из других источников, выносит синтетические суждения и принимает решения. Для успешного исполнения этих двух ролей необходимо иметь не только одинаковые, но также ряд различных способностей и знаний, различные склонности, необходимо овладеть разными методами работы. От министра требуется также мастерство в проведении в жизнь принятых решений.

В некоторых публикациях предлагается также различать широту ума и расплывчатость ума. Например, Ж. Камбон утверждал (и он был прав), что хороший дипломат должен обладать широтой ума, но тут же добавил, что имеет в виду именно широту, а не расплывчатость ума⁹⁷. К сожалению, он не разъяснил, что имеет в виду под этими понятиями. Отметим, что под широтой ума имеют в виду одновременно как широкую эрудицию человека, так и его способность понимать и решать широкий круг проблем, возникающих в различных областях жизни и деятельности человека. Известно, что работа дипломатов, особенно послов и министров иностранных дел, отличается большим разнообразием, поэтому человек с узким кругозором не может успешно, эффективно выполнять эти роли. Что касается расплывчатости ума, то мы предполагаем, что человек с таким качеством познавательной сферы имеет пусть широкие, но весьма поверхностные

⁹⁶ Цит. по: Сакун О. Ф. Дипломатическое ремесло. – М.: «Международные отношения», 2008.

⁹⁷ См.: Камбон Ж. Дипломат. – Москва, 1946. – С. 15.

знания, и не способен ни четко формулировать проблемы, ни понимать и решать более или менее сложные задачи. Нетрудно видеть, что в будущей психологии дипломатической деятельности эти аспекты интеллектуальной активности дипломатов также необходимо исследовать с должной глубиной и последовательностью.

Каковы границы независимости суждений дипломатов?– Уже было сказано, что от дипломатов требуются строгое соблюдение указаний министра или главы государства, соблюдение дисциплины и лояльности. Но можно ли ему ограничить себя только этим? Ведь он мыслящий человек с воображением, и в его психике могут возникать полезные для государства мысли, намерения, планы действий, процессы целеобразования и т. п. И целесообразно внушить дипломатам, что они должны особенно высоко ценить эти самостоятельные результаты своего мышления и воображения. Но известно также, и на это жаловались многие послы, что такая самостоятельность раздражает многих министров и глав государств, не все терпимо относятся к независимо мыслящим подчиненным и их предложениям.

По этому поводу Ж. Камбон, говоря о том, каким должен быть посол, пишет следующее: посол «следует инструкциям своего правительства, но в то же время информирует его, дает разъяснения, предостерегает, а иногда должен сдерживать его. Независимость суждений не должна, конечно, доходить у него до нарушения дисциплины, но министр, которому такая независимость портит настроение, обнаруживает не больше здравого смысла, чем человек, выкалывающий себе оба глаза перед тем, как пускается в путь. С другой стороны, посол, который не осмеливается быть чем-нибудь, кроме как почтовым ящиком, представляет опасность для своего правительства»⁹⁸.

Еще Франсуа Кальер, а позднее его идейные наследники Г. Никольсон и Ж. Камбон, считали, что настоящий профессиональный дипломат не должен использовать обман в отношениях с другими дипломатами и должностными лицами того государства, где он аккредитован. Фактически профессиональному дипломату предъявляется целая группа моральных требований. Моральная чистота считается этими авторами одной из главных черт дипломата. Такое личностное качество, по их мнению, оказывает самое сильное и благотворное влияние на граждан той страны, где служит дипломат.

⁹⁸Там же.С. 13.

Однако, исследуя это требование, необходимо иметь в виду, что высшие моральные принципы и соответствующее поведение, основанное на доверии, вызывают симпатию только у тех людей, у которых примерно такой же уровень моральной зрелости, поскольку только такие люди могут по достоинству оценить высокую мораль другого человека. Не учитывая это важное социально-психологическое обстоятельство, морально чистый дипломат может стать предметом циничного осмеяния.

Исторических и повседневных примеров этого явления - великое множество. Можно вспомнить, как цинично относились к возвышенным идеям и попыткам оказать помощь армянскому народу в годы геноцида Ататюрк и многие другие представители этого племени. Так же цинично они относились к усилиям установить справедливость, которые прилагал президент США В. Вильсон. Как должен был вести себя дипломат и честный человек с такими циниками? Это серьезная проблема⁹⁹.

Так что говоря о том, что дипломат должен быть честным и морально чистым, нельзя забывать о разных уровнях морального развития народов, индивидуальные различия представителей одной и той же страны, а также о людской неблагодарности, о цинизме и других изъянах личностного развития многих людей. Поскольку в этой сфере много проблем, которые дипломаты только своими силами решать не могут, в дальнейших исследованиях личности профессиональных дипломатов следует использовать целый ряд психологических концепций, но в первую очередь концепций морального развития личности, выдвинутых Жаном Пиаже и Лоуренсом Колбергом¹⁰⁰.

Может ли дипломат, например посол, быть одинаково честным как по отношению к своему правительству, так и к правительству того государства, где он аккредитован? Выражаясь несколько фигурально, может ли быть его поведение двусторонне честным? По-видимому, теоретически это возможно, это идеал, который трудно реализовать практически. Вовсе не редко бывает и так, что дипломаты начинают играть двойную игру, т.е. становятся ненадежными как для своего правительства, так и для правительства принимающей страны. Дипломат может предавать интересы своего государства и даже стать иностранным шпионом.

⁹⁹ См.: Ушаков А. Г. Феномен Ататюрка. –М.: «Центр полиграф», 2002.

¹⁰⁰ Эти концепции в настоящее время являются общепринятыми и излагаются во многих психологических трудах; см.: Крайг Г. Психология развития. –СПб.: «Питер», 2001; Крэйн У. Теории развития. Секреты формирования личности. –СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2002 и др.

Правдивость. - Это еще одно важное качество профессионального дипломата. Согласно Ф. Кальеру, Г. Никольсону и другим авторам, ведя переговоры, дипломат не только должен быть честным. Он должен действовать так, чтобы не оставлять впечатления, будто лжет. «Под правдивостью понимается не только воздержание от сознательной лжи, но самая тщательная забота избегать намека на ложь или сокрытие истины»¹⁰¹. Если же такая ошибка была допущена, ее надо безотлагательно исправить. Это поможет сохранить доверие.

Правдивость – это действительно важное качество. Оно означает, что человек совершает свои действия на основе истины, не измышляет того, чего нет, не ведет себя как хитрец. Есть люди, которым нравится, когда о них думают как о хитрецах и изворотливых людях, которые кого угодно могут обмануть. Такие люди склонны создавать у окружающих впечатление, будто знают такие тайны, которые другим неизвестны. Такие люди не понимают, что хитрость – это низкий уровень развития ума, что честные и правдивые люди не симпатизируют и не доверяют им.

Точность – еще одна добродетель дипломата. – Г. Никольсон считает, что после правдивости второй важной добродетелью дипломата является точность мышления и моральная точность. Для характеристики этого качества используются также синонимы «точность ума» и «добросовестность».

Точность мышления можно строго соблюдать в письменной речи. Устные договоренности ненадежны. В них остаются недоразумения. «Дипломатия – это искусство письменное», - вот один из девизов современной дипломатии. Конечно, письменная форма взаимодействия более надежна, чем устная, она позволяет избежать ошибок, неточностей.

«Профессиональные дипломаты, - писал Никольсон, - как правило, не так подвержены неточности. Посол почти всегда получает инструкции в письменном виде; представления иностранному правительству он делает или при помощи тщательно составленной ноты или в личной беседе, в последнем случае он немедленно по возвращении посылает запись разговора своему правительству»¹⁰². В то же время некоторые неопытные дипломаты в этом деле позволяют себе некоторую неряшливость, что, конечно, непозволительно.

¹⁰¹ Никольсон Г.Н., указ. соч. –С. 70.

¹⁰² Там же. С. 71.

Вполне применимо в современной дипломатии и все то, что Никольсон излагает в следующем отрывке, который мы приводим из его книги «Дипломатия»: «Кроме того, согласно установившемуся обычаю, если посол собирается сделать иностранному правительству важное сообщение, он должен принести с собой краткий конспект или *aide-mémoire* [памятную записку] с изложением того, что он должен передать. Он может прочесть этот меморандум министру и даже оставить его копию. В свою очередь, если посол получает от министра, с которым он ведет переговоры, какое-либо важное устное сообщение, он проявит разумную предосторожность, если покажет министру свою версию разговора, прежде чем официально сообщит ее своему правительству. Непринятие подобного рода предосторожности вело к печальным инцидентам в прошлом. Классическим примером таких недоразумений является отказ Гизо в 1848 г. от обещаний, данных устно лорду Норманби (тогдашнему английскому послу в Париже), о которых последний сообщил в донесениях в Лондон. Гизо утверждал, что лорд Норманби совершенно исказил его слова и что он никогда не давал обещаний, которые ему приписали. Он резонно добавил, что доклад о разговоре, отправленный послом своему правительству, можно рассматривать как достоверный и обязательный документ только в том случае, если он был представлен на рассмотрение лица, заявление которого он излагает»¹⁰³.

Моральная точность. – В дипломатической практике чаще допускаются моральные неточности, чем неточности мышления. Считается, что моральная неточность дипломата принимает разные формы. Одна из них – избежать ответственности и не высказать своему правительству свое мнение о том, какое направление примет политика страны пребывания в ближайшее время. В сложных и неопределенных ситуациях требуется дать точные прогнозы, в то время как посол многое может скрывать.

О другом варианте моральной неточности Г. Никольсон говорит с помощью следующего примера: свое правительство поручает послу сделать заявление о политике правительства той страны, где он аккредитован в качестве посла. Но посол так смягчает тон заявления и вносит в него такие нюансы, что, во-первых, ослабляется сила воздействия заявления, во-вторых, создается впечатление, что посол не согласен со своим правительством. Это уже недобросовестность посла – вид моральной неточности.

¹⁰³Там же.

Но мы считаем, что это более сложная форма неточности. В ней сочетаются моральная неточность и неточность сообщаемой информации, которая, конечно, тесно связана с неточностью мышления. Мы предлагаем, наряду с точностью (и неточностью) мышления и морали выделить также тип **информационной неточности**, вид неточности, который может иметь серьезные вредные последствия для отношений государств.

Спокойствие и терпеливость. – Значение спокойствия дипломата, особенно во время ведения переговоров, отмечают почти все авторы, пишущие о деятельности дипломата и необходимых ему качествах. При психологическом подходе данное качество можно охарактеризовать как способность держать под контролем свои эмоции и проявлять терпение, когда оппонент возражает или высказывает неприемлемые взгляды. Об этом Г. Никольсон пишет следующее: «Третье качество, необходимое идеальному дипломату, – это спокойствие. Лицо, ведущее переговоры, не только не должно показывать свое раздражение при столкновении с глупостью, бесчестностью, жестокостью или сомнением тех, с кем на него падает печальная обязанность вести переговоры, но он должен отречься от какой-либо личной враждебности, личного предрасположения, от энтузиазма, предрассудков, тщеславия, преувеличений, театральности и морального негодования»¹⁰⁴. И приводит известный совет, данный Талейраном своим подчиненным при назначении его министром иностранных дел Франции: работать без усердия, без воодушевления. Он, конечно, имел в виду необходимость контролировать свои эмоции и не увлекаться бюрократизмом. Он был опытным скептиком и знал, что в дипломатии, как в бюрократической сфере, делается много ненужной работы, пишется много отчетов, которые никто не читает и т. п. И конечно, у дипломатов, особенно у неопытных, так же, как и у других людей, возникает много эмоций, которые могут принести вред государству.

Дипломат не должен беспокоиться по поводу того, что его сдержанность, выдержка и способность подавлять раздражение и другие отрицательные и положительные эмоции наблюдатели могут интерпретировать отрицательно – как выражение лени, безразличия и т.п. Главное – эффективность работы. «Спокойствие идеального дипломата должно проявляться, главным образом, в следующем: во-первых, он должен быть в хорошем

¹⁰⁴Там же. С. 72,73.

настроении или, по крайней мере, уметь подавлять свое плохое настроение, во-вторых, он должен быть исключительно терпелив»¹⁰⁵.

Мы считаем, что к важному вопросу о так называемом «спокойствии» дипломата возможен новый и научный подход. Для этого целесообразно исходить из той концепции политической воли, которая нами предложена в первой части настоящего исследования. Это не только углубит и сделает более современным научное обсуждение этого качества, но и позволит предложить пути его развития у будущих дипломатов. Мы считаем, что внешнее спокойствие дипломата, в частности во время ведения переговоров, – это выражение самообладания, т.е. умелого использования власти над собственной личностью и различными ее проявлениями.

Как мы видели, от опытного дипломата ожидается мастерство, которому можно дать название «двустороннее самообладание». Это означает, что он должен проявлять самообладание по отношению к другим переговорщикам, их глупости, сомнению и прочим неприятным качествам, и, одновременно, по отношению к собственным эмоциям, импульсам и другим иррациональным выражениям, которые невольно могут вырываться и которые трудно держать под контролем.

Терпеливость – важная черта дипломата. Но она, как и опыт вообще, приобретается постепенно, хотя и с индивидуальными различиями по скорости и полноте приобретения. Терпеливость – черта характера, которая требует для своей реализации целого ряда черт более частного характера – силы воли, способности предвидеть, способности рассчитать варианты и возможности того или иного решения или поступка, важнейшая способность терпеливо относиться к разного рода фрустрациям. Ж. Камбон, Г. Никольсон и другие дипломаты считают, что опытный дипломат – это терпеливый скептик. Правда, встречаются индивидуальные различия: у одних терпеливость может развиваться уже в молодые годы, а у других – требовать более длительных периодов нахождения на ответственной работе дипломата. Важное значение имеют темперамент, тот тип характера, который образовался у человека до начала работы в качестве дипломата, характер и стиль познавательной активности и другие факторы. Молодым и терпеливым, по-видимому, был известный французский дипломат, брат Ж. Камбона, Поль Камбон, о котором Никольсон пишет

¹⁰⁵Там же. С. 73.

следующее: «Терпение и настойчивость очень важны для успеха переговоров. Поль Камбон, один из наиболее удачливых дипломатов современности и французский посол в Лондоне в течение двадцати лет, был на редкость терпелив. Он прибыл в Англию в те времена, когда англо-французские отношения были напряжены до крайности и находились почти под угрозой разрыва. Когда он оставил Англию, мы были союзниками. В течение всех этих двадцати лет Поль Камбон выжидал. Стремящийся к примирению, неизменно скромный, исключительно лояльный, он всегда был готов действовать. Его исключительная способность выбирать подходящий момент, его тонкое понимание обстановки, достоинство его манер сделали его к 1914 г. человеком всеми уважаемым и пользующимся всеобщим доверием. Подобное терпение не всегда проявлялось послами других наций, которые желали достигнуть быстрых успехов и скорее вернуться домой с блестящими результатами. Слишком часто эти нетерпеливые послы запугивали британского бульдога и заставляли его отказываться от сделанных ему заманчивых предложений»¹⁰⁶.

Брат Поля Камбона, Жюль Камбон, также был дипломатом, послом Франции в Берлине. В своей книге «Дипломат» (Париж, 1925 г.) он тоже высоко оценил **терпение** как необходимое качество дипломата¹⁰⁷.

Скромность. – Отмечая важность скромности, исследователи дипломатической деятельности и личности дипломата утверждают, что вместе с уже рассмотренными чертами – правдивостью, точностью, спокойствием (уравновешенностью) и терпеливостью – она составляет личность идеального дипломата. Так думал, например, Г. Никольсон. Это, конечно, поспешное заключение такого исследователя, который не был знаком даже с психологией своего времени и не представлял себе всю сложность структуры личности. Но нет сомнения, что группа названных черт составляет важную часть ядра личности действительно профессионального дипломата. Поэтому предлагаемое описание личности «идеального дипломата» может стать исходным для дальнейшего комплексного, многостороннего и глубокого исследования личности и деятельности дипломатов.

Говоря о скромности, необходимость или хотя бы желательность которой для дипломата отмечают Ж. Камбон, Г. Никольсон, В. И. Попов и другие авторы, следует сказать, что они, как и при описании остальных качеств личности дипломатов, исходят из

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ См.: Камбон Ж. Дипломат. – Москва, 1946.

народного, донаучного понимания этой черты личности. Они фактически не объясняют это явление и ведут свое изложение таким образом, будто оно понятно каждому читателю. Оставляя понимание скромности на таком бытовом уровне, они переходят к описанию вредных последствий ее противоположности – тщеславия. И в этой связи высказывают ряд достойных внимания идей, которые требуют серьезного анализа на основе достижений современной психологии личности и социальной психологии. Выделим наиболее важные моменты их суждений.

Тщеславие несет в себе огромную опасность для дипломата. Тщеславный дипломат не склонен обращать серьезного внимания на советы более опытных и знающих страну аккредитации коллег и других специалистов. Еще не имея опыта и знаний, он пытается решить все задачи самостоятельно, вследствие чего допускает много ошибок.

Тщеславный дипломат легко становится жертвой лести тех людей, с которыми ведет переговоры. Он, говоря языком современной социальной психологии, отличается чувствительностью к инграциации: ему нравится, его вдохновляет лесть хитрых людей.

У тщеславного человека развитым бывает субъективизм, в том числе субъективное понимание профессии дипломата. Такой человек стремится к достижению быстрых и впечатляющих успехов: он не способен на основательную работу по подготовке решений и обеспечению более надежных результатов. Можно предположить, что у таких дипломатов и политиков развита такая черта характера, как эксгибиционизм.

Тщеславный человек – это хвостун, который своим поведением вызывает к себе зависть и даже ненависть других, желание соперничать и причинить такому сопернику вред. Особенно сильно ненавидят хвостуна те, кто соперничает с ним в той же области деятельности и чувствует себя побежденным.

Тщеславный человек с большим трудом признается в своих ошибках. Это не только задерживает его развитие и профессиональный рост, наибольшую опасность таит в себе то, что он, скрывая свои ошибки, сообщает вышестоящим – в МИД, министру иностранных дел – ложные, искаженные представления о том, что происходит в стране аккредитации и в регионе, где она находится, а также о плодотворности своей деятельности.

Такой человек ведет себя в обществе чванливо, оскорбительно для присутствующих и даже вульгарно. «Тщеславие – корень неосторожных поступков и бестактности. Оно толкает

страдающих этим недостатком к проявлению краснобайства и к большим дипломатическим порокам – иронии, эпиграммам, необоснованным обвинениям и колким ответам»¹⁰⁸.

Тщеславный человек не признается в недостатке знаний. Например, он может считать себя хорошим знатоком языков, в то время как владеет ими плохо. (Это уже недостаток реалистического подхода к собственной личности, качество, которое следует изучать с должной тщательностью, поскольку для дипломата и политического деятеля это крайне вредное качество.) Тщеславный человек может в присутствии других лиц, в том числе иностранцев, критически и даже иронически отзываться о своем министре иностранных дел, тем самым дискредитируя его. Он может утверждать, будто министерство плохо знает состояние дел в мировой политике, в то время как он сам знает его лучше всех и т. п. В связи с этим и другими чертами этого типа человека, особенно если он работает в сфере дипломатии, необходимо со всей тщательностью исследовать состояние самосознания, представления такого человека о собственной личности. И вообще вопрос генезиса самосознания, а в его структуре – тщеславия, представляет значительный интерес не только для психологии личности вообще, но также для психологии дипломатической деятельности.

Тщеславный человек – это и, как правило, человек вероломный, склонный к предательству. Поэтому предоставить такому человеку ответственный пост в государстве, а тем более в дипломатии – значит рисковать интересами страны.

Г. Никольсон следующим образом завершает свой очерк о тщеславных дипломатах: «Тщеславие может порождать и прочие недостатки – неточность, легкую возбудимость, нетерпение и даже лживость. Из всех недостатков дипломатов, а их много, тщеславие – наиболее распространенный и наиболее вредный недостаток»¹⁰⁹.

Однако при дальнейшем исследовании этого главного недостатка дипломатов необходимо иметь в виду психологические представления об истоках и генезисе у личности тщеславия как той черты характера, которая может стать акцентуированной. Закономерность состоит в том, что тщеславие является защитной реакцией такого человека, который чувствует свои недостатки и неполноценность, особенно при сравнении с другими людьми, в данном случае – при сравнении с более талантливыми дипломатами. Он осознает, что не соответствует тем высоким требованиям, которые предъявляются представителям этой

¹⁰⁸ Никольсон Г.Н. Указ. соч. – С. 74.

¹⁰⁹ Там же.

профессии, переживает фрустрацию, и у него возникает мотив защиты и компенсации обнаруженного недостатка. И он компенсирует неразумным способом – тщеславием и вытекающими из него формами поведения, некоторые из которых уже были описаны выше на основе публикации исследователей дипломатии. Мы полагаем, что именно таков главный психологический механизм генезиса тщеславия как аспекта личности человека.

Тщеславие, утверждал Г. Никольсон порождает самодовольство, а самодовольство – негибкость в ходе переговоров. Такой человек становится непроницаемым для новой информации, он плохо понимает партнеров по переговорам.

Возвращаясь к взглядам Ж. Камбона, Г. Никольсона и других авторов на тщеславие и иные недостатки дипломатов, обратим внимание на следующую их мысль: тщеславием чаще всего страдают те дипломаты, которые застревают на низших должностях. Мы полагаем, что у определенной части лиц, карьера которых сложилась неудачно, развитие тщеславия принимает патологический характер. Именно так можно истолковать следующее наблюдение Г. Никольсона: «Дипломаты, особенно те из них, которые находятся на незначительных постах и выше не пойдут, переходят постепенно от обычного человеческого тщеславия к преувеличенному сознанию своей особой важности»¹¹⁰. Под влиянием участия годами в различных церемониях, живя в роскоши, имея лакеев и обильную еду и т.п., эти люди «к...старости приобретают склонность к замедленным движениям и речи, а также к замедленному соображению, что придает им напыщенный вид»¹¹¹. Это приводит к негибкости мысли такого человека, трудности приспособления к незнакомым идеям, к приспособлению в новых ситуациях; у него ослабляется способность сопереживания, что является большим недостатком для человека, который должен вести переговоры с разными людьми. Такие люди быстро стареют, а в качестве дипломатов становятся недееспособными. На эту проблемы еще в XVIII веке обратил внимание французский дипломат Франсуа Кальер¹¹².

Но Никольсон идет еще дальше и утверждает, что потеря способности сопереживания с другими приводит к потере воображения. Такой человек с трудом понимает новые идеи, новые веяния в политике: «Он становится настолько самодовольным, что перестает

¹¹⁰ Там же. С. 74-75.

¹¹¹ Там же.

¹¹² См.: Кальер Ф. Каким образом договариваться с государями. –М.: Изд-во «МИА», 2001.

интересоваться психологией других. А так как психологическая подвижность – один из наиболее важных факторов в переговорах, инертный дипломат становится бесполезным»¹¹³.

Поскольку психология постепенно приобретает все большее и большее значение для дипломатической теории и практики, в приведенной только что цитате следует отметить по крайней мере один важный момент: **когда человек теряет интерес к психологии другого человека, он становится непригодным для дипломатической работы.** Этот тезис следует развить и довести до практической задачи – основательного обучения будущих дипломатов основам современной психологии, особенно ее трем областям: психологии личности, социальной психологии и этнопсихологии. Дело в том, что изучение психологии вызывает усиление интереса к психической деятельности других людей и к собственной психической жизни, и если этот интерес сохраняется в течение всей жизни, то можно утверждать, что одно из условий пригодности для успешной специализации в области дипломатии и успешной работы в этой области у человека имеется.

§3.3. Психологические особенности трансформация профессионального “Я” дипломата

Исследователи деятельности и личности дипломатов, начиная, по крайней мере, с Кальера (XVII–XVIII вв.), называют лояльность «седьмой великой добродетелью» дипломата. Правда, это понятие в работах наших предшественников не раскрывается полностью; и в данном случае причина кроется в слабой развитости психологической науки в прошлые века, а у наших современников – плохое знание современной психологии, которая уже добилась значительных результатов в изучении психической активности человека и закономерностей взаимоотношений людей в обществе. Проблема лояльности тесно связана с такими явлениями, как приспособление (адаптация), уступчивость и конформизм, которые исследуются в упомянутых психологических науках. Проблема лояльности человека к определенной персоне, социальной группе, организации или государству тесно связана также с проблемой власти и подчинения дипломата и с целым рядом других психических явлений.

¹¹³ Никольсон Г.Н., указ. соч. –С. 75.

Но и в этом случае, как и при обсуждении рассмотренных выше психических качеств дипломатов, Г. Никольсон, Ж. Камбон и другие авторы употребляют понятие «лояльность» так, будто оно означает явление простое, очевидное и понятное всем. Но так ли это? Мы в этом сильно сомневаемся и поэтому предпочитаем начать обсуждение данной проблемы с той характеристики лояльности, которая дается в современных трудах.

Лояльность (loyalty) – это «приверженность, верность, демонстрация уважения (нередко показного, формального) действующим законам, установлениям, традициям общественной системы, а также всему политическому строю, порядку, государству; корректное, благожелательное отношение к кому-либо, в первую очередь к представителям власти, начальству, формальным и неформальным лидерам»¹¹⁴. Но более строгое определение лояльности дано в «Кратком политическом словаре», в котором мы читаем: «Лояльность (от фр. loyal – преданный, верный) – 1) выполнение законов, постановлений и требований органов власти (иногда только внешнее, формальное). 2) Корректное, беспристрастное отношение к чему-либо, отказ от каких-либо предосудительных и недоброжелательных действий»¹¹⁵. С точки зрения теории дипломатии и психологии наиболее приемлемое объяснение лояльности дано во втором пункте статьи, приведенной из названного краткого политического словаря. Мы полагаем, что это определение может стать хорошим исходным утверждением для дальнейшего исследования лояльности как в политике вообще, так и в дипломатии.

Лояльность - политологическое понятие. На языке психологии речь идет о конформизме, причем о конформизме сознательном, как вынужденном, так и добровольном. Даже если дипломат не согласен с политикой своего правительства, он, в том числе посол, должен проводить в жизнь политику этого правительства. В противном случае он должен подать в отставку.

Но от дипломата требуется лояльность не только по отношению к правительству своей страны, но также к правительству той страны, где он аккредитован в качестве дипломата, например, посла. Однако эти два вектора лояльности могут противоречить друг

¹¹⁴ Словарь терминов и понятий по обществоведению. / Автор-составитель А.М. Лопухов. 7-е издание. –М.: «Айрис-Пресс», 2013. – С. 196.

¹¹⁵ Краткий политический словарь. / Составление и общая редакция Л.А. О니кова и Н.В. Шишлина. – 3 – е изд., –М.: «Политиздат», 1983. – С. 171.

другу, создать внутренний конфликт у дипломата, поскольку требования и ожидания этих двух сторон субъектов власти могут быть несовместимыми.

Мы полагаем, что для более полного раскрытия содержания понятия «лояльность» и применения принципа лояльности в практике дипломатической работы, желательно опираться на *теорию ролей*, которая создана на стыке психологии и социологии. Это возможно по той причине, что все те властные субъекты и инстанции, с которыми имеет дело дипломат, предъявляют к нему разные группы ожиданий (ролевых экспектаций). При встрече с каждым из них, и даже при заочном обмене информацией, дипломат вынужден «правильно» играть свою роль; он переходит от выполнения одной роли к другой, и такое гибкое приспособление есть не что иное, как **ЛОЯЛЬНОСТЬ В ДЕЙСТВИИ**, практическая лояльность.

Наблюдения и размышления разных дипломатов-исследователей показывают, что лояльность дипломата – это не только сложная и многогранная ролевая активность, но также часть проводимой им политики. Причем могут наблюдаться серьезные отклонения от принципа лояльности даже незаметно для самого субъекта – дипломата. Это тонкие подсознательные процессы, которые, если человек не знает об их существовании, не подпадают под его сознательный контроль. В свете сказанного представляют интерес следующие замечания Г. Никольсона: «Среди дипломатов, проживших долго за границей и, быть может, потерявших контакт с родным народом и со своим министерством иностранных дел, замечается тенденция, при которой их лояльность приобретает весьма туманные очертания. Некоторые из них способны настолько сентиментально полюбить страну своего пребывания, что перестают замечать ее недостатки, другие начинают ненавидеть ее с такой силой, что становятся нечувствительными к ее достоинствам. Между ними могут оказаться такие, которые, полагая, что функции посла – это создать «хорошие отношения» с иностранными правительствами, смешивают цель со средствами и рассматривают «хорошие отношения» не как часть своих функций, а как единственную цель своей деятельности»¹¹⁶.

Еще один случай такого явления, которое можно назвать *приписыванием статуса цели средству деятельности*, что также отмечается послами – это когда проблемные отношения со своим персоналом отвлекают посла от основных целей его деятельности.

¹¹⁶ Никольсон Г.Н., указ. соч.– С. 76.

Проще говоря, для дипломата средство достижения цели (работа с персоналом и отношения с ним) становится самой целью его активности. Основная цель вольно или невольно отодвигается на задний план или временно предается забвению.

Все отмечаемые случаи такого сдвига представляют значительный интерес и должны стать предметом исследования как в теории дипломатии вообще, так и в психологии дипломатической деятельности – науки, которая находится в процессе становления.

Первый случай: дипломат начинает так нежно любить страну своей аккредитации, что его лояльность становится «туманной», теряет свои очертания. Речь, фактически, идет о следующем: лояльность и субъективизм по отношению к государству пребывания так усиливаются, что в соответствующей степени ослабляется лояльность по отношению к правительству своего государства, более конкретно – к министерству иностранных дел и к министру. В этом случае может наблюдаться также ироническое отношение к своим руководителям, причем, что особенно недопустимо, в присутствии дипломатов и иных лиц, представляющих другие страны. Можно предположить, что лояльность к собственной стране и лояльность к стране аккредитации в качестве дипломата взаимосвязаны по закону обратной пропорциональности.

Второй случай: дипломат усиленно ненавидит страну, где он выполняет роль дипломата, и даже не вполне осознавая эту свою установку, ведет себя по отношению к ней недостаточно лояльно. Такой субъективизм не позволяет ему видеть достоинства этой страны и его народа, что оказывает отрицательное влияние на его поведение. Он может своей субъективностью невольно ухудшить отношения своей и этой страны, их государств.

Третий случай представляет особый интерес для тех специалистов, которые подходят к исследованию дипломатов и их деятельности с позиций современной психологии: речь идет о **процессе превращения средства деятельности в ее цель**. При этом подлинная первоначальная цель деятельности может быть либо забыта, либо вытеснена на край сферы сознания, отодвинута на «второй план». Последнее выражение означает, что значимость главной цели дипломатической работы субъективно снижается, вследствие чего ее роль как мотива деятельности может свестись к минимуму. Более конкретно, что видно из приведенных замечаний Г. Никольсона, речь идет о том, что если в нормальном случае цель деятельности дипломата – принести пользу своему государству и народу путем улучшения

отношений с должностными лицами государства своей аккредитации, у него именно улучшение отношений из средства для достижения главной цели (принести пользу своему государству) превращается в цель его деятельности. **Средство становится самоцелью.** Сам дипломат может не знать о существовании такого процесса сдвига (приписывания) значения цели и его перехода в средство достижения самой цели. Его деятельность может восприниматься им самим в качестве плодотворной и успешной.

Какие факторы могут способствовать такому сдвигу? Мы полагаем, что одной из причин является трудность достижения основной цели деятельности для данного дипломата, в частности – его неспособность осознать эту подлинную (главную, ведущую) цель и действовать для ее реализации. Например, если посол – слабый переговорщик, а перед ним поставлена задача добиться подписания определенного договора с правительством страны аккредитации, он может установить хорошие отношения с должностными лицами, в том числе с министром иностранных дел, однако не сумеет убедить их согласиться с условиями, предлагаемыми его правительством и подписать требуемый договор. В деятельности дипломатов, да и других переговорщиков (например, в области торговли и политики) важна способность убедительной аргументации в пользу своей цели. Еще Д. Карнеги постоянно говорил о том, что, ведя переговоры, необходимо привести побольше аргументов в пользу той идеи, что предлагаемый договор принесет больше пользы не себе, а в первую очередь партнеру по переговорам. А между тем, если дипломат эгоцентричен, он будет больше выдвигать аргументов в свою пользу, невольно создавая у партнера впечатление, что он намерен обмануть и эксплуатировать его. Способность уравнивания числа и силы двух групп аргументов – приводимых в свою пользу и в пользу партнера по переговорам (соперника, противника) – важный аспект мастерства дипломата.

В целом, личные отношения с должностными лицами того государства, в котором аккредитован дипломат, симпатии и антипатии не должны оказать вредное влияние на лояльность дипломата по отношению к своей стране. Как отмечают Г. Никольсон, Ж. Камбон, В. Попов и другие авторы, безусловная лояльность дипломата к своей стране позволяет преодолеть все преграды, субъективизм и другие обстоятельства, которые, возникая, могли бы препятствовать достижению главной цели.

Нарушения лояльности и проблема предательства.– Возможно, будут возражения, но мы считаем, что нарушения лояльности по отношению к своему государству – это вид предательства. Причем это деяние может выражаться по-разному, не только в виде отмеченного выше эффекта потери главной цели ради промежуточных результатов, которым приписывается значение цели. Говорить начальству то, что ему понравится, скрывать реальное положение вещей – это тоже нарушение лояльности, причем такое, которое также можно приравнять к предательству. Это более тонкая форма предательства, обмана руководителей, причем оно может иметь эгоистическую мотивацию. Лояльный дипломат сообщает правительству только правду, какой бы она ни была неприятной.

Обобщив описание и анализ основных качеств профессионального, идеального дипломата, нельзя не согласиться со следующим словами Г. Никольсона о том, каким по его представлению должен быть идеальный дипломат. Он должен быть правдивым, аккуратным (точным), спокойным, терпеливым, иметь хороший характер, скромность, он должен быть лояльным. Г. Никольсон считает, что это также качества идеальной дипломатии¹¹⁷. Затем делает важное добавление: «Но читатель может возразить: «Вы забыли назвать ум, знания, наблюдательность, осторожность, гостеприимство, обаяние, прилежание, мужество и такт». Я не забыл о них, я считал, что эти качества сами собой разумеются»¹¹⁸. Остроумно сказано. Но проблема научного исследования всех этих качеств политиков, в том числе дипломатов, не отменяется. Вполне понятно, что простая констатация необходимых дипломату качеств недостаточна. Бывают различные виды ума (интеллекта), наблюдательности, памяти и т. д. У разных людей встречаются различные их комбинации. Существует явление компенсации слабых умственных способностей более развитыми, слабо развитых черт характера – сильно развитыми и т. д. Их исследование – важная задача политической и дипломатической психологии.

Понятие “**эмпатия**” – от греческого слова *pathos*, что означает сильное и глубокое чувство, близкое к страданию. *Empathos* – направленное вовнутрь сильное, патетическое чувство. Этим словом обозначается особое соотношение между двумя лицами, двумя личностями.

¹¹⁷См.: Там же. С. 77.

¹¹⁸ Там же.

Проблемой эмпатии мыслители интересовались с древнейших времен. Это явление фигурировало под названием «симпатия», вчувствование и т. д. Один из известных психологов конца XIX - начала XX веков Э. Титченер попытался создать обобщенное представление о такого рода явлениях, которые каждый день миллионы раз возникают при общении людей, и с этой целью предложил использовать понятие «эмпатия». Проблемой эмпатии, как явления, которое создает эмоциональные связи между людьми, интересовались представители разных психологических направлений (психоаналитики, представители гештальтпсихологии, когнитивной психологии, социальной психологии, психологии личности и др.).

Но следующий решительный шаг в сторону построения современной концепции эмпатии в межличностных отношениях сделал известный социальный психолог Соломон Аш, который в 1952 году предложил выделить два вида эмпатии, а именно: **сопереживание** и **сочувствие**. Поскольку эта концепция в настоящее время общепринята и адекватна и, по нашему мнению, вполне применима также в области дипломатии, вкратце разъясним особенности названных двух типов или видов эмпатии.

Сопереживание индивида I_1 с индивидом I_2 означает следующее: I_1 наблюдает за поведением I_2 , воспринимает внешние выражения его переживаний, в основном подсознательно, т. е. не отдавая себе отчета, интерпретирует эти сигналы и начинает переживать такие же эмоции, какие в это же время переживает объект его социальных восприятий, который, вследствие возникшей между ними специфической связи, становится для него объектом эмпатии. (Сам он выступает в роли субъекта эмпатии, т.е. человека, который в данной ситуации переживает эмпатию.) В результате этого субъект эмпатии переживает такие же эмоции, как и объект, однако возможно, что не такие интенсивные.

Второй вид эмпатии, названный сочувствием, состоит в том, что субъект воспринимает переживания объекта, понимает их характер и значение для этого человека, но переживает не такие же чувства (например, разочарование, горе и т. д.), а другие, свои собственные чувства.

Четкое понимание различий этих двух видов эмпатии очень важно для правильного понимания последствий этих видов эмпатии и социального поведения общающихся людей

(матери и ребенка, руководителя и подчиненного, представителей бизнеса, которые ведут переговоры и т. д., в том числе ведущих переговоры дипломатов).

Оба вида эмпатии возникают и проявляются уже в самом начале постнатального развития индивида, развиваются и изменяются в течение всей последующей жизни, являясь одними из главных механизмов социальных взаимоотношений. Причем в ходе развития, в зависимости от целого ряда факторов наследственности и особенностей социализации, формируются люди с различными уровнями способности к эмпатии. Поэтому в психологии личности и социальной психологии выделяют специальный тип личности, которой дали название **высокоэмпатийный** человек. Это такой человек, который легко понимает эмоциональное состояние другого человека, характер его переживаний и либо сопереживает с ним, либо переживает собственные чувства, но сочувствует объекту эмпатии. В настоящее время существует точка зрения, согласно которой сопереживающие чаще всего являются пассивными и сентиментальными, они понимают состояние другого, но у них мотивация оказания реальной помощи либо отсутствует, либо так слаба, что не вызывает конкретных социальных действий. Это люди, которые могут любоваться собственными переживаниями, проявлять чувства, но отказаться от реальных действий по оказанию помощи попавшему в беду человеку¹¹⁹.

Эмпатия является внутренней психологической предпосылкой **альтруизма**, т. е. того качества личности, которое выражается в готовности оказать бескорыстную помощь другим людям.

Нередко в литературе можно встретить утверждение о том, что дипломату необходимо переживать эмпатию в отношениях с партнерами и даже с соперниками по переговорам. Но мы теперь думаем, что в таком общем виде данное утверждение неприемлемо. Тот дипломат, который руководствуется подобным подходом, может оказаться в проигрыше; он фактически будет работать в пользу партнера по переговорам и прийти к неудаче.

Для правильного определения роли эмпатии в деятельности дипломатов важное значение имеет существующее в современной психологии, уже упомянутое выше представление о различных видах эмпатии, раскрытие различий их механизмов, связанных с

¹¹⁹ См.: Ильин Е.П. Эмоции и чувства. –СПб.: «Питер», 2007. – С. 395.

различными видами понимания социальных партнеров, их мотивации и поведения. Особое значение имеет, по нашему мнению, упомянутая выше концепция С. Аша о двух видах эмпатии – сопереживании и сочувствии.

Относительно деятельности, ролевого поведения дипломатов можно утверждать следующее: дипломату, который работает в пользу своего государства (а иначе и не должно быть, если он не предатель), нужна не положительная идентификация с партнером на основе сопереживания его чувствам и желаниям, а сочувствие, причем та разновидность сочувствия, которая максимально рациональна, т. е свободна от субъективизма и сентиментальности. Не сопереживание с партнером нужно дипломату, а сочувствие. Это означает, что он знает и понимает переживания и желания партнера, но сам переживает не то же самое, а другие, собственные чувства, собственные намерения и желания, осознает собственные цели и пути их достижения.

Мы считаем, что с этой новой точки зрения целесообразно рассмотреть исторические примеры побед и поражений в дипломатических схватках прошлого и настоящего. Мы полагаем, что чаще всего терпели поражение те дипломаты и политические деятели, которые не знали о существовании двух основных видов эмпатии – сопереживании и сочувствии – и в ходе своей работы (ролевого поведения, ведения переговоров и т.д.) испытывали сопереживание, а не более реалистическое и безопасное сочувствие. Сочувствие – это переживание трезво мыслящего и четко осознающего собственные задачи и цели, целенаправленно действующего человека. Те же люди, которые в межличностных отношениях (а таковы также процессы переговоров и других случаев общения с представителями других государств) испытывают в основном сопереживание – это сентиментальные люди, в политике и дипломатии они не могут добиваться серьезных успехов. Можно даже считать, что они не соответствуют роли дипломатов.

Только что предложенные идеи имеют более широкое значение, чем только сфера дипломатической деятельности. Сфера их применения – все области социальной жизни, все те ситуации социальной жизни, в которых люди что-то объясняют друг другу, соперничают или сотрудничают.

В работе уже говорилось, что в числе требований, предъявляемых профессиональному дипломату, – такое качество, как спокойствие в сложных конфликтных

ситуациях, например в ходе переговоров с трудными партнерами, жесткими соперниками и даже с представителями вражеских государств. Но ведь «спокойствие» - понятие донаучной психологии. Что оно означает, если рассмотреть его с позиций современной психологии? Отсутствие у человека эмоций? А может быть, безразличие?

Мы полагаем, что психология позволяет более адекватно и четко определить это понятие. Спокойствие специалиста, в том числе опытного дипломата, означает, что он достиг такого развития своей эмоциональной сферы, в результате которого ему удастся при встрече с партнерами или соперниками подавлять в себе сопереживание и переживать только сочувствие к партнеру, основанное на трезвом понимании его желаний, мотивов поведения и актуального психического состояния. Такой опытный дипломат скорее понимает чувства, эмоциональное состояние партнера, чем сопереживает ему; он не подражает его чувствам. Во всяком случае, у сочувствующего и трезвомыслящего человека сопереживание, если оно вообще возникает в его психике, бывает слабым, в виде общего и легкого эмоционального фона. Сочувствуя ему, мы сможем оказать ему содействие или помощь, если считаем это необходимым, но можем также отказать ему, если того требуют наши интересы, т. е. интересы нашего государства.

Эмпатия и агрессия. – Исследования показывают, что эмпатия облегчает альтруизм (помогающее поведение) и подавляет агрессию между людьми. Это доказано экспериментально, хотя проявления данной закономерности нетрудно наблюдать также в реальных социальных ситуациях¹²⁰. Эту особенность эмпатии следует иметь в виду при исследовании всех областей человеческой деятельности.

Относительно деятельности дипломатов следует иметь в виду, что если от дипломата требуется осуществление жёсткой политики, то эмпатия, особенно в виде сопереживания, должна быть исключена, поскольку ее допущение и переживание ослабит его позиции и может привести к неоправданным уступкам. Сочувствие же приводит к вредным последствиям для переживающего его субъекта в значительно меньшей степени, но и оно должно быть под контролем сознания личности. Сочувствие и возникающие при этом собственные мысли и переживания должны быть приведены в соответствие с целями и

¹²⁰ См.: Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2 – е изд., – СПб.: «Питер», 2007. – С. 389.

политическими задачами (например, в ходе переговоров), которые преследуются дипломатом как представителем своего государства.

Если эмпатия смягчает или подавляет агрессивность человека, то это означает, что эти два явления в психике одного человека взаимодействуют. Но каким образом, с помощью каких психологических механизмов и процессов происходит их взаимодействие? Это существенный психологический вопрос, который должен стать предметом исследования. Но при решении практических задач простое знание существования такой взаимосвязи полезно и **должно быть учтено в работе политиков и дипломатов.**

Эмпатия в процессе дипломатической беседы. – В книге «Дипломатия», которая была опубликована в 2010 году (на армянском языке), мы отметили, что явление эмпатии, ее присутствие и роль в процессе дипломатической беседы, в настоящее время стало предметом научного исследования, хотя ее значение (пусть описываемое другими словами) было известно еще древним мыслителям. Большинство дипломатов – это хорошо образованные и тонко чувствующие люди, хорошо понимающие значение эмпатии в процессе своих бесед с другими дипломатами, они стремятся по возможности учитывать точку зрения партнера, пытаются воспринимать ситуацию и события с их точки зрения, «их глазами». Общение может быть продуктивным только в том случае, когда вы отказываетесь руководствоваться только своими принципами. В ходе беседы, проникнув в психический мир собеседника, вы затем должны показать ему, что его мысли и интересы представляют для вас новость и интересны, что они значительны. После этого свои мысли формулируйте так, чтобы слышать от него то, что хотели бы, чтобы он сказал.

В ходе бесед и переговоров с представителями других государств одной из основных задач дипломата является обеспечение такого уровня самосознания, при котором эмпатия не выводит его за пределы дозволенного, когда дипломат, предаваясь влиянию эмпатии, в той или иной степени переходит на позиции соперника и начинает защищать его точку зрения, а следовательно – интересы его государства. Какое бы благоприятное мнение ни имел дипломат о стране пребывания, о его государственной идеологии и политике, он должен чувствовать ту границу, которая разделяет интересы его государства от интересов государства пребывания. Именно поэтому уже в начале настоящего параграфа мы, принимая современное представление о видах эмпатии, показали, что для обеспечения продуктивной

работы и для сохранения своей независимости дипломат должен по возможности отказаться от сопереживания и выбрать стратегию сочувствия, реалистического понимания интересов и позиции партнера по переговорам, их учет, но все это – для того, чтобы добиваться реализации целей своего государства.

История дипломатии богата примерами того, как немало дипломатов, в том числе послов и других работников посольств, до такой степени идентифицировались с интересами и культурой страны аккредитации, что невольно давали спецслужбам этих стран почувствовать реальное положение вещей (умонастроение иностранного дипломата, его идентификацию со страной пребывания и т. д.) и попытаться завербовать их в качестве своих агентов. И во многих случаях такие попытки увенчались успехом.

Глубокая эмпатия по варианту сопереживания может сделать человека нечувствительным к той грани, которая разделяет лояльность к своей стране от предательства в пользу другого государства.

Эмпатия и адаптация (приспособление). – Во взаимоотношениях людей одновременно активно действует множество факторов – психических процессов, мотивов, внешних стимулов и т. д., поэтому неопытному человеку, не знающему психологию, историю и практику дипломатии, легко впасть в заблуждение и допустить ошибки при объяснении поведения дипломатов и процесса их становления в качестве профессионалов. Только глубокие знания в области дипломатии, знакомство с психологией личности и социальной психологией, знакомство с достижениями этнологии и этнопсихологии и других научных дисциплин, а также опыт работы с представителями разных стран и народов обеспечивают приобретение человеком дипломатического мастерства, что является условием четкого и эффективного исполнения миссии дипломата своей страны.

Одним из условий работы в этой области человеческой деятельности является четкое разграничение эмпатии и адаптации (приспособления), о чем мы писали в уже упомянутой книге¹²¹. Мы полагаем, что эмпатия, которая необходима для психической идентификации с партнерами, для лучшего понимания их мотивов, намерений, тактики и стратегии работы, не должна приобретать такую глубину и форму, которые ведут к полной и неоглядной идентификации, принятия их позиций и даже их целей, т.е. к полной адаптации к их целям и

¹²¹ См.: Ա.Գ. Նախաարդյան, Դիվանագիտություն, Երևան, «Մուլդի», 2010, էջ 50-54 .

интересам, к их стратегии поведения, тем самым забывая о сути и значении собственной миссии. И в связи с этой проблемой мы подчеркиваем то, что уже сказано выше о необходимости понимания различий двух главных видов эмпатии – сопереживания и сочувствия. Сочувствие обеспечивает сохранение своей самостоятельности с одновременным пониманием партнера или соперника, в то время как сопереживание таит в себе опасность полного приспособления к противоположной стороне и допущения грубых просчетов и ошибок.

Последствия отсутствия взаимной эмпатии. – Для возникновения хотя бы умеренной эмпатии между сторонами дипломатической беседы или переговоров нужны честность, открытость (в разумных пределах), отсутствие недоверия или подозрительности. Когда этого нет, когда стороны приписывают друг другу злые намерения и преимущественно отрицательные черты, взаимная эмпатия даже на уровне умеренной симпатии невозможна. И тогда процесс эффективных переговоров также невозможен. В свое время американский президент Рональд Рейган назвал СССР «империей зла», в таком же тоне ему ответили руководители СССР, в том числе министр иностранных дел А. Громыко, и это привело к еще большему усугублению холодной войны.

Встречаются и такие политические деятели, у которых способность к эмпатии слабо развита. Одним из внешних выражений этого недостатка является неспособность и нежелание слушать аргументы другой стороны, что является также проявлением высокомерия, убежденности в собственной непогрешимости. Как рассказывает известный русский дипломат и автор книги о Маргарет Тэтчер В. И. Попов, эта «железная леди» была неспособна слушать собеседника. В.И. Попов приводит слова бывшего президента Франции Жискара д'Эстена о Тэтчер: для нее собеседник как таковой не существует. Она готова говорить с ним только в том случае, если он полностью согласен с ней. Она не допускала даже возможности того, что собеседник может высказать аргумент, достойный внимания. Это привело к тому, что у Жискара д'Эстена возникла антипатия к этой женщине, которую он назвал «дочерью торгаша».

Переход от официальных отношений к межличностным. – Социологические и социально-психологические аспекты деятельности дипломатов требуют широкого и досконального исследования с привлечением достижений современной социальной

психологии. Здесь мы затронем лишь одно явление, которое упоминается в дипломатических трудах, но еще не стало предметом исследования специалистов, которых интересует дипломатия с психологической точки зрения.

В социальной психологии установлено, а повседневные наблюдения и социометрические исследования подтверждают, что человеческие взаимоотношения имеют по крайней мере два уровня: а) уровень официальных ролевых, чисто функциональных отношений, в которых близость и эмотивность неприемлемы; это уровень т.н. вторичных отношений людей; б) уровень первичных отношений, признаками которых являются близость, эмоциональность, в какой-то степени самооценность (нефункциональность). Эти два уровня отношений отчасти наблюдаются, в большей же степени раскрываются научными методами в малых социальных группах, число членов которых начинается с двух человек (эту группу называют диадой) до пятидесяти человек (условно). На уровне вторичных отношений личностные черты взаимодействующих людей либо не раскрываются совсем, либо раскрываются в минимальной степени. Эти отношения характеризуются сдержанностью, холодностью, деловитостью. Таковы, например, отношения людей, социальные статусы которых сильно различаются по высоте (по вертикали иерархии статусов, например, внутри одной организации). Таковыми могут быть отношения дипломатов разных стран, аккредитованных в одной и той же стране, особенно в тех случаях, когда между представляемыми ими государствами существуют неприязненные или враждебные отношения.

Второй уровень, как мы уже сказали, это уровень личных, более непосредственных, неформальных отношений, которые присущи друзьям, в организациях – людям равного статуса. При таких взаимоотношениях личности сторон раскрываются в значительно большей степени; они доверяют друг другу свои чувства и секреты, переживают взаимную симпатию, дружат и проводят много времени совместно, в том числе вне рабочей обстановки и т. п. При таком стиле общения уменьшается также физическая дистанция между сторонами, наблюдаются физические контакты.

Применяя эти простые социально-психологические знания в области дипломатической практики, можно задать вопрос, который, как мы считаем, возникает перед каждым дипломатом, как только он оказывается в чужой стране: дозволено ли дипломату,

например аккредитованному в другой стране послу, установить дружеские, неофициальные отношения с гражданами этой страны – с дипломатами, политическими деятелями, представителями различных областей культуры и науки и даже с рядовыми гражданами? Некоторые авторы, которые пишут о дипломатии (В.И. Попов, В.В. Самойленко и другие) считают, что эту проблему можно решить положительно, поскольку только путем установления доверительных отношений с гражданами государства аккредитации, особенно с теми из них, которые могут быть носителями полезной информации о своей стране и ее политике, можно получить реалистическое представление о том, что происходит в стране пребывания посла, что думают граждане о том государстве, которое представлено данным дипломатом, каковы их взгляды на возможности и пути дальнейшего развития этих отношений. Допустимо, чтобы после первой официальной встречи с дипломатами или другими гражданами посол пригласил их в ресторан для беседы и приятного общения. Он может принять приглашение быть гостем в домах таких лиц и вести свободный, непринужденный разговор.

Такое общение, если оно проходит раскованно и неформально, создает для дипломата положительную репутацию в стране пребывания и облегчает его работу. Однако во время всех подобных встреч он должен иметь в виду опасность оказаться в состоянии так называемого «локалитис» и, в конце концов, стать рупором интересов не своего государства, а государства своей аккредитации. Самораскрытие и близость отношений должны иметь свои границы, такие, чтобы не причинить вред исполнению роли дипломата.

Нельзя не согласиться со следующим утверждением одного из опытных российских дипломатов, который хорошо знает тонкости дипломатической работы: «Чем больше полезных деловых связей установил дипломатический работник, чем выше уровень его контактов среди местной политической или общественной элиты, тем весомее его роль в решении задач, стоящих перед дипломатическим представительством. Очевидно, что личное общение с людьми, наделенными властью и влиянием, принимающими политические решения, хорошо знающими местную «политическую кухню» и являющимися носителями важной информации – это самый важный источник получения дипломатической информации. Сказанное лишней раз подтверждает, что в наше время информационных технологий и глобальных коммуникаций, когда пассивные источники информации могут

быть вполне доступны и непосредственно из России, на первом месте в дипломатической работе тем не менее все же стоят личные связи, человеческий контакт, доверительные отношения, которые заменить ничем невозможно»¹²².

С этим нельзя не согласиться. Но важное значение имеет и то, способен ли дипломат на объективную оценку полученной информации, может ли подавить свой субъективизм, чтобы, сообщая полученную информацию в министерство своей страны, не ввести его руководство в заблуждение, что чревато принятием ошибочных решений.

Другой важной проблемой, связанной с пребыванием дипломата в иностранном государстве, является так называемая **дипломатическая болезнь «локалитис»**.

Каждый дипломат, проработав в определенной стране несколько лет, переживает адаптацию (подвергается адаптации), т. е. произвольно или непроизвольно приспосабливается к новой среде. Он приобретает некоторое знакомство с культурой и историей народа или народов данной страны, в той или иной мере изучает язык народа, общается с людьми различных специальностей и статусов, даже приобретает друзей, ведет себя в какой то степени как местный житель, следует местным традициям и т. п.

Такая социальная адаптация оставляет свои следы даже на психике дипломата, способствует развитию у него определенных черт характера; претерпевают изменения его представления о человеке, народах, религиях и т. д. Могут подвергаться изменениям его образ мышления, привычки и т. д. Для того, чтобы адаптироваться и действовать непринужденно, посол или другой дипломат стремятся внешне не отличаться от местных жителей, не привлекать к себе ненужное внимание людей. Он стремится к тому, чтобы везде его принимали как своего человека, а не как чужака. Говоря о таком процессе социальной адаптации, Ж. Камбон отмечал, что дипломат делает все это для того, чтобы лучше выполнять свою роль и эффективно служить своей стране. Он осуждает тех, кто, имея в виду такую необходимую адаптацию, называет послов «хамелеонами». Однако как Ж. Камбон, так и другие серьезные исследователи деятельности дипломатов, понимали и понимают, что последствия такой адаптации зависят от того, как она происходит, до какого уровня доходит, какое психологическое воздействие оказывает на личность дипломата и его поведение.

¹²² Самойленко В.В. Дипломатическая служба. –М.: Изд-во «Норма», 2011.– С. 194.

Чрезмерный и насыщенный симпатией интерес к местным (локальным) проблемам, культуре и людям нередко приводит к появлению одного специфического явления, которому исследователи деятельности дипломатов дали название «локалитис» (localities, localisme). Необходимости исследования этого явления особенно много внимания уделяют англо-американские специалисты по дипломатии. Согласно концепции локальности, когда дипломат долгие годы работает в одной и той же стране или в одном регионе мира, он постепенно теряет способность объективного суждения, что, в свою очередь, приводит к ослаблению его лояльности по отношению к своему государству. Его поведение все больше и больше оказывается в зависимости от местных факторов, интересов государства и народа страны аккредитации.

Синдром «локалитис» – так называют совокупность тех признаков, которые возникают в психике и поведении дипломата в результате более или менее глубокой адаптации в новой среде. Этот синдром оказывает неблагоприятное влияние на процессы исполнения им своей официальной роли. Дипломат, который «страдает» синдромом локализма, частично теряет ряд важных особенностей настоящего представителя своего государства – лояльности, полной преданности собственной стране. Данное явление Г. Никольсон считает одним из главных недостатков французской системы дипломатии, которая в своих основных чертах продолжает существовать и в наше время.

Приобрести «локалитис» означает стать как бы местным жителем (native). Этот синдром, как принято считать и как мы уже отметили (об этом феномене автор настоящих строк написал в опубликованной еще в 2010 году и уже упомянутой выше книге «Дипломатия»), является синдромом тех дипломатов, которые долгие годы работают в одной стране или в одной географической и культурной области мира. Это явление замечалось, начиная с тех времен (в позднем Средневековье, со времен Ренессанса), когда появились первые постоянные дипломатические представительства европейских государств в других странах. В умеренных случаях дипломат теряет связь с теми представлениями и чувствами, которые господствуют в стране. Худший случай – это когда он становится в большей мере выразителем чаяний того народа и государства, в котором он аккредитован, чем своей родины, которая отправила его в эту страну для защиты ее интересов¹²³. Автор настоящих

¹²³См.: Berridge G.R. Diplomacy. Theory and Practice. Third Ed., New York, 2005, p. 112.

строк в вышеупомянутой книге привел конкретные примеры таких личностных преобразований некоторых дипломатов иностранных государств, работавших в Армении.

Вовлечение в местную культуру, инкультурация дипломата, облегчается в том случае, когда в местной культуре высоко оцениваются такие идейные и культурные ценности, которые представляют интерес и ценность также для своей страны. Британские авторы, в том числе Дж. Берридж, отмечают, что такое чарующее влияние оказывала арабская культура на тех американских дипломатов, которые работали в арабских странах¹²⁴.

На дипломатов могут оказать влияние также те подарки и награды, которые они получают от государства пребывания. Именно это обстоятельство имела в виду Королева Британии Елизавета Первая, которая, используя образное выражение, говорила следующее: я бы не хотела, чтобы на моих баранах имелись и другие метки, кроме моих. Это сведение приводит известный английский дипломат Сатоу¹²⁵.

Феномен «локалитис» зависит также от целого ряда других факторов. Один из них – это то, что дипломат, особенно посол, посланник и консул, работают на переднем крае политики своего государства, в тесном контакте с влиятельными деятелями страны своей аккредитации. Чтобы получить к ним доступ, дипломату надо иметь некоторое согласие с ними, с их установками, питать некоторую симпатию к ним, хотя это в значительной мере зависит от мощи своего и другого государств, от тех разногласий, которые имеются между ними. Другой фактор следующий: «локалитис» дипломата усиливается, если свой министр иностранных дел не принимает те объяснения и предложения, которые передает ему дипломат. Посол, находясь в прямом контакте с должностными людьми государства пребывания, не может так же резко протестовать против их позиций, как человек из своего министерства, которое находится далеко. И когда, находясь так далеко, чиновники из министерства резко отвергают сообщения своих дипломатов, у которых не всегда возникает возможность более резко и решительно передавать позиции своего начальства, у посла возникает больше симпатии к позиции руководителей страны пребывания. Это интересное наблюдение, которое отмечает упомянутый выше Дж. Берридж и которое сделал один из аккредитованных в Париже английских послов, представляет интерес также с психологической точки зрения. Речь идет о **реактивном образовании**, которое таит в себе

¹²⁴ Berridge G.R., op. cit., p. 113.

¹²⁵ См.: Satow, 1922, Vol. 1, p. 369; Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. –М., 1961.

опасность вовлечения дипломата еще глубже в процессы аккультурации и адаптации и довести их до того уровня, когда он в большей степени становится рупором интересов принимающей страны, чем своей родины.

Одним из действенных средств, применяемых против таких чрезмерно вредных последствий локальности, является хорошо знакомый дипломатам порядок **ротации**. Как правило, это делается каждые 3-4 года. Причем проблема предотвращения перехода дипломата в статус «местного жителя» так важна, что главы государств и министры иностранных дел идут на то, что жертвуют тем опытом и знаниями, которые дипломаты приобрели в одной стране или регионе, в то время как этот опыт в другой стране или при переходе на другую должность может не пригодиться.

Однако встречаются интересные и поучительные случаи долголетней работы дипломатов в другой стране без приобретения локальности. Были и есть видные, по настоящему волевые дипломаты, которые, даже работая в одной стране десятилетиями, сохранили свою независимость и тесную связь с культурой своей страны. Такой результат в значительной мере зависит от мощи и влиятельности той страны, которую представляет дипломат. Но не менее важную роль играет личность дипломата, те ценности, цели, характер и воля, которые ему свойственны. В истории дипломатии нетрудно найти примеры таких сильных и преданных собственной стране дипломатов. Уже в опубликованной в 2010 г. книге «Дипломатия» мы привели ряд примеров: Ж. Камбона, который двадцать лет был послом в Англии и достойно представлял свою страну, А.Ф. Добрынина, который так же длительно работал послом СССР в США, и другие впечатляющие примеры¹²⁶.

Значение авторитета назначаемого посла. – Для успешной работы в стране назначения очень важны авторитет назначаемого посла, его уже приобретенный социальный статус, в том числе позиция в сфере дипломатической деятельности. Высокий статус и авторитет необходимы, поскольку они облегчают вход дипломата в сферу влиятельных людей страны его аккредитации. Кроме того, когда в определенную страну другое государство назначает известного и уважаемого человека, это тешит самолюбие господствующей элиты данной страны и ее народа, поскольку свидетельствует о том

¹²⁶ См.: Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986). –М., 1986.

уважении, с которым к ним относится руководство аккредитирующего своего посла государства.

Именно поэтому, начиная с позднего Средневековья, когда европейские государства начинали назначать в другие государства постоянных послов и создавать постоянно действующие представительства, государства, особенно европейские, назначали послами людей из среды аристократов. Это было частью так называемой французской системы дипломатии. Однако одновременно с наступлением в Европе политической демократии, коренные изменения претерпела также дипломатия. В настоящее время при назначении послов учитывают не столько социальное происхождение, сколько образованность, личную культуру, знания и опыт работы и, что чрезвычайно важно, преданность интересам своего государства, патриотизм.

Различие специфических черт предшествующей (преимущественно аристократической) и современной (преимущественно демократической) дипломатии – интересный предмет для исследования, в том числе с позиций современной социологии и психологии¹²⁷. При этом следует иметь в виду, что демократический политический истеблишмент носит определенные плебейские черты, что наблюдается также в сфере дипломатической деятельности. Об этом свидетельствует, в частности, уже приведенный выше пример: то, что рассказал бывший президент Франции Жискард д'Эстен о своей встрече с премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер: она так нецивилизованно вела себя во время беседы, что оставила на президента Франции крайне неприятное впечатление, получив от него прозвище «дочь торгаша».

При исследовании значения авторитета дипломата необходимо учесть, что этот авторитет складывается из двух компонентов: а) из авторитета государства, которое он представляет; б) из его личного авторитета. Чем мощнее и влиятельнее государство, тем влиятельней его посол, поскольку он является носителем части власти своего государства. Если к этому авторитету добавляется еще и авторитет личности, то такой посол может стать весьма эффективно работающим дипломатом, представителем интересов своей страны. Но есть одно обстоятельство, которое может препятствовать этой положительной тенденции. Речь идет о том, что когда государство имеет большую экономическую и военную мощь, а

¹²⁷ Этот вопрос подробно рассматривается, в частности, в следующей книге: Саун О.Ф. Дипломатическое ремесло. –М.: «Международные отношения», 2008.

тем более – если это сверхдержава, ее дипломатия приобретает тенденцию упрощения; она может стать прямолинейной и жесткой. Такая дипломатия вызывает раздражение и антипатию, а также противодействие со стороны партнеров и соперников, поскольку оскорбляет их своей грубостью, самодовольством и презрительным отношением к интересам и чести слабых государств.

Убедительным примером такой дипломатии являются в наше время – в начале XXI века - политика США и объединенной Европы, а также Турции и некоторых других разбогатевших государств. Это интересное явление, и целесообразно исследовать его путем сравнения политики целого ряда современных государств. Это явление имело место также в прошлом, особенно в империях. (Достаточно вспомнить о политике по отношению к другим народам Римской империи, Османской империи и других сильных в свое время государств.)

В этой связи рассмотрим две проблемы, которые в процессе дальнейшего развития психологии дипломатической деятельности могли бы стать предметом более широких исследований. Первая из этих проблем следующая: какова структура способностей дипломатов. Вторая, и не менее важная проблема, – какие качества и черты личности вредны для дипломатической деятельности и даже несовместимы с этой деятельностью.

Нередко, даже в специальной литературе, говоря о каких-то способностях человека, далее не пытаются выяснить по крайней мере следующие обстоятельства: а) Какова структура каждой способности и какие функции она выполняет или может выполнять? б) Как возникли у человека эти способности, т.е. каковы причины и условия их успешного или недостаточного развития у личности?

Например, в области дипломатии говорят о необходимости для будущего дипломата иметь соответствующие способности, наличием или отсутствием которых определяется его пригодность для работы в этой области человеческой деятельности. Но, насколько мы смогли выяснить путем исследования соответствующей литературы, пока что отсутствует научно разработанная и проверенная концепция способностей «идеального» дипломата, т. е. настоящего профессионала, мастера своего дела. Трудность создания такой концепции нам понятна, ведь для создания такого теоретического представления необходимо глубоко знать также современную психологию личности, что для сверхзанятых дипломатов дело трудное, а для многих – просто недоступное.

Для разработки концепции «характер дипломатических способностей» необходимо привлекать достижения психологии способностей, а ведь эта наука в составе психологии – одна из самых сложных; в ней тоже не все проблемы еще решены¹²⁸. Как и вообще при исследовании личности и ее способностей, в области дипломатии тоже необходимо раскрыть следующие аспекты умственных способностей человека: а) общая одаренность человека и ее уровни; б) специальные или парциальные способности (языковые, математические, психологические и другие); в) поскольку речь в настоящей книге идет об умственных способностях дипломатов, одной из задач специалистов должно быть выяснение того, существует ли единая комплексная способность к дипломатической деятельности. В предыдущих параграфах настоящего труда мы уже рассмотрели отдельные способности, которые необходимы дипломатам для успешной деятельности. Но остается дать ответ на трудный вопрос о том, взаимосвязаны ли эти способности в психике каждой личности и составляют ли они некоторое синтетическое единство в виде сверхспособности? Существует ли одна специфическая дипломатическая способность или же следует говорить о группе, «букете» способностей, которые, не составляя синтетического единства, все же способствуют успешной работе дипломата?

Если предположить, что общая дипломатическая способность состоит из N компонентов, т. е. частных способностей и, возможно, других черт (неинтеллектуальных, например эмоциональных), то для каждого индивида должны существовать следующие блоки или аспекты способности: а) присутствие в структуре личности общей дипломатической способности; б) определенный уровень ее интенсивности; в) связи с другими психическими комплексами; г) способы их развития и тренировки и т. д.

Мы считаем, что при успешной разработке этих сложных проблем в структуре теории дипломатии возникнет специальный раздел «Теория дипломатических способностей», в которой достойное место займут психологический и психогенетический аспекты.

Однако, сказанное выдвигает необходимость изучения **личностных черт и качеств, вредных для работы в области дипломатии**. Этот вопрос с первого взгляда может показаться тривиальным, и ответ на него будет таким: конечно, нежелательны для дипломатов те качества, которые по своему характеру противоположны уже рассмотренным

¹²⁸ См., например: Анастаси А. Дифференциальная психология. –М.: «Апрель Пресс», «ЭКМО Пресс», 2001.

в предыдущих параграфах настоящей главы желательным чертам и личностным качествам: точности мысли, сдержанности, высоко развитой способности к самоконтролю и самодисциплине, лояльности и т. д. В целом это правильный подход.

Однако есть обстоятельства, которые необходимо учесть при составлении перечня нежелательных черт личности дипломата. Из них упомянем следующие: а) во-первых, только обозначение соответствующим словом противоположной черты не означает решения этой задачи; необходимо раскрыть суть этого качества и описать его проявления в поведении и речи человека. Совсем необязательно, чтобы противоположное качество было зеркальным отражением положительного качества, только со знаком минус; б) во-вторых, следует иметь в виду, что у человека могут быть и такие черты и качества, у которых нет противоположных черт и качеств. Ведь дихотомический подход не охватывает все возможные черты и качества личности. Дихотомический подход к чертам личности сильно упрощает общий образ личности и должен использоваться с предосторожностями. Поэтому несовместимые с трудом дипломата или просто вредные для его деятельности черты личности должны стать предметом специальных исследований в теории дипломатии. Ниже мы предварительно рассматриваем некоторые из тех нежелательных черт, которые отмечены прежними авторами, оставляя их более доскональное исследование на будущее. На этом пути предстоит создать специальную субдисциплину теории дипломатии, которую можно назвать «концепция личности эффективного профессионального дипломата».

Опытные дипломаты и авторы книг о дипломатической деятельности отмечают нижеследующие личностные черты, которые неуместны в деятельности дипломата, поскольку могут навредить и даже погубить его карьеру.

В их числе – ирония, тем более сарказм, когда этими эмоционально-познавательными тенденциями ума злоупотребляют. Ирония и сарказм в виде остроумных замечаний в адрес других людей, а тем более начальства, погубили карьеру немало числа молодых дипломатов. Г. Никольсон ясно выразил свое мнение об этом. Он считал, что остроумие – качество недипломатическое. Ирония, эпиграммы, колкие ответы и необоснованные обвинения – «большие дипломатические пороки», считал этот автор. Он не отрицал роль чувства юмора, иронии, но с условием, что они в первую очередь направляются человеком на собственную личность. Эти явления, которые на эмпирическом уровне уже отмечены и

зафиксированы в литературе, заслуживают того, чтобы стать предметом отдельного исследования с использованием достижений современной психологии и других наук в области изучения эмоций и чувств человека¹²⁹.

Говоря о неприемлемости необоснованных обвинений в адрес других дипломатов, начальства или всего МИД, некоторые авторы (тот же Г. Никольсон, О.Ф. Сакун и др.) фактически имеют в виду отрицательные ложные приписывания (атрибуции) другим людям таких качеств, желаний и намерений, которые в данном обществе, как правило, оцениваются отрицательно, как пороки. Однако следует отметить, что подобные склонности широко распространены в среде современных государственных служащих, политиков и дипломатов, а тем более - журналистов. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно проследить за деятельностью и высказываниями американских и европейских дипломатов в первой декаде XXI века и в наши дни.

В литературе приводятся примеры, когда неумная ирония и остроты, необъективная критика в адрес вышестоящих чиновников и даже внешнеполитических учреждений вообще, приводили к провалу всей карьеры дипломатов, т. е. оказывали крайне отрицательное влияние на их судьбу в сфере ведущей деятельности.

На еще один серьезный недостаток, уже из сферы познавательной активности человека (который не позволяет ему стать эффективно работающим дипломатом), указал видный советский дипломат А. Трояновский. В предисловии к русскому изданию книги Ж. Камбона «Дипломат», наряду с целым рядом других ценных политологических замечаний, он отмечает следующее: «Способность слушать и наблюдать чрезвычайно важна для дипломата. Эта способность роднит дипломата с представителями некоторых других профессий, например с журналистами и писателями». И чуть далее он продолжает: «Помимо способности наблюдать дипломат должен уметь делать выводы и давать полезные советы своему правительству. Многие хорошо информированные люди неспособны делать обобщения и подсказывать необходимые решения»¹³⁰. На основе таких предложений министр иностранных дел может принимать разумные решения. Поэтому те, кто неспособен на обобщение фактов и выработку таких предложений, которые могут составить ядро решений, принимаемых высшими инстанциями своего государства, не могут стать

¹²⁹ См.: Изард К. Психология эмоций. –СПб.: «Питер», 2003; Ильин Е.П. Эмоции и чувства. –СПб.: «Питер», 2007.

¹³⁰ См.: Трояновский А. Предисловие. – в книге: Камбон Ж. Дипломат. –Москва, 1946. – С. 7.

эффективными дипломатами. Следует отметить, что упомянутый недостаток мыслительных способностей многих людей должен исследоваться в психологии мышления. И здесь мы видим, каким полезным может быть сотрудничество между психологами и политиками, в частности психологами и дипломатами.

Для психологии мышления и психологии личности представляет важность та проблема, на которую здесь указал А. Трояновский. А проблема следующая: чем обусловлено то, что многие хорошо информированные люди неспособны делать обобщения и предлагать решения проблем.

Но мы бы добавили еще вот что: **такие люди видят факты, но не осознают и даже не чувствуют наличие проблемы.** Поэтому они склонны собирать все больше и больше фактов, думая, что именно в этом состоит настоящая умственная работа. Данный недостаток заметил еще немецкий философ И. Кант, который выделил, хотя и только в общефилософском плане, два уровня мышления: уровень рассудка и более высокий уровень – уровень разума, на котором человек оперирует общими понятиями и закономерностями.

Это означает, что в процессе обучения молодых дипломатов необходимо обращать внимание не только на знание фактов, но также, а может быть в еще большей степени, на развитие их познавательных способностей: способности перейти от фактов к обобщениям, на развитие способности делать индуктивные и дедуктивные выводы, на способность понимания того, что по ту сторону наблюдаемых фактов скрываются законы и закономерности, которые управляют их динамикой в психике человека и в межличностных отношениях. Важным способом развития будущих дипломатов может стать обучение их **причинному анализу** наблюдаемых явлений и процессов, в первую очередь, политических процессов. Если же человек никак не может подняться на уровень разумного мышления, довольствуется наблюдениями и сбором фактов, он становится ограниченным эмпириком. Если такие люди достигают высоких статусов, которые дают им власть над людьми и делают ответственными за принятие важных политических решений, то их стране вследствие ошибочных решений и действий таких руководителей будет причинен огромный вред.

Конечно, не обязанность дипломата, даже высокого ранга и позиции в системе политических учреждений, искать объяснения и решения таких сугубо научных психологических и педагогических проблем. Но уже то обстоятельство, что он их замечает,

свидетельствует о том, что исследование этих проблем имеет широкое научное и прикладное значение, в том числе для теории и практики дипломатической деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате диссертационного исследования были сделаны следующие выводы:

1. С учетом современных особенностей формирующегося нового миропорядка, представляется необходимым осуществить гуманизацию политической культуры. Это позволит расширить социальное пространство политической системы «я», основываясь на политическом дискурсе «мы-они».

2. В процессе модернизации и гуманизации политической культуры должны динамично развиваться различные формы политической активности. Однако в сложившихся условиях активность имея маргинальный характер, в свою очередь, маргинализует международные отношения. В результате на фоне кризисов политического равития наблюдается олигархизация процесса демократического транзита, которое и, персонофицируя политическую власть, препятствует гуманизации политической культуры. В данном контексте представляется необходимым демократизировать политическую систему на основе развития гражданской культуры и гармонизации интересов политического и гражданского обществ.

3. Гуманизация политического поведения дипломата является результатом взаимодействия личности и среды. Предполагаемое взаимодействие представляет собой сложную и динамичную систему, в рамках которого не только личность и внешняя среда детерминируют политическое поведение дипломата, но также сами ценностные установки политического поведения и их трансформация диктуют векторы развития как среды, так и личности дипломата. Это поднимет ответственность дипломата в процессе защиты национальных и государственных интересов.

4. Эффективность политической социализации зависит от взаимодополняющего функционирования институтов политической власти и от уровня когнитивности индивида. Этот многовекторный процесс в условиях демократического транзита можно реализовать с помощью продолжительного обучения (lifelong learning).

5. Продолжительное обучение (lifelong learning) является не только одной из ключевых факторов социализации дипломата, поднимая его профессиональные навыки и знания. Конкурентоспособность дипломата поспособствует его адаптации к реалиям

формирующегося нового миропорядка, адекватно реагируя на симметричные и асимметричные вызовы современных международных отношений.

6. Реализация политических решений связана с риском и ответственностью, следовательно политическая деятельность должна основываться на политической воле акторов. В этом контексте политическая деятельность дипломатов и глав государств должна быть не только базирована на рациональном использовании власти, но также на выявлении, развитии, модернизации и гуманизации государственных интересов с целью эффективного функционирования стратегии безопасного будущего.

7. Формирование нового миропорядка выдвигает императиву переосмысления государственного суверенитета, а также защиты национальных и государственных интересов в условиях систематизации сетевого и иерархического глобального управления. Вступая в международную организацию, необходимо учитывать соотношение государственной власти и уровня делегирования государственного суверенитета на наднациональный уровень. Это позволит государственным структурам не только быть представленными, но также защищать свои интересы в рамках глобального управления.

8. Развитие современных международных отношений выдвигает императиву переосмысления роли государства как актора легитимации и легализации политической деятельности. Следовательно, дипломатическая деятельность является как специфическим видом деятельности по осуществлению государственной власти, так и создателем имиджа государства.

9. Соблюдение принципа суверенитета способствует гуманизации международных отношений и мирового сообщества. Это универсальный принцип по сфере своего применения, по своим субъектам и по тем государственным отношениям, к которым применяется. Однако суверенитет и принцип территориальной целостности государств должны быть легитимными и соответствовать принципу “исторической справедливости”. В противном случае, народ (этническая группа) получает право “на самоопределение во спасение”.

10. Политическое поведение дипломата определяется формой государственного правления как отправляющей стороны, так и страны пребывания. В данном контексте эффективное осуществление профессиональных обязанностей требует от дипломата

базирование на теорию ролей, которая включает в себя политологические, психологические и социологические подходы. Это позволит дипломату эффективно осуществлять свою деятельность на основе реализации своих ролей.

11. Деятельность дипломата обусловлена не механической идентификацией с партнером, а рациональной эмпатией, которая дает возможность, объективно анализируя политическую действительность, становится актором гуманизации и модернизации политической культуры в современных международных отношениях. Это позволит обеспечить эффективное и безопасное функционирование страны в процессе становления нового миропорядка.

Вышеизложенные выводы предоставляют возможность представить следующие предложения:

1. Процесс формирования нового миропорядка предполагает переосмысление политической деятельности. С этой целью предлагается гуманизация политической культуры как фактора эффективной политической деятельности.

2. В условиях сетевого и иерархического управления сохранение государственного суверенитета выдвигает императиву разработки стратегии безопасного будущего, основываясь на гармонизации интересов “центр-периферия” и “государство-нация-общество-индивид”.

3. Для повышения ответственности дипломатической деятельности предлагается расширить социальное пространство публичной дипломатии.

4. Модернизировать этический кодекс дипломата Республики Армения, подчеркнув ценностную и морально-нравственную многогранность дипломатической деятельности. Это позволит повысить ответственность дипломата как модератора имиджа государства.

5. Инициировать принятие закона, который потребует от послов и высшего дипломатического руководства ежегодно представлять отчет о деятельности в Национальном Собрании РА.

6. Модернизации ООН с целью гуманизации современных международных отношений на основании приоритености права народов на самоопределение, обеспечения четырех поколений прав человека, а также запрета на применение сверхсовременных видов вооружений.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Официальные документы

1. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն (Ընդունվել է 1995թ. հուլիսի 5-ի ՀՀ հանրաքվեով), <http://www.president.am/hy/constitution/>
2. Устав Организации Объединенных Наций, 1945г., <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
3. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, Заключительный акт, 1975г., <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>
4. Конституция Российской Федерации, (принята всенародным голосованием 12.12.1993), <http://www.constitution.ru/>
5. Венская конвенция о дипломатических сношениях, принята 18 апреля 1961 г., http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml
6. Венская конвенция о консульских сношениях, принята 24 апреля 1963 г., http://www.varna.mid.ru/doc/pk1_1.htm

II. Книги и монографии

1. Մ.Մ. Մարգարյան, Քաղաքական արդիականացման և զարգացման հիմնահարցեր, Երևան, Պետական ծառայություն, 2004, 261 էջ:
2. Մ.Մ. Մարգարյան, Քաղաքական ընտրանին և ժողովրդավարականանցման հիմնախնդիրները Հայաստանի Հանրապետությունում, Երևան, Պետական ծառայություն, 2006, 391 էջ:
3. Ա.Ա. Նալչաջյան, Հոգեբանության հիմունքները, Երևան, 1997, 648 էջ:
4. Ա.Ա. Նալչաջյան, Սոցիալական հոգեբանություն, Երևան, «Հոգեբան», 2004, 432 էջ:
5. Ա.Գ. Նավասարդյան, Դիվանագիտություն, Երևան, «Մուղնի», 2010, 496 էջ:
6. Ա.Գ. Նավասարդյան, Հերմեսից մինչև մեր օրերը//Մատենաշար՝ «Հետաքրքրաշարժ դիվանագիտություն», գիրք Ա, Երևան, «Գրական հայրենիք», 2011, 160 էջ:

7. Ա.Գ. Նավասարդյան, Հելլադայի դիվանագիտական որոգայթները: Հայացք XXI դարից//Մատենաշար՝ «Հետաքրքրաշարժ դիվանագիտություն», գիրք Բ, Երևան, «Հայաստան», 2012, 192 էջ:
8. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. Москва: «Аспект Пресс», 2002. – 537 с.
9. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. Москва: "Прогресс" - "Политика", 1993. – 608 с.
10. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. Москва: «Аспект Пресс», 1998. – 517 с.
11. Василенко И.А. Политические переговоры. Учебное пособие. Москва: «ИНФРА – М», 2011. – 396 с.
12. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. Москва: Политиздат, 1991. – 367 с.
13. Гирц К. Интерпретация культур/ Пер. с англ. — Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
14. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. – 448 с.
15. Гуревич П.С. Политическая психология. 2-е издание. Москва: «Юрайт», 2013. – 565 с.
16. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. Москва: «Наука», 1985. – 319 с.
17. Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. Учебное пособие. Москва, 1995. – 271 с.
18. Демидов В.В. Информационно-аналитическая работа в международных отношениях. Учебное пособие. Москва: «Инфра-М», 2013. – 200 с.
19. Деркач А.А., Лаптев Л.Г. Политическая психология. 2-е изд, Москва: «Юрайт», 2013. – 591 с.
20. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986). Москва, 1996. – 728 с.
21. Дюверже М. Политические партии. 4-е изд., Москва: «Академический проект», «Трикта», 2007. – 544 с.

22. Зонова Т.В. Дипломатия. Модели, формы, методы. Учебник для вузов. Москва: «Аспект Пресс», 2013. – 348 с.
23. Ирхин Ю.В. Политология. 2-е издание. Москва: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1996.– 463 с.
24. Кальер Ф. Каким образом договариваться с государями. Москва: Издательство «МИА», 2001. – 382 с.
25. Камбон Ж. Дипломат. Москва: ОГИЗ, 1946. – 87 с.
26. Кардунян В.Г. Некоторые проблемы современной системы международных отношений. Ереван. Изд-во РАУ, 2013. –156 с.
27. Киссинджер Г. Мировой порядок/ Пер. с англ. В. Желнинов, А. Милюков. AST Publishers, 2015. – 512 с.
28. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2002. – 352 с.
29. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе, М.: Европа, 2006, <http://jokibook.ru/pdf/re/realnyj-suverenitet-v-sovremennoj-miropoliticheskoj-sisteme.pdf>
30. Котанджян Г. Основные направления разработки стратегии национальной безопасности Армении в контексте архитектуры региональной безопасности, Ер.: Институт национальных и стратегических исследований им. Драстамата Канаяна МО РА, 2008. – 604 с.
31. Котанджян Г. Этнополитология конфликта. Основы военной политики и национальной безопасности Армении, Ер.: ИНСИ МО РА, 2010. – 764 с.
32. Краткий политический словарь. Под общей редакцией Л. А. О니кова и Н. В. Шишлина. Москва: «Политиздат», 1983. – 367 с.
33. Крыжановская О.А. Свобода, воля, власть (философские проблемы социальной и политической воли). Ростов-на-Дону. СКНЦ ВШ, 1996. – 168 с.
34. Кэмп Дж. Сначала скажите «нет»: секреты профессиональных переговорщиков. Москва: Изд-во «Добрая книга», 2006. – 272 с.
35. Лавик Н.Й. Политическая психология. Москва: «РОССПЭН», 2013. – 359 с.
36. Левин И.Д. Суверенитет. СПб.: "Юридический центр Пресс", 2003. – 373 с.
37. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. Москва: 1975. – 352 с.

38. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества// в книге "Оборотная сторона зеркала", М.: Республика, 1998. – 393 с.
39. Макиавелли Н. Избранные произведения. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов-на-Дону: Ид-во «Феникс», 1998. – 576 с.
40. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: «Питер», 2001. – 592 с.
41. Маркарян Э.С. Гуманизм XXI столетия. Идеология самосохранения человечества. – Ер.: Изд-во РАУ, 2008. – 512 с.
42. Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1993. – 240 с.
43. Моисеев А.А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. Москва: «Научная книга», 2006. – 246 с.
44. Налчаджян А.А. Психика, сознание, самосознание, Ереван, 2011. – 518 с.
45. Негосударственные участники мировой политики. Под ред. М.М. Лебедевой и М.В. Харкевича. Москва: «Аспект-Пресс», 2013. – 208 с.
46. Никольсон Г.Н. Дипломатическое искусство. Москва: Издательство Института международных отношений. 1962.– 118 с.
47. Никольсон Г.Н. Дипломатия. / Перевод с английского под ред. А.А. Трояновского. Москва: ОГИЗ, 1941. – 154 с.
48. Общая психология. Под ред. А.В. Петровского. 2-е изд., Москва: «Просвещение», 1976.– 479 с.
49. Овчинников В.И. Вебер. – В сб.: Политическая социология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997.– 640 с.
50. Овчинников В.И. Культура и политика. – В сб.: Политическая социология. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997, с.
51. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. Москва: «Академический проект», Екатеринбург: «Деловая книга», 2002. – 576 с.
52. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Москва: Изд-во АСТ, 2001. – 509 с.
53. Основы политической науки. Учебное пособие. Под ред. В.П. Пугачева. Часть I, II. Москва, 1995. Часть I– 224 с.; Часть II – 224 с.

54. Язык телодвижений: Как читать мысли окружающих по их жестам, 2000, http://vegas2011.at.ua/jazyk_telodvizhenij.pdf
55. Пирогов А.И. Политическая психология. Москва: Трикса, 2005; Москва: Академический проект, 2005. –368 с.
56. Политическая социология. Ответственный редактор Г.П. Сопов. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997, 640 с.
57. Политологическая теория и политическая практика. Словарь- справочник. Под ред. А.А. Миголатьева. Москва, 1994. – 406 с.
58. Политология. Курс лекций. Под ред. А.А. Радугина. Москва: Изд. «Центр», 1966. – 286 с.
59. Политология. Энциклопедический словарь. Под ред. Ю.И. Аверьянова. Москва: Издательство Московского коммерческого университета, 1993. – 431 с.
60. Попов В.И. Современная дипломатия. Теория и практика. Москва: «Международные отношения», 2004. – 576 с.
61. Психологический словарь. Под ред. В.В. Давыдова и др. Москва: «Педагогика», 1983.–448 с.
62. Психология и психоанализ власти. В двух томах. Редактор-составитель Д.Я. Райгородский. Том 1: Самара: «Бахрах», 1999, 608 с.; Т. 2. Самара: «Бахрах», 1999. – 576 с.
63. Психология масс. Хрестоматия. Самара: Изд. Дом «Бахрах», 1998. – 592 с.
64. Пугачев В.П. Политология. Справочник студента. –М.: АСТ: СЛОВО, 2001. – 576 с.
65. Пугачев В.П., Соловьев А.И., Введение в политологию: Учебник для студнтов вузов / Москва, Аспект Пресс, 2001. – 477 с.
66. Пушкарев Г.В., Homo politicus: человек политический. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. – 336 с.
67. Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд., Москва: «Политиздат», 1990. – 319 с.
68. Российский энциклопедический словарь. Кн. 2. Главный редактор А.М. Прохоров. Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2000. – 1517 с.
69. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Москва, 1945. – 720 с.
70. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. - «Об общественном договоре. Трактаты». – Перевод с французского А. Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. Кн. 1. Москва: «Канон – пресс», 1998. – 416 с.

71. Сақун О.Ф. Дипломатическое ремесло. Москва: Международные отношения, 2008. – 440 с.
72. Самойленко В.В. Дипломатическая служба. Москва: Изд-во «Норма», 2011. – 320 с.
73. Самыгин С. И., Столяренко Л.Д. Психология управления. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: «Феникс», Москва: «Зевс», 1997.– 512 с.
74. Смелзер Н. Социология. Москва: «Феникс», 1994. – 688 с.
75. Согомоян В. Пресс-секретарь президента.– М.: АСТ, 2009. – 160 с.
76. Стариков Н.В. Геополитика: Как это делается. – СПб.: «Питер», 2014. – 368 с.
77. Большая Советская энциклопедия. Гл. редактор А.М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1976.
78. Тойнби А. Постижение истории. – Сб., Москва: «Айрис-пресс», 2008.–640 с.
79. Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. Москва: Изд-во ИМО, 1963. – 271 с.
80. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
81. Философский энциклопедический словарь. Гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н. и др., М.: Советская энциклопедия, 1983. — 836 с.
82. Фуко М. Безопасность, Территория, Население/ Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году. Перевод с французского Н.В. Суслова, А.В. Шестакова, В.Ю. Быстрова, Hautes Etudes, Gallimard Seuil, Санкт-Петербург: «Наука», 2011. – 544 с.
83. Фукуяма Ф. Государственный порядок: научно-популярное издание/ Пер. с англ. В.Л. Гончарова. – М.: Изд-во АСТ, 2015. – 686 с.
84. Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. Москва: Академический проект: 2005; Культура: 2005. – 1056 с.
85. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: «АСТ», 2003. – 603 с.
86. Хаустова Н.А., Глазунов О.Н. Контуры стратегической нестабильности XXI века. Геополитические игры на мировой шахматной доске. Прогнозы до 2030 года. Москва: «Ленанд», 2014. – 176 с.
87. Хейвуд Э. Политология. Второе издание. Москва: «Юнити», 2005. – 544 с.

88. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В двух частях. Москва: «Педагогика», 1986.
89. Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Изд-во Московского университета, 2014. – 576 с.
90. Цымбурский В. Игры суверенитета: Новый возраст России, http://www.intelros.ru/pdf/rus_magazin/02_2008/25.pdf
91. Шевцов В.С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). Москва: «Юридическая литература», 1978. – 230 с.
92. Шейнов В.П. Психология лидерства, влияния и власти. Минск: «Харвест», 2008. – 656 с.
93. Экман П. Психология лжи. Санкт-Петербург, Москва: «Питер», 1999, http://www.pseudology.org/chtivo/EkmanPol_PsihologiyaLzhi.pdf
94. Экономика и право. Под ред. Л.П. Куракова и др. – Москва: «Вузишкола», 2004. – 1072 с.
95. Aron R. Les institution politiques de l'Occident dans le monde du XX siècle. La Democratie a l'epreuve du XX siècle. Paris, 1960.
96. Aron R. Essais sur les libertés. Paris, 1965.
97. Barber-Berry C. and Rosenwein R. Psychological Perspectives on Politics. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice – Hall, 1985. – 342 p.
98. Barston R.P. Modern Diplomacy. Third Edition. London, New York, Pearson, Longmann, 2006. – 387 p.
99. Berridge G.R. Diplomacy. Theory and Practice. Third Edition. New York: Palgrave Macmillan. – 242 p.
100. Boden J., On Sovereignty: Four Chapters from Six Books of the Commonwealth. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Burdeau J. Traité de science politique. T.1, Paris, 1966, http://www.yorku.ca/comninel/courses/3020pdf/six_books.pdf
101. Brzezinski Z., Strategic vision: America and the Crisis of Global Power, New York: Basic Books, 2012. – 240 p.
102. Burdeau J. Traité de science politique. T.1, Paris, 1966.
103. Dawson K.E., Prewitt K. and Dawson K.S., Political Socialization. 2nd ed., Boston: Little and Brown, 1977.
104. Duverger M. Institutions politique et droit constitutionnel. Paris, 1966.

105. Duverger M. Introduction à la politique. Paris, 1964.
106. Fromm E., Escape from Freedom. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1941. – 301 p.
107. Henley N.M., Body Politics: Power, Sex, and Nonverbal Communication. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1977. – 216 p.
108. Lasswell H.D., Power and Personality. New York: W.W. Norton, 1948, http://www.policysciences.org/classics/power_personality.pdf
109. Lhomme J. Pouvoire et société économique. Paris, 1966.
110. Schefflen A.E. Body Language and Social Order: Communication as Behavior Control. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1972. – 192 p.
111. Skinner B. F., Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953. – 461 p.
112. Stone W.F. and Shaffner P.E., The Psychology of Politics. 2nd ed., New York: Springer Verlag, 1988. – 331 p.
113. Yan Xue-Tong, Analysis of China's national interests, 2008, http://cns.miis.edu/books/pdfs/china_national_interests.pdf
114. Zakaria F., The Post-American World, NY London: W. W. Norton & Company, 2008. - 292 p.

III. Научные статьи и публикации

1. Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции. – Полис. Политические исследования. 2012. № 5. – С. 130-147.
2. Вестфальский мир: межкафедральный «круглый стол» в МГИМО(У) МИД России; 27 февраля 2008 г. – Вестник МГИМО-Университета: Журнал, 2008, №1.
3. Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет. // «История и современность», №1, 2005. – С. 6-31.
4. Лебедева М.М. Система политической организации мира: идеальный шторм // Вестник МГИМО, 2016. - № 2. – С. 125-133.
5. Лебедева М.М. Современные тренды мирового развития: новое качество мира. // Метаморфозы мировой политики. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО (У), 2012.
6. Маркаров А.А. Безопасностные дилеммы и перспективы разрешения конфликтов на Южном Кавказе// Աշխարհաքաղաքական տեսություն. – Ер., 2011, № 1-2. – С. 214-225.

7. Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегород. гос. ун-та. Серия: История. 2003. Вып. 1. – С. 196-212.
8. Сартори Дж. Управляемая демократия // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. – М., 1992. – С 122-127.
9. Ушаков Н.А. Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве. // Московский журнал международного права. 1994, №2. – С. 4-12.
10. Almond G.A. A functional approach to comparative politics. – In: G. A. Almond and J. S. Coleman (Eds.). *The Politics of Developing Areas*. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1960, pp. 3 – 64.
11. Almond G.A. and Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Jeneppin D. Almond G.A., Verba S., *The civic culture. Political attitudes and democracy in five nations*. In: *Revue française de sociologie*, 1965, 6-1. pp. 98-99.
12. Archer J. Globalisation and the alleged demise of the sovereign state, *Journal of South Pacific Law*, Volume 8, 2004 - Issue 2, <http://www.paclii.org/journals/fJSPL/vol08no2/1.shtml>
13. Dahl R.A. The Concept of Power. – “Behavioral Sciences”, 2, 1957, pp. 201 – 215.
14. Greenstein F.J. Political Socialization. – In: D. Shils (Ed.). *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York: Macmillan. Vol. 14, pp. 551 – 555.
15. French, J.R.P. and Raven B. The bases of social power. – In: D.Cartwright (Ed.). *Studies in Social Power*. Ann Arbor (MI): Institute for Social Research, 1959, pp. 150 – 167.
16. Park R.E. *Human Ecology // On Social Control and Collective Behavior. Selected Papers / Ed. R.H. Turner*. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1967. p. 69-84,
17. Wang G. The impact of Globalization on State Sovereignty, *Chinese Journal of International Law*, 2004, 3(2), <http://chinesejil.oxfordjournals.org/content/3/2/473.full.pdf+html>